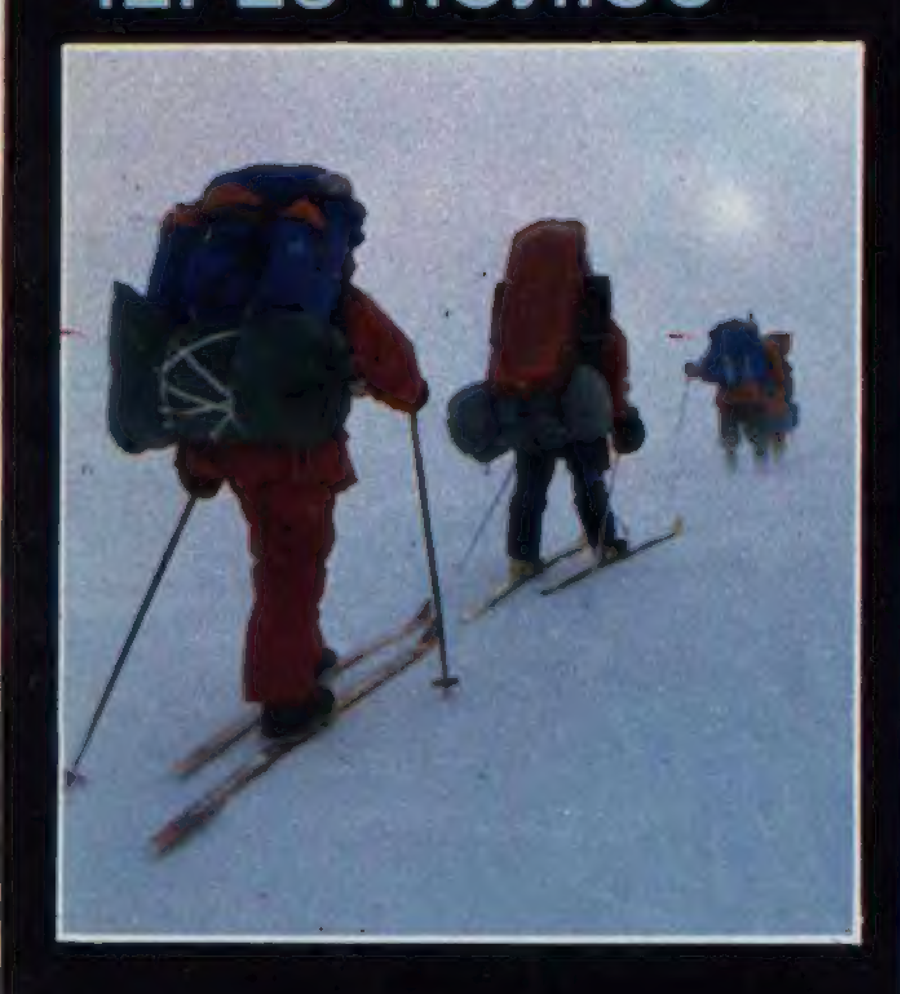
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 24 ИЮНЬ 1988

Михаил ВАГИН: „Не мешайте работать!“

ЛЫЖНЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЮС

РАССКАЗ ВЛАДИМИРА КРУПИНА

КРЫЛАТЫЙ РЕАЛИЗМ

В ОБЪЕКТИВЕ — СПОРТ

8ь

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (3177)

11 ИЮНЯ — 18 ИЮНЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Председатель колхоза имени Ленина Горьковской области, делегат XIX Всесоюзной партийной конференции Михаил Григорьевич Вагин. (См. в номере материал «...И не сметь командовать!»)

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

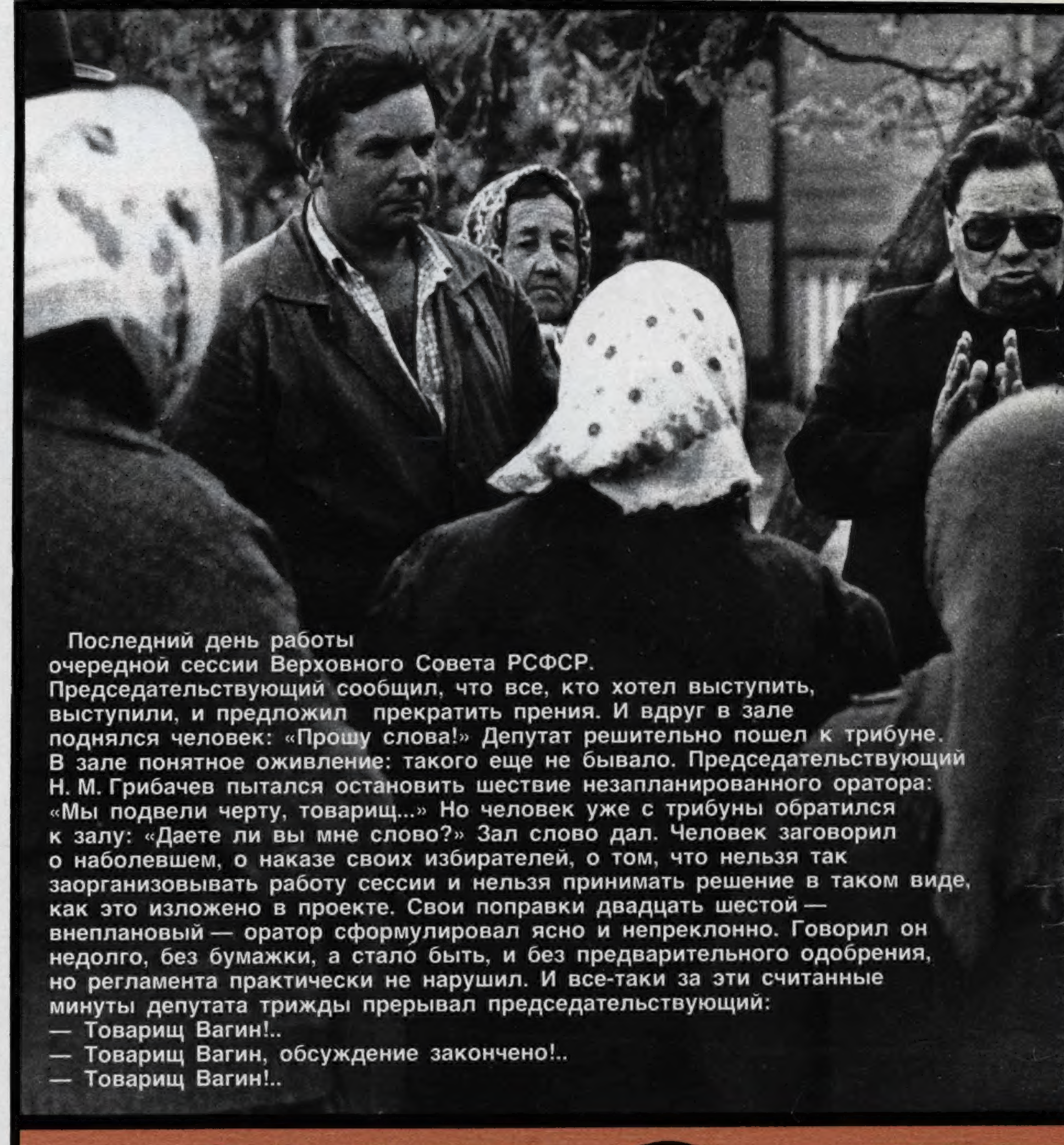
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 23.05.88. Подписано к печати 07.06.88. А 00353. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 780 000 экз. Заказ № 2437.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Последний день работы очередной сессии Верховного Совета РСФСР. Председательствующий сообщил, что все, кто хотел выступить, выступили, и предложил прекратить прения. И вдруг в зале поднялся человек: «Прошу слова!» Депутат решительно пошел к трибуне. В зале понятное оживление: такого еще не бывало. Председательствующий Н. М. Грибачев пытался остановить шествие незапланированного оратора: «Мы подвели черту, товарищ...» Но человек уже с трибуны обратился к залу: «Даете ли вы мне слово?» Зал слово дал. Человек заговорил о наболевшем, о наказе своих избирателей, о том, что нельзя так заорганизовывать работу сессии и нельзя принимать решение в таком виде, как это изложено в проекте. Свои поправки двадцать шестой — внеплановый — оратор сформулировал ясно и непреклонно. Говорил он недолго, без бумажки, а стало быть, и без предварительного одобрения, но регламента практически не нарушил. И все-таки за эти считанные минуты депутата трижды прерывал председательствующий:
— Товарищ Вагин!..
— Товарищ Вагин, обсуждение закончено!..
— Товарищ Вагин!..

...И НЕ СМЕТ

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

С председателем колхоза имени Ленина Горьковской области, Героем Социалистического Труда Михаилом Григорьевичем ВАГИНЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Николай БЫКОВ.

— Озорник вы, Михаил Григорьевич, отчаянный озорник... Такое ЧП на сессии Верховного Совета!.. А в общем-то никакой сенсации. Просто сложилась в жизни ситуация, знакомая по фильму Глеба Панфилова. Помните, финальный эпизод? Героиня Чуриковой решилась нарушить раз и навсегда заведенный порядок, и во весь экран появляется ее записка в президиум сессии: «Прошу слова»...Кстати, дело было в том же зале Кремля.

— Женщина решилась, а мне сам бог велел, вернее, мои избиратели. Я так и объяснил: мол, наши колхозники досадуют — перестройку объявили, а на местах спячка, всякой инициативе окорот. Ты — депутат, вот поезжай в Москву и скажи там с трибуны!.. Я просил слова — не дали... А от зала, когда сам взял слово, от моих коллег-депутатов была бурная поддержка, шквал аплодисментов. Возмущенный звонок председателя трезвонил так, что в ушах больно! Только мой характер, фронтовая выдержка помогли говорить по существу проблем. Мне было не до окриков. Да и время на дворе другое, а Грибачев, по всему видать, не сориентировался. Привычка — вторая натура.

— Урок демократии...

— Демократию я понимаю как широкую возможность проявить себя с четких гражданских позиций. А тех„ кто вольно или невольно притормаживает перестройку, отступление от старого стереотипа мышления, от устоявшейся регламентации мыслей и чувств пугает. Как бы обезоруживает, лишает былой власти. Не хватает культуры многим руководителям. Да вот в четвертом номере «Нового мира» академик Моисеев отлично написал: «Одна из наших больших бед — низкая общая культура руководящего звена. Чего греха таить, многим недостает и профессионализма, конкретных знаний и навыков, присущих мастеру своего дела... Нам нужны люди, способные видеть себя со стороны, свое место в нашем быстро меняющемся мире... И далеко не все представители управленческой элиты этим обладают». Отлично сказано, подпишусь под каждым словом! Некомпетентность, спесь и социальная слепота — беда прямо. А ты их слушайся...

— «Кто-то, сильный и властный, опасается нашей самостоятельности, поскольку тогда мы сами становимся сильными и властными в пределах своей хозяйственной террито-

ственных функций (и как можно скорее), райисполкомы возвращены к тем функциям, которые присущи всяким нормальным органам местного самоуправления, а РАПО должны быть превращены в разнообразные и полностью хозрасчетные производственные, закупочные и снабженческие объединения...».

— Целая программа!.. По-моему, ее необходимо было обсудить пораньше.

— Как-то я выступил на эту тему со страниц «Правды». Наболело. Как говорится, не мог молчать... Интересно, как эта моя статья появилась! В ЦК КПСС состоялось совещание, среди приглашенных был и я, более того, я подготовился выступить. Но время шло. Говорили в охотку, и по всему было видно, что мне не повезло — совещание затянулось. Однако слово дали. Но человек из аппарата попросил сказать побыстрому и закругляться, он даже часть моего текста перекрестил карандашом, ну и главное-то пошло на выброс. Подошел я к трибуне и предупредил, что задержу внимание присутствующих, но выскажусь до конца. Михаил Сергеевич Горбачев не возразил, и я все, что наметил, сказал. Главный мой тезис как раз и был ленинский: не командовать! Не мешайте, попросил, коли колхозники сами доверили нам! И еще замолвил слово за тех, кого замучили подозрениями, ревизиями, кого следственные органы, как того «тринадцатого председателя» в Театре имени Вахтангова, обвиняют и посегодня в нарушении — вольном или невольном — сотен, а то и тысяч инструкций. Так и сказал: прекратите преследование честных председателей колхозов! Выпустите тех, кто за решеткой не потому, что воровал, а только потому, что не ждал и не ждет разрешения на любое проявление инициативы и социалистической предприимчивости! Все поддержали. И Михаил Сергеевич. Мое выступление, хоть и не полностью, появилось в «Правде». А недавно, в день моего шестидесятипятилетия, я получил около шестисот поздравлений, так вот среди них очень много — от людей мне незнакомых, от коллег, отпущенных на свободу! И от лиц, чьи уголовные дела следственные органы закрыли, ибо очевидно же бескорыстие тех, кто строит, покупает, продает вопреки устаревшим инструкциям. И вопреки надзору со стороны органов Минфина, которым совершенно плевать на процесс перестройки в хозяйственной деятельности колхозов.

— Я вас понимаю, Михаил Григорьевич. Ситуация и впрямь не помогает сработать давно декларированным трем «С» — самостоятельности, самоуправлению, самофинансированию. Не дозволяют колхозу, правлению обернуться, сделать дело с выгодой для себя, то есть для села. Думаю, уж сегодня даже горожанам ясно, что беда исходит от тех, кто сам живет за счет аппарата администрирования. По существу, безраздельна власть районщиков и их областных повелителей, которую они с первых дней сплошной коллективизации обрели над жизнью деревни во всех ее проявлениях. Как им противостоять? Что противопоставить?

— Противопоставить одно — Закон о колхозах. Пусть это будет Закон о кооперации в СССР (беседа состоялась до принятия этого Закона.— **Н. Б.**). Колхозник должен стать крестьянином. А противостоять укоренившемуся насилию со стороны районщиков могут только раскрепощенные селяне, кто не потерял совесть, кто опирается на людей, единомышленников, то есть на стойко демократические отношения — и производственные, и личные. Кооперация не наше открытие. Только что Василий Белов напомнил, что до 1917 года в России было не менее шестидесяти трех тысяч кооперативов, а в них двадцать четыре миллиона пайщиков! Народ имел в кооперативах свой интерес. После нэпа тем более — кооперация расцветала...

Я лично в своей деятельности всегда придерживался золотого правила: взялся за гуж, не говори, что не дюж. Служение народу требует осознания и личного мужества. Инфаркты мои грянули раньше, чем такая правительственная награда, как звание Героя Социалистического Труда. Так вот, необходимо стоять крепко за интересы народа, односельчан. Нужно нередко идти на самопожертвование.

— Вас защищает авторитет, звание народного депутата и Звезда Героя. А как простым смертным давать действенный отпор захватившим власть на местах, не внявшим до сих пор трубному гласу перестройки?

— Во-первых, ни звания, ни Золотая Звезда сильно не помогают. Это не рента, а только символы признания прошлых заслуг. Жизнь, работа на благо народа, односельчан — дело каждодневное. Каждый день, как весенний,— сеешь, сеешь, сеешь. Чтобы рано или поздно пожинать, пожинать...

Во-вторых, тем, кто отважился на великое противостояние командно-административной системе, надо знать и не забывать, что главная идея июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС — считать утратившими силу все ведомственные инструкции, противоречащие Закону о государственном предприятии.

Противостояние, самостоятельность — все это, конечно же, нелегко. Нелегко, потому что чиновный мир слушает да ест; и продолжает диктовать. План теперь преподносится как госзаказ — столь же обязательный, как и раньше. Не исключено, что осенью, как черт из табакерки, возникнет допзадание и т. д. и т. п. Да, жизнь нашей деревни до сих пор парализуют и спущенные сверху, из Агропрома, указки, и ведомственные инструкции, и твердолобость райбанка, считающего наши деньги неприкосновенными... Не можем вырваться мы из капкана фондируемого снабжения, лимитов...

О сопротивлении тенденциям хозяйственного оживления свидетельствует и тот факт, что колхозникам к съезду колхозников был предложен, по существу, негодный устав колхоза. Он получился безразмерным, многостатейным и ориентированным на колхоз как на госпредприятие. Он и написан-то неважно, таким языком, что жителю села трудно его признать своим, уставом своей жизни.

Съезд проекта в такой редакции не принял. Об этом прямо не говорилось, но атмосфера съезда была настолько демократичной, откровенной, что стало ясно — устав передать на доработку. Думаю, что не следовало устав утверждать до принятия Закона о кооперации в СССР. И еще. Есть Закон о кооперации в СССР с признанием юридических прав колхоза как кооперации, поэтому устав достаточно обнародовать в таком общем виде, с таким минимумом приемлемых положений,

Ь КОМАНДОВАТЬ!

рии. Необходимо ли это обществу, государству? Да, позарез необходимо. Следовательно, не общество и не государство ведут с нами борьбу за власть. Тогда кто же? Посмотрите, где вязнут, обесцениваются решения, принятые на съезде партии и последующих Пленумах ЦК, там и обнаружится ответ — кто же?».

Узнаете, Михаил Григорьевич? Это ваши слова, я их взял из того же апрельского номера «Нового мира», из наступательной статьи Николая Шмелева. Вас цитируют!

— Не отрекаюсь, как говорится, ни от единой буквы. Действительно, испытывал недоумение накануне нашего съезда колхозников. Казалось, все так ждут перемен, перестройки... Но чувствую, что не все ждут. А время уходит, сами считайте: весна восемьдесят пятого, еще весна, еще, и вот уже на дворе четвертая весна, а нас, селян, пока кормят обещаниями: мол, будет вам и белка, будет и свисток... Реальность такова, что антиперестройщикам трудно выбраться из тупика старого мышления, а районщики, наследующие модель управления сельским хозяйством, отлаженную в давно прошедшем времени, не сдают своих позиций. И я их понимаю: если они выпустят бразды мелочной, а иногда и принципиальной опеки над колхозами и совхозами, то окажутся не у дел, точнее, не у стола с обедом и телефоном. Наша самостоятельность обезоружит любителей водить рукой: туда, мол, гони трактор, сюда загоняй комбайн, там возводи, сям урежь заработанное пахарем... Ситуация известная, много раз описанная.

— Михаил Григорьевич, долг платежом красен! Укажите, какое место в статье Николая Шмелева вы бы сами при случае процитировали?

— Есть такое место, и не одно... Тревожная статья, хотя тревоги, конечно, не новые. Да вот, пожалуй, главное в этих тревогах. Цитирую: «Райкомы, райисполкомы, РАПО заняты сегодня преимущественно не своим делом. На практике все это инструменты принудительного труда, средство, позволяющее административным путем хоть как-то компенсировать отсутствие в деревне нормальных, здоровых экономических отношений, не подавляющих, а стимулирующих человеческий фактор, человеческую активность. По логике вещей, по логике «хозрасчетного социализма» райкомы должны быть лишены хозяй-

чтобы он мог послужить основой для устава каждого конкретного колхоза. Не следует и пытаться все оговорить! Тем более все регламентировать, заорганизовать. Сейчас это свод все тех же догм, которые спеленали живого крестьянина. А бюрократу малина — в уставе все оговорено, на все есть рамки!.. Устав у каждого колхоза может, конечно же, быть свой, персональный. Основу же должен изложить мастер своего дела, уважаемый публицист. У нас такие есть, имена их общеизвестны. Весомое слово тут особенно важно — устав, его статьи должны звучать, как заповеди. А то ведь мы обсуждали инструкцию, свод мертворожденных параграфов, к тому же юридически не гарантированных...

Не скажу, что съезд меня лично разочаровал, но до сих пор какой-то осадок мешает, вроде испытываю чувство неудовлетворения. Всего два месяца были даны для обсуждения проекта Примерного устава — мало. А как составлялся этот закон, кто его авторы?

— Да вы же, Михаил Григорьевич, и автор!

— Да, я был руководителем секции устава колхоза и колхозной демократии в нашем Союзном совете колхозов, но это ничего еще не значит. Вы и сами ли, ни своих же планов, а значит, и не хозяин полученной продукции; тем более своей судьбы. Когда районному руководителю в ответ на его приказание делать то-то и то-то говоришь, что мне, мол, нужно посоветоваться с колхозниками или хотя бы с членами правления, он привычно обрубает: «Ты председатель или кто? Тебя для чего там поставили?» Была она и раньше, так называемая колхозная демократия, да только на бумаге, в том числе в старых уставах. Государство должно немедленно оградить колхозы и все кооперативные по духу и букве новообразования на селе от любителей командовать.

— Владимир Ильич Ленин завещал: «...И НЕ СМЕТЬ КОМАНДОВАТЬ!» Что ждет сегодня село?

— Село ожидает права на жизнь. Нашу лошадку надо избавить от узды, вынуть удила. Кстати, и лошадь надо деревне отдать. Даже в личное хозяйство — только она одолеет бездорожье, поуменьшит расходы на горючее, накормит людей, поможет болящим добраться до районной больницы, обеспечит каждый двор весенней вспашкой огорода и дровами на зиму. Лошадь не частность. Одно из решений проблем повседневной жизни села. И еще. Без лошади в семье, колхозе народившееся поколение как бы потеряло чувство хоз не хозяин, совхоз тем более. Кооператив земледельцев? Да, но при условии договорных отношений. У нас в колхозе цеховая организация труда, в цехе растениеводства работают коллективы на общем подряде. Такую хозяйственную самостоятельность мы поощряем не первый год. И дело сдвинулось — зерна, кормов поля стали давать больше, значительно больше, чем тогда, когда беспрекословно слушались уполномоченных со стороны. Бригадный подряд, семейный подряд — шаг за шагом селяне делают в направлении самом для себя желательном. И подальше от тех, кто забыл ленинское «и не сметь командовать».

Аренда — ах, какая емкая, многообещающая форма организации труда, вернее, отношений на селе! Договорные отношения, аренда на пользование землей или фермой, или пастбищем! Простор, широкий простор для людей работящих, смекалистых, оборотистых.

Иногда приходится слышать, что деревня убыточна, нежизнеспособна, бесперспективна. Разные деревни... Историю не перепишешь. И теперь только работа ради жизни на земле, в деревне может вернуть миллионам селян способность накормить себя, своих родных, всех горожан. Сытая, самостоятельная деревня вновь обретет способность творить. И жизнь в семье, становление и упрочение семьи — обязательно творчество.

Сильная, как бы растительная способность деревенского общества к саморазвитию — залог возрождения нашего сельского хозяйства. Вот вам четвертая «с»! А есть еще «с» — самобытность. Наши деревни в колхозе ярко самобытны. И мы самобытность оберегаем как закваску жизни. Дайте срок — и деревня, село заживут прекрасной жизнью. Такой оборот истории совпадает с волей партии, принявшей курс апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда КПСС.

— Не сомневаюсь и я, что наша деревня, даже в Нечерноземной зоне, все еще жизнеспособна. И все же, все же, все же... Уж больно велик урон, нанесенный сельскому населению. Может быть, души многих деформировались под асфальтовым катком администрирования? Сберегла ли деревня людей, способных жить и трудиться в охотку?

— В этом вопросе есть определенная тревога за качество нынешних селян. Все лучшее годами откочевывало в город... Конечно, много хотя и живых, но по сути мертвых душ и у нас там, где будто Мамай прошел. Особенно в деревнях, записанных в неперспективные. Есть еще много убыточных хозяйств, которые проедают себя. Велик и общий наш селянский долг государству. Есть колхозы и совхозы, утратившие жизнеспособность, ибо давно обезлюдели, закредитовались. Какой же, спрашиваете, выход? Есть ли еще люди, на которых можно опереться, которым можно доверить великий процесс возрождения жизни на земле?

Безусловно, такие люди есть в каждом хозяйстве. Не оскудело людьми и русское Нечерноземье. Думаю, велик потенциал и узбекского, и молдавского села. Живой думает о живом!

Важно, что мы заставили себя уважать. Помните, как хорошо сказал на съезде колхозников гость из Финляндии? А сказал он о том, как уважительно относятся в их стране к тем, кто кормит и одевает народ. Вот я записал, Х. Хаависто сказал: «Крестьяне — самый важный народ в мире. Все люди, до самого высокопоставленного руководителя, получают свой кусок хлеба из рук крестьянина». И мы ему аплодировали. Потому что без жизнеспособного крестьянства государство не может надеяться ни на какое чудо. Никакие закупки на стороне не смогут уберечь такое государство от политического банкротства, от потери позиции на мировой арене. Поэтому главное в полити-

знаете, что совет наш не имеет юридических прав. Были с нашей стороны предложения, но авторы устава колхозной жизни — юристы Агропрома, финансисты и плановики, то есть те люди, которые блюдут якобы честь государственного мундира.

Обо всём этом говорил почти каждый, кто поднимался на трибуну съезда колхозников. Однако воз и ныне там.

Сама жизнь отторгает пересадки со стороны — все, что привнесено в колхоз из иной формы собственности.

У нас что главное? Самоуправление и самофинансирование. Эти принципы провозглашены без малого лет семьдесят назад... То, что для государственных предприятий ново, для нас само собою разумеется. Основа основ. Так что идея хороша, да не дали ее, эту идею, воплотить в жизнь.

— Но колхоз имени Ленина преуспевает?

— Не благодаря, а вопреки!.. Мы жили и пока еще живем в условиях, когда колхоз — этот кооператив на земле — не является хозяином ни земродства с миром животных, утратило чувство сострадания к живому, многие прямо озверели, обретя способность загнать до смерти украденное животное. А ведь в проекте нового устава есть достаточно расплывчатая статья, сформулированная не человеком, а, наверное, роботом: колхозному двору разрешено содержать рабочее животное... Так примерно в духе всего устава. Кого понимать под «рабочим животным»? А потому в уставе следовало бы написать черным по белому: семья, живущая в деревне (селе), вольна держать лошадь, верблюда, осла, вола, буйвола...

— Если речь зашла о своей лошади, то недалеко до мысли о своей земле?

— Земля принадлежит государству, это общеизвестно; и это единственно возможный выход в наших стараниях построить социализм, социально справедливое общество трудящихся. Ленинская идея кооперации дала простор для подлинно хозяйского освоения гигантских земельных угодий нашей страны. Земле противопоказана обезличка. Земле мы ищем и сегодня хозяина. Кол-

ке — внимание к судьбам крестьянства, его благосостоянию.

А люди есть. Опора — живые души!

Расскажу о наших мужиках и бабах — именно так назвал свою дерзкую книгу Борис Можаев. У нас причудливо сочетаются интересы тех, кто обиходит землю, скот и продолжает великое национальное дело хохломской росписи. Этим-то наше коллективное хозяйство уникально. Триединое творчество: художники в поле, на племенных фермах и в цехах подсобного хозяйства. Сохранить для себя каждого способного человека — чего это стоило, страшно вспомнить... Но я в юности прошел войну от и до, гвардеец-кантемировец, а это немало; так что, соглашаясь на должность председателя колхоза, знал, на что иду...

— Что значит быть в наше время председателем колхоза? Что это — должность, призвание, судьба?

— Вопрос не по адресу. Об этом лучше всех расскажут жены председателей. Спросите мою Евфалию Петровну... Было всякое, было и страшное. Нередко грозили исключением из партии. Попадал как в мертвую зону, ни привета, ни звонка, ни вашего брата интервьюеров. С год только, как отступился областной ОБХСС... Метод нервотрепки, дамоклов меч... Жену спросите, во что обходится такое внимание к нарушителям спокойствия. Но под лежачий камень вода не течет! Жизнь — река. А потери человеческие, конечно, велики; до сих пор сердце кровью обливается, как вспомню дело и судьбу Худенко, он предтеча перестройки.

У нас двадцать деревень. В одних жизнь бурлит, в некоторых едва теплится. Но те и другие — живые! Нельзя им умирать. Принять процесс отмирания обезлюдевших деревень нет сил, но ситуацию понять можно. Неизбывна привязанность человека к родительской деревне, к с детства родным полям и тропинкам, к старым могилам... А какие у нас заповедные места! Воздушные — так пел Высоцкий. Не знаю, есть ли еще где такое приволье. Наш край и называл привольным писатель и земляк П. И. Мельников-Печерский. А местный народ он называл «досужим, бойким, смышленым и ловким». Но не земля в те давние годы кормила мужика-заволжанина. Кормил лес, кормил промысел. Крестьяне делали сами телеги, всякую деревянную утварь, занимались бортничеством. А теперь наши заузольские поля — керженские — дают стабильно более тридцати центнеров зерна с гектара. Неродимая земля родит! И родит неплохо. Второй кит нашей экономики — промыслы, а третий — животноводство на современном уровне, то есть на базе серьезной селекционной работы...

Великое дело — родство с землей прародителей, в нем сила корней, уходящих в глубины прошлого, напоминание отеческих могил. Без чувства связи времен нельзя; мы не какие-нибудь Иваны, не помнящие родства, как говорится, ничто из ничего не бывает. Есть в начале нашего сельскохозяйственного года весеники, день поминовения — Красная горка, когда люди обращаются всей своей памятью в прошлое, самое трогательное, душевное с детства. Хорошо, если эта память благодарная! Хорошо, если человек с чистой совестью готов к самоотчету перед минувшими поколениями, хотя бы перед родителями, у кого их уже нет... Главное, чтобы стыдно не было ни перед нашим многострадальным крестьянством, ни перед отцом Григорием Васильевичем, ни перед памятью того же Худенко... Красная горка — день отсчета новой животворной весны, день нравственного очищения и как бы безмолвного обещания и впредь оставаться жизнестойким, трудолюбивым человеком с чистыми помыслами. Далеко назад и вперед видно от Красной горки... Наследник — это ко многому обязывает. Нашей истории не четыре года и не тридцать лет, и не семьдесят даже. Мы наследуем огромную культуру. Я бы сказал определеннее — деревенскую культуру! В этом важно самоутвердиться нынешним молодым!

— Тут, Михаил Григорьевич, дорог пример.

— А пример за нами, людьми бывалыми! И здесь нужны традиции, как почва для развития демократических отношений между поколениями, между социальными группами, например, в селе. Без того, чтобы не посоветоваться с людьми, у нас не бывает. Так поступал когда-то, в очень нелегкие времена, первый председатель Трофим Васильевич Красиков; так поступаю я. И наше правление. Партийная организация, женсовет, товарищеский суд, комсомольцы, учителя — все охвачены одной заботой, как улучшить жизнь в деревнях колхоза.

И тут яркая личность выдвигается из массы, проявляет себя. Обязательно! А цель наша в том, чтобы дать каждому человеку проявить себя с лучшей стороны, дабы не упустил своего шанса. Аренда, семейный подряд, кооперативные начала в жизни — все это способствует выявлению и закреплению талантов. На самом заметном месте в нашем обществе старый учитель — он еще нас, стариков, учил — Петр Александрович Кудряшов. По-своему талантлив неутомимый Юрий Федорович Жохов — главный зоотехник. Антонина Васильевна Разборова — лучшая художница хохломской росписи. Любят у нас механизатора Бориса Марковича Соколова — золотая голова, бессребреник! Леонид Васильевич Лебедев тоже механизатор, человек-легенда. А взять Комаровых — сильные мужики! Что сам Иван Васильевич, что сыновья — Виктор и Василий. А мать Нина Ивановна — художница!

Еще запишите: художница Валентина Яковлевна Курнакова, резчик по дереву Александр Запонов, столяр Михаил Андреевич Казарин...

Что ни человек — живая душа.

А талант под спудом — это катастрофа. Талант питает неудовлетворенность, чувство нового, живого — соль любого народа. За это, как напомнил тот же академик Моисеев, интеллигенцию всегда не жаловали власть имущие. Талант независим, дерзок, он враг шаблона. Такими держится авторитет и академии, и каждой деревни. А рамки, жесткие каноны, работа ради рапорта безнравственны, замуровывают таланты, способности, инициативу. И это мысль академика, но и моя! Велик нравственный и жизненный потенциал народа, его-то и хочет высвободить из бюрократической ловушки Михаил Сергеевич, все, кто воспринял перестройку как революционный процесс.

— Чувствуется, немало дают колхозу люди. И прежде всего — прибыль. А колхоз им что́ дает?

— Колхоз имени Ленина — их дом родной. Он в лице членов правления и в моем, конечно, лице дает все виды забот и услуг. Я уже говорил, что мы строим, не жалея денег. У нас свои добрые дороги — ко всем еще живым деревням, фермам, токам, складам. Построили два моста через Узолу — сами! Есть дома многоэтажные и особняки крестьянского типа. Теперь будем налегать исключительно на строительство индивидуального жилья. Главное — обеспечить настоящую красоту деревни, сохранить неповторимый облик каждой. Вот куда идут деньги — по два и более миллионов рублей ежегодно! Кроме того, у нас достаточно большие приусадебные участки — до сорока соток; личному скоту выделяем более двухсот пятидесяти гектаров сенокосов и более трехсот восьмидесяти гектаров выпасов. Ежегодно распродаем колхозникам более трех тысяч поросят. Обязательно помогаем обзавестись коровой, теленком; единовременная ссуда не менее тысячи рублей. Корма для личного скота обычно — камень преткновения. Мы этот камень давно с дороги отбросили. Семьям, имеющим свою скотину, колхоз продает ежегодно и концентраты.

— Никаких проблем?

— Чем дальше уходим от былого небытия, тем больше проблем. Но они качественно иные. Например, у нас нужда в деятелях хоровой и театральной культуры, физической культуры и спорта, искусства. Среди тысячи просьб принять в колхоз нет пока ни одного заявления от хормейстера, хореографа, дирижера или от тренеров по любому виду спорта... Ждем!

И еще. Прижилось иждивенчество. Молодежь повторяет: «Дай, дай». Но дать — значит он, молодой человек, никогда данного ему не оценит. Надо заработать! Иному двадцать два года, а он неумейка. Ни жениться, ни построиться, ни себя найти не умеет. Упущенное поколение — вот проблема.

— Михаил Григорьевич, несколько слов заключительных. Ваше кредо?

— Не упустить Жар-птицу! Нельзя упустить данную нам возможность жить инициативно, творчески. Живет у нас в деревне Ленино ветеран войны и труда Макар Алексеевич Счастливый. Только недавно ушел на заслуженный отдых. У него восемь сыновей и дочерей, всеми Макар Алексеевич довольный. Но это не значит, что счастливым он был с младых своих ногтей. Нелегкая судьба, трудная жизнь крестьянской семьи. Однако выжил. Как выжили все мы, кто остался, несмотря ни на что, жить в деревне. И пусть растет, множится семья Счастливых! Пусть все наши семьи, которые готовы посвятить свою жизнь родной деревне, станут действительно счастливыми. Какую бы фамилию ни имели...

Партия и государство наконец-то повернулись лицом к деревне. Теперь мы чего ждем? ДОВЕРИЯ. И материально-технического снабжения на современном уровне. Моя мечта — работать спокойно. Вы понимаете? Без оглядки на тех, кто мешает жить, трезвонит над ухом, лишает дара речи и творчества. ...Пусть царит в колхозах труд по любви, труд как потребность творчески одаренного человека! Пусть каждый проявит себя — без нервов, накачек, подхлестывания. Жизнь на равных с личностью! Уважать «я» каждого. И тогда наше общее дело пойдет как бы само собой, естественно. Ибо оно будет отвечать интересам народа, запросам людей. Да об этом и статья в «Правде» за 5 апреля.

МНОГО ЛИ СЕЛЯНИНУ НАДО ДЛЯ СЧАСТЬЯ В ЖИЗНИ? НЕ ТАК УЖ И МАЛО: ДОЖДИ «ПО ЗАКАЗУ» И СОЛНЦЕ — К УРОЖАЮ, КРЕПКИЙ ДОМ С ДОБРЫМ УКЛАДОМ, СОСЕДИ, С КОТОРЫМИ ЖИВЕШЬ В ДРУЖБЕ И СОГЛАСИИ, ТОЛКОВАЯ РАБОТА В ПОЛЕ И НА ФЕРМЕ, ЖАРКАЯ БАНЬКА В КОНЦЕ ТРУДОВОЙ НЕДЕЛИ...

БЕЗГЛАСНАЯ «ДЕМОКРАТИЯ» В ДЕЙСТВИИ ●
ЗАЕМ ИЛИ ДОЛГ? ●
МОЛЧАНИЕ — ВРАГ ПЕРЕСТРОЙКИ ●

■

Мы принадлежим к тем, кто считает, что наш город ничем не заслужил имени Жданова — человека, руководившего массовыми расправами с ни в чем не повинными людьми, душителя культуры и идеолога сталинизма.

Жители нашего города начали борьбу за возвращение ему исторического имени — Мариуполь. В местных газетах «Приазовский рабочий» и «Азовский моряк» прошли дискуссии об имени города. Затем возникла инициативная группа «За Мариуполь», которая начала сбор подписей под обращением в Верховный Совет СССР с просьбой о переименовании.

Вот тут-то и начались чудеса. Неожиданно умолк «Приазовский рабочий». Когда руководители инициативной группы обратились к редактору газеты В. Молчанову и председателю горисполкома Т. Зозуле с просьбой напечатать материал о деятельности группы, те заявили, что они-де всей душой за переименование, но существует якобы некое решение бюро горкома партии, строго воспрещающее любые публикации, связанные с переименованием, до XIX партийной конференции.

В связи с этим мы обращаемся к вам с просьбой помочь нам получить ответы на несколько вопросов.

1. Как согласуется потаенное решение бюро горкома с курсом партии на демократизацию и гласность?

2. Насколько нам известно, XIX партконференция не будет обсуждать ни вопрос о деятельности А. А. Жданова, ни вопрос о переименовании нашего города. Чего же ждут наши «вожди» от конференции? Не надеются ли они, что конференция положит конец гласности и перестройке?

По поручению инициативной группы «За Мариуполь»:

П. ШМАЧКОВ, В. ЯКУНИН, В. КУЗНЕЦОВ, сотрудники металлургического института
Жданов

■

Прочитал в газете статью, где обсуждается «в свете перестройки» вопрос: как облагать налогом личные огороды? Некто предлагает: за 1 квадратный метр возделываемой земли — 1 рубль, под временной пленкой — 2 рубля, в теплице — 4 рубля. «Это правильно»,— заявляет академик ВАСХНИЛ.

Как же так? Относиться ко всякому живому делу только с одной стороны, что с этого будет иметь государство и сколько за это можно взять налога. Но ведь государство — это мы! Не это ли нам твердят с детства? И богатство государства — это богатство его граждан! А наши государственные чиновники завистливо смотрят на каждый заработанный гражданином рубль и норовят от этого рубля оторвать побольше.

Неужели не могут понять, что от перераспределения бумажных денег, от всяких налогов государство не станет богаче. Оно станет богаче, если в нем будет произведено больше товаров, продуктов, оказано услуг. Человек после своего рабочего дня возделывает свой огород или делает для продажи какие-то нужные людям вещи. О чем должно заботиться государство? Да, конечно, о том, чтобы ему, этому человеку, хотелось сделать больше и чтобы у него для этого были все условия. Или хотя бы не мешать. Так нет же, сделают так, чтоб человеку стало тошно заниматься делом.

Человек имеет приусадебный участок. Он бы и обработал его весь и собрал бы урожай. А тут: обрабатываешь — плати рубль. Пленкой накрыл — два, теплицу сделал — четыре рубля за метр! Да при таких условиях заведомо большая часть территорий будет пустовать. Ведь ничтожный процент хозяев ведет дело на широкую ногу и согласится платить этот налог (взяв его с покупателей за счет повышения цен).

Думаю, что если уж брать налоги, то с тех, кто не обрабатывает свой участок. Брать налог с необработанных земель было бы разумнее.

А. ВЯЗЬМЕНСКИЙ
Ленинград

■

1 апреля 1988 года в газете «Комсомольская правда» напечатано в сокращенном виде мое письмо под заглавием «Заем или долг?».

В письме кратко изложено, что Министерство финансов СССР не выполнило свои обязательства по погашению займов 1947—1956 годов, чем нарушило решение XXIV съезда КПСС о погашении указанных займов к 1990 году. В материалах XXIV съезда КПСС, раздел 2, «Рост благосостояния народа — высшая цель экономической политики партии» на странице 43 ясно сказано, цитирую: «Взвесив наши сегодняшние возможности, ЦК КПСС и Совет Министров СССР сочли возможным досрочно начать погашение облигаций займов и уже в 1974—1975 годах погасить их на 2 миллиарда рублей, а в последующие годы увеличивать размеры погашения. Все облигации, приобретенные населением, предполагается погасить к 1990 году, то есть на шесть лет раньше первоначального срока. Думается, что такое решение правильное и полностью отвечает политике партии и интересам народа». (Продолжительные аплодисменты.)

Цитируемое выше решение не было отменено ни XXV, XXVI и XXVII съездами партии. Однако отмену этого решения взяло на себя Министерство финансов СССР. В комментарии, данном к моему письму в редакцию «Комсомольская правда», сказано: погашение займов было отсрочено до 1977 года с тем, чтобы закончить его к 1996 году. При этом не указано, кем, когда было отсрочено и кто и когда отменил решение XXIV съезда партии?

Следовательно, Министерство финансов СССР позволило себе изменить решение высшего органа партии, своим беззаконным действием снизив сумму погашения ежегодно до одного миллиарда, оно тем самым удлинило сроки погашения до 1996 года, не считаясь с тем, что большинство теперешних держателей облигаций — это глубокие старики, инвалиды, участники войны и ветераны труда, то есть пенсионеры, нуждающиеся в получении своей зарплаты, которую они в свое время, то есть более чем 35 лет тому назад, отдали государству на восстановление народного хозяйства. В то же самое время в государственном бюджете только на 1988 год предусмотрено на содержание управленческого аппарата 40 миллиардов рублей и на непредвиденные расходы еще 20 миллиардов рублей, а на погашение оставшегося долга инвалидам и участникам войны, а также пенсионерам размер суммы вообще не указан, что создает искусственное недовольство населения, вызывает недоверие и дискредитирует действия перестройки, проводимой партией и правительством.

Наступила пора, когда надо положить конец волюнтаризму Министерства финансов СССР.

М. Н. КЛЕЙНМАН,
участник трех войн, персональный пенсионер
Москва

■

Очень внимательно слежу за публикациями о Сталине. Не скрою, в семидесятых и начале восьмидесятых годов был одним из тех молодых «сталинистов», которые искали спасение в железной руке вождя. Да, я знал о массовых репрессиях 30—50-х годов. Знал из рассказов очевидцев, из газет конца пятидесятых — начала шестидесятых годов, читал материалы XXII съезда КПСС. Скажу больше, это была настольная книга для меня. В то же время мне предоставилась возможность перечитать около десятка томов из собрания сочинений И. В. Сталина. Не знаю как других, но меня убеждала железная логика его мысли. Я никогда не снимал с него вину за репрессии. Но... это был человек, который мог навести порядок. Тем более что официальная критика Сталина была приглушена.

Теперь я не «сталинист». Аргументация и факты ЦК партии убедили меня в личном участии вождя в преступлениях. Да, с культом необходимо разобраться. И не в Сталине дело, а в нас самих. Покончить с культом — это значит покончить с рабством, которое сидит в каждом. Правда о культе — это зеркало, в котором мы можем увидеть себя.

А сейчас я хочу коснуться некоторых публикаций в нашей печати. В адрес Сталина выдвинуты многочисленные обвинения. Обвиняют, например, в том, что он отдал Гитлеру участников вооруженного восстания в Вене. Я поверю в это только тогда, когда будут опубликованы факты, подтверждающие эту пока что «версию». Работает Комиссия Политбюро ЦК КПСС. Подождем конкретных результатов. Я не защищаю Сталина. Просто не хочу, чтобы мы пользовались его методами — обвинять, не доказывая.

И еще. Нам открыли глаза на деяния кумира. Это — хорошее предзнаменование. Вы заметили, исчезли портреты Сталина из автомобилей, упал спрос на низкопробные поделки дельцов, зарабатывающих на его былой популярности. Считаю также, что музей в Гори нужно сохранить. Это наша история. А вот реорганизовать его необходимо. Это должен быть музей правды о Сталине.

Я присоединяюсь к мнению общественности об открытии памятника жертвам сталинских репрессий. Давайте опубликуем хоть часть писем, предложений. Это необходимо для того, чтобы возврата к прошлому не было никогда.

Виктор НЕСТЕРЕНКО,
строитель, 29 лет
Снежное Донецкой области

■

Вынуждена обратиться по поводу моего письма, опубликованного в № 11. В нем критиковался состав жюри для обсуждения проектов памятника Василию Теркину в Смоленске и, в частности, выражалось недоумение по поводу включенной в жюри кандидатуры писателя П. Проскурина, в свое время резко выступавшего против линии «Нового мира» и его редактора А. Твардовского.

Замеченное читателем письмо вызвало отклики. Теперь, когда вышел уже № 23 журнала, он — читатель — интересуется: чем же все закончилось, каков результат обращения к печатному слову?

Приходится ответить кратко: никакой.

Мы опять и опять сталкиваемся с ситуацией, типичной на сегодняшний день: в печати демократия разговоров (обсуждения, предложения и т. д.), в служебных рядах все тот же бюрократизм действий.

В нашем конкретном случае видна тенденция спустить критику жюри на тормозах, похоронить вопрос с помощью глубокого молчания. При темпах нашей жизни, оно — молчание — не раз «снимало» и более серьезные проблемы, которые «мешали руководить» или иным способом досаждали начальству.

Ну, а сам П. Проскурин, каков смысл его молчания?

М. И. ТВАРДОВСКАЯ

■

Прочла в «Огоньке» (№ 13) письмо читательницы М. В. Белкиной о «препарировании» в Тюмени фильма «Покаяние». А у нас произошел другой грустный случай, дающий повод усомниться в перестройке, с известным авторством.

В марте нам был обещан фестиваль фестивалей, и он действительно начался. В главном кинотеатре левобережья «Луч» 4—5 дней шел фильм Бергмана, затем с 27 по 31 марта — «Легенда о Нарайяме». Все желающие посмотреть фильмы не сумели этого сделать.

Во время встречи (телевизионной) первого секретаря крайкома партии Шенина О. С. со зрителями 30 марта в телестудии раздался звонок и какой-то зритель выразил возмущение тем, что показывают «Легенду...», оскорбляющую чувства зрителей. На такое возмущение Шенин ответил, что проблема решается просто, фильм надо запретить показывать. И действительно, через день два фильм, как корова языком слиз-

нула со всех афиш (хотя до этого демонстрация фильмов, вызывающих интерес зрителей, продлевалась).

И вот меня и друзей моих интересует: почему один звонок какого-то ханжи, ратующего за «нравственность», оказался весомее тысяч (если сделать опрос общественного мнения, то ведь неизвестно, сколько будет «за») или сотен, или хотя бы десятков голосов тех, кто хотел познакомиться с фильмами, заставляющими задуматься об истоках человеческой морали?

И почему в эпоху перестройки фильм, получивший приз Каннского фестиваля, может запретить Шенин?

Т. С. ВОРОТОВОВА, инженер, 50 лет
Красноярск

■

Пятнадцать лет я прожил на Украине в Запорожской области и пятнадцать лет я живу уже в России. Учась в школе, я отлично знал оба языка: русский и украинский. Но вот проходят годы, и коекакие слова некогда родного языка начинают забываться, хотя я периодически и читаю литературу на украинском языке. Поэтому, бывая в городах Украины, я всегда упорно ищу в книжных магазинах украинско-русский и русско-украинский словари, а также учебник украинского языка, но всегда безуспешно.

Известно, что украинский, русский и белорусский языки похожи друг на друга. Зная первые два, я свободно с помощью словаря мог бы читать и говорить по-белорусски. Но, как настойчиво я ни искал в книжных магазинах Гомеля, а год назад в книжных магазинах Бреста, я не смог найти ни учебника белорусского языка, ни словарей. Я привел пример только с двумя братскими республиками, но с удовольствием научился бы читать и разговаривать на узбекском или казахском, грузинском или армянском языках. Но где взять учебники и словари этих языков?

Возникает вопрос: почему в школах изучается обязательно один из иностранных языков: немецкий, французский, английский или испанский и ни одного национального, кроме родного языка? Вряд ли всем сегодняшним четвероклассникам, изучающим немецкий язык, придется побывать в ГДР или ФРГ, а вот побывать в союзных республиках придется обязательно, а многим, возможно, придется там и жить. И получится так, что, находясь в гостинице Бреста или Ташкента и слушая местное радио, почувствуешь себя нехорошо, так как, что там говорят, для тебя «темный лес». Конечно, ввести в программу средней школы изучение, кроме родного и русского, еще и какого-нибудь другого национального языка невозможно, да в этом и нет такой необходимости. А вот сделать факультативным изучение национального языка, не считая родного, это вполне возможно. Но для этого нужны словари и учебники, а их нет.

После событий в Алма-Ате, Прибалтике, Крыму, Нагорном Карабахе стало появляться немало статей в печати о национальном воспитании, укреплении дружбы. Но без изучения языков союзных республик нельзя в полной мере сблизить духовно все нации и народности. Одним словом, перестройка в изучении языков союзных республик так же необходима, как и вся перестройка общества в целом.

Петр Алексеевич ПАНАСЕЙКО, инженер Волжского автозавода
Тольятти

■

Ваш журнал много сделал и продолжает делать для снятия обвинений со многих честных людей нашего времени, попавших под колесо произвола. Именно поэтому прошу вас снять пелену с вопроса об ответственности детей за преступления своих родителей. Вопрос этот для меня не праздный.

В 1971 году, отслужив в армии и проработав полгода на производстве, я поступил в Одесский институт инженеров морского флота с твердым намерением добиться зачисления в группу, готовящую специалистов для агентства по обслуживанию иностранных судов «Инфлот». Зачисление производилось после трех лет обучения по результатам работы студента. В 1972 году мой отец, с которым мы не проживаем с 1961 года и практически не общались, совершил преступление и был осужден. При оформлении документов на визу я этот факт указал в своей автобиографии. Визу мне не открыли, в группу не зачислили, несмотря на то, что к этому моменту я был отличником учебы и активно участвовал в жизни факультета.

Все-таки я нашел в себе силы, чтобы окончить институт и активно занимался изучением языков, собирался поступать в Академию внешней торговли. Навел справки — и снова шлагбаумом стала судимость отца. В прошлом году руководство порта выдвинуло меня на загранкомандировку. Шансов у меня не так много, но даже если таковые и возникнут, то неужели опять всплывет вопрос: «Как его можно рекомендовать, ведь у него отец сидел?».

У меня растет дочь. У нее неплохие задатки: прекрасная память, любознательность, очень любит книги. Я хочу знать, будет и над ней висеть этот проклятый дамоклов меч судимости деда, которого она знать не знает? Есть ли в нашей стране закон об ответственности детей за преступления родителей? Если нет, то пусть Министерство юстиции доведет это до всех ответственных работников, которые занимаются оформлением и рекомендацией советских людей для работы за границей.

Владимир БАБИЧ, 38 лет, диспетчер
Скадовск Херсонской области

■

Нас, ленинградцев, удивляет и возмущает позиция газеты «Ленинградская правда» по отношению к председателю правления Советского фонда культуры академику Д. С. Лихачеву. 6 марта на первой странице этой газеты была опубликована статья «Надо ль гнаться в песне за Бояном?». Эта статья является прямым оскорблением всемирно известного ученого и общественного деятеля. Смысл статьи состоит в том, что академику Лихачеву советуют оставить общественную деятельность и заниматься своими древнерусскими рукописями, а его публичные высказывания в защиту гуманитарной культуры «Ленинградская правда» сравнивает с песнями Бояна.

«Ленинградская правда» обвиняет Д. С. Лихачева в некомпетентности в тех «специальных» вопросах, о которых он пишет. В выступлениях Д. С. Лихачева и, в частности, в вызвавших особое раздражение ленинградской газеты письме в «Правду» (1 марта 1988 г.) и недавнем выступлении на общем собрании АН СССР речь идет об этических проблемах нашей науки и культуры. Вместе с тем городская газета подвергает сомнению нравственный авторитет Д. С. Лихачева, которого все мы считаем олицетворением совести ученого.

3 апреля в ответ на многочисленные протесты читателей редакция «Ленинградской правды» заявила, что статья «Надо ль гнаться в песне за Бояном?» отражала только «точку зрения» автора этой статьи В. Кошваца. Не опубликовав ни одного из десятков поступивших на нее откликов, редакция оправдывает появление этой статьи... духом гласности и демократизации. Странная для партийной газеты позиция, странное понимание духа времени. Раздражение «Ленинградской правды» позицией Д. С. Лихачева видно и в том удивительном факте, что в публикации от 31 марта он не назван как один из главных организаторов «Международного фонда за выживание и развитие человечества».

К сожалению, создается впечатление, что те многочисленные усилия, которые на протяжении многих лет предпринимал и предпринимает Д. С. Лихачев для защиты и развития гуманитарной культуры Ленинграда и отдельных ее представителей, не только встречают непонимание, но и сознательно искажаются в публикациях городской партийной газеты. Это не делает чести и не добавляет авторитета печатному органу Ленинградского обкома и горкома партии.

А. Н. АЛЕКСЕЕВ, рабочий,
В. Г. ПОПОВ, писатель,
Ю. В. ФРОЛОВ, преподаватель техникума
(всего 270 подписей)
Ленинград

■

По-прежнему основной формой борьбы с пьянством и алкоголизмом остается силовой прием. Хотя общеизвестно, что сила никогда не приводила к желаемым результатам. Именно поэтому мы не имеем да и не можем иметь долговременного положительного результата борьбы с этим злом. Пора и в этом вопросе отходить от административных путей решения проблемы. Ведь то, что в период застоя пьянство и потребление алкоголя приняли такой размах, как раз указывает на то, что разбираться и искать меры по искоренению этого зла должны не чиновники, а ученые, занимающиеся проблемами социальной психологии: философы, социологи, психологи.

Известен такой исторический факт — в начале 1810-х годов английский социалист-утопист Роберт Оуэн разработал план улучшения жизни рабочих при капитализме и пытался осуществить его на прядильной фабрике в Шотландии. Жизнь рабочих на этой фабрике была очень тяжелой. Помимо нечеловеческих условий труда, процветало пьянство. Пили рабочие какой-то суррогат, который стоил очень дорого. Роберт Оуэн, пытавшийся навести элементарный порядок на фабрике, распорядился на территории фабрики продавать только качественную водку и по самой низкой цене. С введением этого порядка пьяные дебоши на фабрике прекратились.

Конечно, я не призываю к такому разрешению вопроса. Но то, что необходимо искать научно обоснованные методы борьбы, очевидно. Пора кончать с уродливыми и бесконечными очередями у винных магазинов. И чем скорее, тем лучше.

Георгий Иванович КРИВЦОВ, инженер путей сообщения
Хилок Читинской области

■

В 21-м номере «Литературной газеты» опубликован материал «Круглого стола», посвященный проблемам социалистического реализма. В числе прочего зашла там речь и о том, что нельзя-де «лишать науку о литературе права влиять на литературный процесс». На что другой участник «стола» поучительно возражает: «Но если вы хотите влиять, то, будьте добры, предложите такую теорию, такое истолкование теоретических понятий, которое действительно смогло бы увлечь за собой, направить творческие поиски писателей».

На мой взгляд, это полная чепуха. Не верю я, что какое бы то ни было «истолкование» способно «направить творческие поиски».

Ну и хорошо, скажут мне. Не веришь и не верь. Но зачем куда-то писать об этом? Там бы и заявил о своем несогласии, прямо за «круглым столом», благо ты, кажется, был его участником.

Был. Однако о несогласии своем заявить при всем желании не мог, ибо слова эти, как явствует из газеты, принадлежат... Р. Кирееву.

Разумеется, ничего подобного я не говорил. На всякий случай, однако, проверяю стенограмму, присланную редакцией, читаю копию рукописи, которую я, в свою очередь, отправил в редакцию, отредактировав и завизировав, как принято, свое выступление,— нет, не говорил. Да и не мог сказать, ибо двумя абзацами выше отстаиваю прямо противоположную точку зрения. Звоню сотруднику, готовившему материал,— тот выражает сочувствие, но откуда взялся злополучный пассаж, объяснить не может. На том и расстаемся. А что прикажете делать? Нет ведь у нас человека, более бесправного, нежели человек пишущий. Ибо в стране, как известно, не существует закона о печати. И пока его нет, пока он готовится (а он, ходят слухи, готовится), вся надежда на добросовестность и профессионализм редакционных работников.

...Незадолго до выхода газеты с дискуссией о социалистическом реализме я имел неосторожность принять участие еще в одном «круглом» литгазетовском столе. Теперь со страхом жду номера. Интересно, что на сей раз будет глаголено моими устами?

Руслан КИРЕЕВ, писатель

●

ОТ РЕДАКЦИИ: *3 июня на пленуме МГК КПСС в присутствии руководителей страны и партийного актива столицы директор Института истории партии МГК и МК КПСС З. П. Коршунова обвинила не приглашенного на пленум писателя А. И. Гельмана в публикации идейно порочной статьи на страницах журнала «Огонек».*

Во-первых, мы не публикуем идейно порочных статей. Во-вторых, мы очень хотели бы иметь А. И. Гельмана среди своих авторов, но он, увы, не печатается у нас. В-третьих, даже искреннее неприятие нынешней позиции «Огонька» должно сочетаться с уважительным отношением к фактам. Распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (УК РСФСР, ст. 130) называется клеветой. О чем и доводим до сведения З. П. Коршуновой.

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Несколько лет назад в мифическом для кинематографистов Институте киноискусства (до сих пор мало кто ощущает его реальную пользу) проходила актерская конференция, и на открытии ее ведущий режиссер и актер Евгений Матвеев сказал следующее: «Товарищи артисты! Давайте будем обсуждать только чисто актерские проблемы, не будем говорить ни о деньгах, ни о сценариях, ни о режиссерах...» В ответ на это предложение раздался лишь горький смех актерской братии. Да сколько же раз нужно твердить, что у профессиональных актеров других проблем, кроме этих трех, просто нет и быть не может! И, пока это не станет ясно всем, «актерская проблема» будет вечно раздражать чиновников, публику приводить в недоумение, а самих актеров ввергать в состояние безнадежного отчаяния.

МОНОЛОГ РАССЕРЖЕННОГО АКТЕРА

Лев ПРЫГУНОВ

Итак, проблема первая — деньги. Обратимся к книге рекордов Гиннесса. На 1988 год рекордный гонорар был у Сильвестра Сталоуна (или Сталлоне,— у нас пишут его фамилию по-разному) — 12 миллионов долларов за «Роки-IV». Берт Рейнольдс (совершенно неизвестный нам актер) получает в съемочный день 238 095 долларов. Из голливудских журналов узнаем, что сейчас более десяти американских кинозвезд получают по 3 миллиона долларов и больше за главную роль.

Ну, это для нас просто невозможно, хотя «там» все это делается законным образом с немалой выгодой для государства. И еще очень многое невозможно для нашего актера. Невозможно прилететь на съемки в Ленинград на собственном «Боинге», как это сделала Элизабет Тейлор; ни для одного советского актера ни одна наша студия не будет перекрашивать коридоры, как это подобострастно сделал «Мосфильм» перед визитом туда Алена Делона. Невозможно потребовать у студии выстроить под Москвой точную копию ранчо и на время съемок перевезти туда вместе с семьей собственную конюшню — именно с этим условием соглашался сниматься у нас американский актер Грегори Пек.

Приятно убеждаться в том, что отечественный зритель незыблемо считает наших актеров почти миллионерами. Не хочется разрушать эту иллюзию: а вдруг она каким-нибудь чудом превратится в реальность? У нас в кино народные и заслуженные артисты получают столько, сколько в Голливуде — статисты, да и то не все и не всегда. Наш актер, выезжая на съемки в Чехословакию, Венгрию или ГДР, счастлив, как ребенок, отдавая 80 процентов своего заработка Совинфильму,— оставшиеся 20 процентов все равно раз в пять больше того, что он получает дома!

Но самая большая несправедливость падает на наших молодых актеров: они тоже отдают свою кровь, нервы, душу, бессонные ночи, тоже мотаются по всей стране на самолетах или трясутся в поездах, получая за главные роли 150 рублей в месяц,— через это прошли все наши знаменитости. За последние 20 лет количество съемочных дней уменьшилось в договоре больше чем в три раза! А время занятости на картине осталось прежним. Министерство финансов поражает невероятная сумма — 56 рублей в съемочный день (это самая высокая ставка). Но Министерство финансов не может при этом не знать, что рабочий день актера — это не только съемочный день и что актер, исполняющий главную роль в трех-четырехсерийном телевизионном фильме, который снимается полтора года, имеет к оплате не больше семидесяти съемочных дней! А главная роль в односерийном художественном фильме сейчас очень редко выходит за пределы 30 съемочных дней! Сколько было проектов, актерских семинаров, споров до хрипоты, резолюций, обещаний! А воз поныне остается на том же месте. Чтобы молодому актеру докарабкаться до высшей категории оплаты (самая низкая ставка профессионального актера — 8 рублей) — нужен не один десяток лет интенсивных и удачных съемок. Так что получается, что наши очень много снимающиеся актеры всю жизнь получают весьма скромную среднеькую сумму, потому что, как правило, в молодости актер снимается раза в три-четыре больше, чем в среднем и пожилом возрасте.

Только актер начнет много и с успехом сниматься, выходить из финансового пике, ощущать в себе почти неизведанное чувство профессионального достоинства, как тут же натыкается на презрительную реплику какой-нибудь ассистентки или режиссера: «Примелькался!» Сколько подобных стрел было выпущено и выпускается по сей день кинематографическими снобами в адрес нашего прекрасного актера Армена Джигарханяна и какими бурными овациями всегда встречают его зрители!

Два года назад на съезде кинематографистов, кроме страстного, но видимо никем из начальства не услышанного выступления Алексея Баталова, ни единого слова не было сказано об актерах. Знаменательно, что прежний председатель Госкино Ф. Т. Ермаш, говоря на предыдущем съезде кинематографистов о пересмотре системы оплаты работников кино, закончил свое выступление словами: «К сожалению, об актерах мы забыли, но обещаем, что в ближайшее время...»

За два года перестройки, которая задела все структуры кинематографа, кроме актерской, новый секретариат союза, состоящий сплошь из режиссеров, ни словом, кроме угрозы «разогнать никому не нужный Театр киноактера», о проблемах наших не обмолвился.

...А как может «царить» на площадке наш советский актер, откуда может появиться у него тот необходимый мощный заряд энергии, то ощущение беспредельной свободы, которое и заставляет зрителей завороженно смотреть на экран, когда до сих пор отношение к актерам, как к крепостным?! Как он может войти в кадр бодрым и свежим после толкотни в метро, после бессонной ночи с храпящим соседом в гостинице или вагоне поезда? Спальный вагон-люкс для актера не роскошь, не каприз, это насущнейшая, элементарная необходимость и условие для профессиональной работы.

Ну, хорошо, с деньгами не получается, так, может быть, у нашего актера есть хоть какие-нибудь привилегии? Увы, о нем вспоминают только на время фестивалей, да и то внутрисоюзных, когда надо выступать в цехах, на фабриках и так далее. Некоторым актрисам, бывает, везет: их приглашают высокие чиновники с собой на премьеры в западные страны, чтобы не скучать. А актеры, игравшие главные роли в этих фильмах (очень часто и режиссеры премьерных фильмов), как правило, остаются дома. И давно не секрет: наших многих «звезд» на всякие «Лондонские» фестивали одевали-собирали всем миром или одалживали туалеты из весьма скудного гардероба «Мосфильма».

А сколько в нашем кино трагедий, тихих и страшных! Жуткая судьба Изольды Извицкой и Валентины Серовой, загубленная творческая жизнь одной из самых удивительных актрис нашего времени — Татьяны Самойловой: многие студии мира на

любых условиях предлагали ей любую роль из любого репертуара, но наш чиновный кинематограф распоряжался ею, как собственностью, совсем как собака на сене. И в это время наши журналы проливали крокодиловы слезы о судьбе Мэрилин Монро, по нашим актерским меркам просто бесившейся с жиру! Вспомним Владислава Дворжецкого, этого уникального артиста, скончавшегося на приработках в Гомеле,— ему необходимо было наскрести денег на первый взнос в кооперативную квартиру, и это сразу после сильного инфаркта! Тут уж каждый, кто его знал, подтвердит, что он поехал в Гомель не от жадности.

А какая нелепая участь может ожидать нашего актера, если его появлению на экране сопутствует громадный успех! Яркий, пластичный, красивый, романтичный в самом идеальном понимании этого слова молодой актер Владимир Коренев практически десять лет не снимался в кино после бешеного успеха «Человека-амфибии»! Что это? Безумие? Зависть? Равнодушие? Картину только в первый год просмотрело 90 миллионов зрителей и еще миллионов по 50 в последующие несколько лет, так почему тут же нельзя было снять с этим актером серию романтических фильмов о человеке, который летает, ползает, скачет, поет и при этом всюду распространяет наши передовые идеи?! И, наконец, всем известная история с Людмилой Гурченко, сумевшей, правда, в конце концов взять реванш и сполна отомстить кинематографу и за себя, и за всех нас.

А какова наша съемочная аппаратура — это камеры пятидесятых годов, кое-как работающие до сих пор: «Родина», «Дружба», «Конвас»,— как много из-за них лишней мороки, бессмысленного труда, потери драгоценного времени и, главное, брака! А знаменитые «Свема» и «Шостка»! Бедные актеры! Сколько раз приходится съезжаться им из разных городов, театров, других картин, чтобы в третий, пятый, седьмой раз переснять ту или иную сцену из-за брака пленки или съемочной техники, и — заметьте! — совершенно бесплатно: Госкино предусмотрительно подстраховало себя на подобные случаи и внесло этот возмутительный по своей несправедливости пункт в договор.

Как далеко еще до того, чтобы репетиционный период, как это делается у «них», начинался месяца за полтора-два до съемок, чтобы актеры могли (как спортсмены на сборах) жить и работать вместе в хорошей гостинице где-нибудь в Ялте или Пицунде (в своих же домах творчества) и занимались бы только репетициями, привыкали друг к другу, вживались в роли и готовились к могучему, цельному рывку, который бы завершился рождением яркого, интересного фильма! Никита Михалков именно таким образом снимал «Неоконченную пьесу для механического пианино».

Предвижу упреки несведущих читателей: ишь, дескать, чего захотел! Ялту, Сочи... Мы бы и сами эдак!.. Нет, дорогие друзья, тут уж позвольте не согласиться. Это одно из необходимых условий для творчества любого артиста (опять же не для его удобства или прихоти, а для высокого качества результата на экране) — это профессиональный минимум.

У нас никогда не будет решена актерская проблема, пока мы не вернемся к единственно правильной и естественной, как воздух, системе звезд. Звания «народные» и «заслуженные» давно потеряли всякий реальный смысл и превратились в ярмарку тщеславия: звания получают по знакомству, по старости, за послушание, выклянчивают и выпрашивают, вырывают со скандалом, а часто их не дают, несмотря на всенародное признание, по причинам, известным только Комитету кинематографии.

Кинозвезда — это не просто актер, которого смотрит и любит смотреть зритель. Актер-звезда — это как какое-то невероятное событие, о котором знают все,— Тунгусский метеорит, полет на Луну, встреча Горбачева с Рейганом и т. д.

Звезда всегда переворачивает привычные понятия как критиков, так и чиновников, часто непредсказуема в словах, поступках и требованиях, называемых обычно «капризами», и по этим причинам всегда их раздражает. При жизни звезд возникает один и тот же недоуменный вопрос: «И что в нем (в ней) нашли?» И мало кто из чиновников или критиков понимает один простой и непоколебимый закон: в своих пристрастиях и неприязнях к артистам народ никогда не ошибается, и поэтому появление звезды уже данность, нравится это кому-то или нет. Парадокс еще в том, что тонкий, прекрасный и, может быть, даже очень известный актер вовсе не обязательно совпадает с понятием кинозвезды, даже если он усиленно поддерживается критиками.

Возьмем, к примеру, двух наших первых суперзвезд — Высоцкого и Пугачеву. Если бы они только снимались в кино, они просто встали бы в ряд наших лучших актеров, не более того, и Тунгусского метеорита или землетрясения не произошло бы. Но Высоцкий и Пугачева вопреки многочисленным подножкам, заслонам, нажиму, а часто и клевете оказались победителями, потому что обошлись без посредничества паразитирующих чиновников. Вот формула их «прорыва»: Артист — Творчество — Любовь и поддержка многомиллионной армии поклонников — Звезда. Попробуй с такими не считаться! И какой плодотворный результат всего от двух звезд! Оба универсальны, искренни до предела, до обнажения, оба являются идеальным зеркалом, в котором отражаются миллионы советских людей.

...Госкино всегда испытывало острый дефицит валюты, очень трудно «пробить» зарубежную командировку, «Запад» обычно снимают в Таллине или Каунасе, и внимательному зрителю давно знакомы все углы «Парижа» и «Лондона». Трудно пробить пленку, премьеру за границей, поездку на фестиваль и т. д. Но вот чудеса! В последнее время в результате перестройки появилось небывалое количество фильмов совместного производства с капиталистическими странами в основном на наши темы. Что это? Совинфильм и Госкино начали работать по-новому? Или Министерство финансов выделило валюту? Все объясняется просто: мы отдаем иностранным фирмам право проката этих фильмов; главные роли в них будут играть западные кинозвезды, а «русские темы» неизбежно будут искажаться в угоду правилам коммерции.

В разговоре с американским продюсером выясняется, что он категорически против того, чтобы в его «русской» картине главную роль играл наш очень известный актер. «Почему?» — спрашиваю. «Его у нас никто не знает» — вот и весь ответ. Деньги дают «под кинозвезд», и вот у Михалкова в фильме по чеховским мотивам главную роль играет Мастроянни, а у Панфилова роль отца Павла — Джан Мария Волонте. Зато оба счастливы: и Чехова, и Горького снимают в Италии,— да и осуждать-то их не хочется — конечно, комфортабельней и приятней снимать в Ницце, чем в Чухломе. Счастливы и чиновники: ни копейки не истратили из валютных фондов, а покатались туда-сюда на подписание договоров, да на всякие премьеры и переговоры на славу! И только одно никого не волнует: что все это очень похоже на торговлю дешевым сырьем или на смехотворную проблему грузинского чая — вместо того, чтобы выращивать свой, пусть меньше, но нормальный, мы к нашему мусору подбавляем чая индийского. Опыт совместных картин показал, что наши актеры, попадая в настоящие «актерские» условия, оказываются на голову выше многих звезд Запада и, уж во всяком случае, никогда им не уступают. А представьте себе Марлона Брандо, играющего роль председателя колхоза, или Алена Делона, «создающего образ» передового бригадира тракторной бригады, да еще в фильме режиссера Пупкина. Братья-актеры меня поймут. Но почему нельзя подготовить своих десяток-полтора звезд, готовых в любую минуту заменить иностранных? Почему бы не послать для начала несколько молодых актеров — выпускников ВГИКа — в тот же Голливуд на одно-двухгодичную стажировку в рамках дружественных отношений с США?

Нам нужны жесткие законы, ни в коем случае не ограничивающие актерского заработка, чтобы в «пиковый», часто очень короткий момент жизни каждого актера, когда он «нарасхват», любая киностудия имела право перекупать у другой, а не упиралась бы в потолочную ставку и не делила бы его с другими, теряя массу времени и в десятки и сотни раз больше денег, чем ему платят за 2 или 3 картины одновременно. Только в Монголии и у нас не платят актерам определенный процент за показ его фильмов по телевидению.

Никакой актерской проблемы не решить без настоящей рекламы. Казалось бы,— что за ерунда? — хороший актер в рекламе не нуждается! Но любовь к актеру у зрителей — чувство сложное, неутомимые поклонники жаждут с ним встречи не только на экране, но и на страницах газет и журналов, они хотят видеть их у себя дома, знать про них все или почти все, и невероятные легенды о знаменитостях, время от времени потрясающие нашу страну,— это всего-навсего плод отсутствия какой-либо информации. Нельзя забывать, что любой актер, хоть раз появившийся на экране, обязательно обретает своих поклонников, поэтому в одном только Риме более двухсот журналов и газет, посвященных только кино и телевидению. А у нас даже знаменитых актеров называют по именам персонажей, которых они играли, и фамилий их или не знают, или не могут вспомнить, или безбожно путают.

Крайне неудобно актеру биться за право нормально жить и работать в экспедициях. Должен быть непреложный закон, по которому каждый актер независимо от качества и количества роли, его звания и партийности обязан занимать отдельный номер и чтобы этот номер, как бы дорого он ни стоил, оплачивала киностудия. Для этого всего у актера должен быть посредник, заинтересованный в его благополучии и росте; практически во всех странах мира существуют посреднические агентства, которые за 10 процентов от актерского гонорара берут на себя решение всех проблем, но... «что нужно Лондону, то рано для Москвы!» Вот если бы можно было из актерских отделов киностудий, относящихся к актерам в общем-то совершенно безразлично, создать подобные агентства, пустить их по принципу 10-процентных отчислений на самоокупаемость, вот тогда, я убежден, актерская проблема будет решена: все актеры быстро займут реальные, подобающие им места, а агентство будет само играть на повышение и понижение в зависимости от спроса на актера. И не надо будет ни званий, ни ставок.

Каждому актеру необходимы, как воздух, еще два человека: собственный адвокат, который бы следил за выполнением хотя бы даже тех мизерных прав, которыми обладают актеры, и приглашенный киностудией на время съемок массажист. Но кому и как втолковать, что все эти требования всего лишь атрибуты профессии, а не излишества, не каприз, что нервная система и тело актера — это инструмент, который должен быть очень точно и гармонично настроен! Анастасия Вертинская, Алиса Фрейндлих, Екатерина Васильева, Евгений Леонов, Леонид Куравлев и многие, многие другие актеры, не жалея себя, тратят не менее сил и здоровья, чем их западные коллеги, в своем искусстве превосходят многих из них, а на такую необходимую, реальную и ничтожную в смысле затрат помощь, как массажист, не имеют права.

И, наконец, существует еще один немаловажный аспект, который вообще никогда не принимался в расчет: известному актеру в определенном смысле очень трудно жить, поскольку он всегда на виду, а если еще учесть не самый высокий уровень воспитания и культуры некоторых наших сограждан, то можно понять и степень психологической нагрузки на актера вне его рабочего времени; у такого актера совершенно другие условия существования: ему приходится тратить денег в два-три раза больше, чем любому, так сказать, «нормальному» человеку,— это подтвердят все наши легко узнаваемые личности.

Перейдем, наконец, к нашим режиссерам. Бросается в глаза своеобразный феномен: существует какое-то определенное число хороших режиссеров, а дальше, за ними — пустота, пропасть, и где-то далеко на дне — остальные. У нас очень мало средних режиссеров, есть в основном только хорошие и только плохие, поскольку к настоящему, профессиональному, крепкому, современному художественному и одновременно коммерческому кинематографу 80 процентов наших режиссеров никакого отношения не имеют.

Попробуем разобраться, что это за режиссер. Прежде всего это потребитель, обладающий достаточной хитростью, чтобы набрать себе в группу настоящих профессионалов: первым делом — профессионала-оператора (картину все-таки «видит» и снимает он — сколько было у нас «необъяснимых» чудес, когда более чем посредственному режиссеру делал картину талантливый оператор), беспроигрышных, давно апробированных актеров, которые сами прекрасно могут «выстроить» свои роли и без него, если только у нашего режиссера хватает ума им не мешать, и обязательно мастера-монтажера. И, удивительно, каким бы посредственным, безвкусным и ленивым он ни был, картина худо-бедно получается, режиссеру достаются какие-никакие лавры и за счет популярных актеров весьма ощутимые постановочные — еще одна вопиющая несправедливость: максимальная сумма режиссерских постановочных — 16 000 рублей, актерских — 2 500 рублей на всех исполнителей за год работы и практически за любой, самый неограниченный успех. Но самое главное, что этот режиссер тут же получает новую картину, поскольку и для дирекции, и для редактуры, и для Госкино он является наименьшим раздражителем — ему ничего, кроме своих постановочных, не нужно.

Сейчас наши ведущие актеры профессиональнее, тоньше, образован-

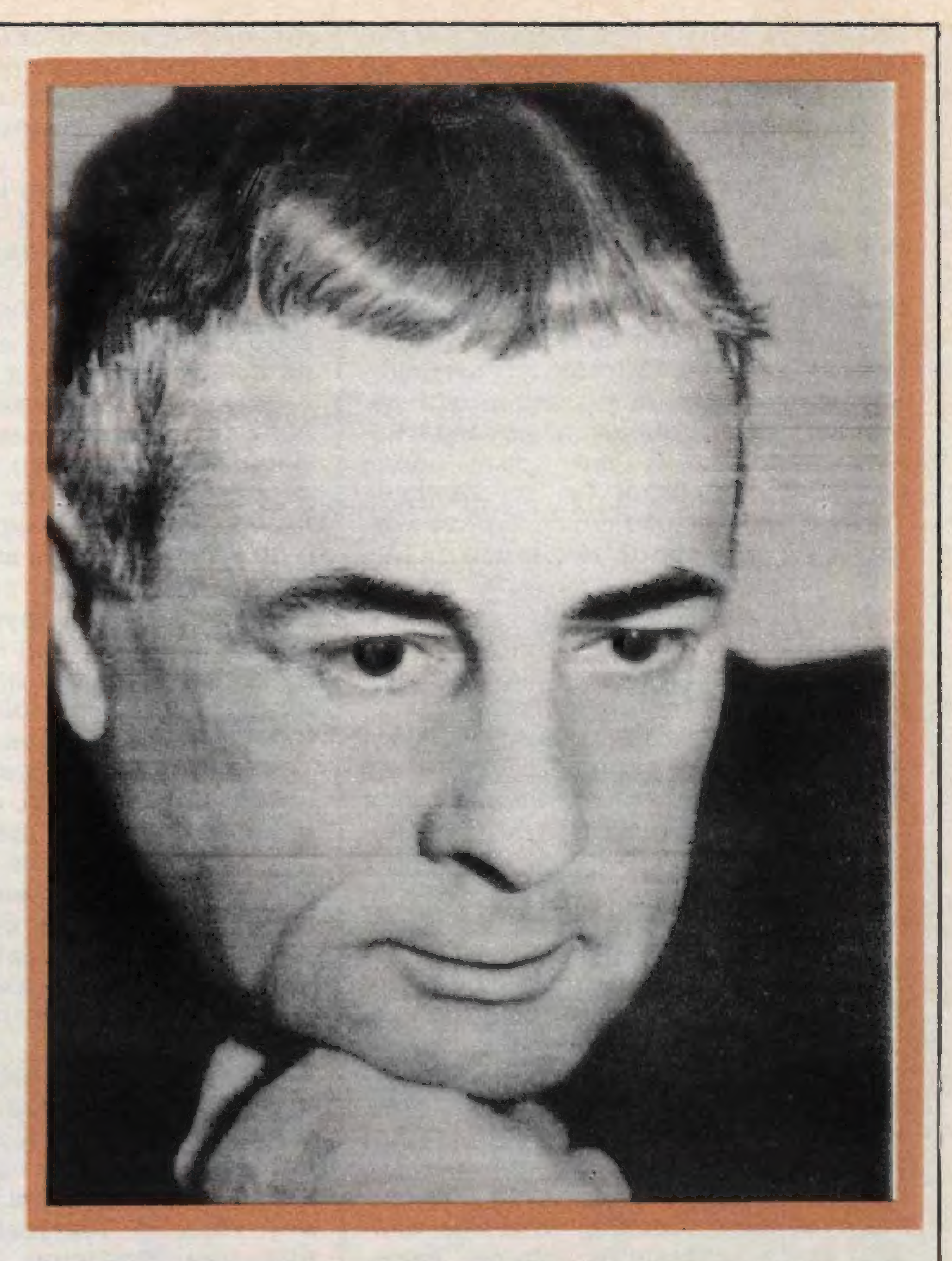
нее и, главное, намного порядочнее большинства режиссеров. Там, в «Лондонах», на подобных режиссеров всегда есть управа, и весьма существенная,— продюсер. Это единственный человек, который видит реальность, потому что рискует многим, а иногда всем. От продюсеров немало и своих бед, но наш кинематограф, особенно развлекательный и коммерческий, находится на таком эмбриональном уровне, что продюсерские издержки ему пока не грозят. У нас никто ничем никогда не рискует, и даже сейчас, в бурное время перестройки, мы плетемся в хвосте: кинематограф дешев, громоздок, неповоротлив. До сих пор самым ярким и острым остается «Покаяние», снятое в самый расцвет застоя!

Съезд кинематографистов прошел бурно. На трибунах в основном бушевали режиссеры. Они справедливо негодовали на возмутительные действия старого Госкино. И это правильно. Но кого им ругать теперь? Когда им все разрешили? Уже появилось несколько фильмов, где режиссеры лихорадочно торопятся успеть сказать все обо всем — да так смело! — а от этих фильмов все равно тошнит.

Поскольку у нас не может быть наших продюсеров, то новое Госкино должно взять эту почетную обязанность на себя, и необходимо-то для этого совсем немного: самая тесная связь с прокатом, чувствительность ко всем изменениям курса рынка и создание собственных достойных звезд, чтобы с их помощью исправлять запущенные нравы и вкусы нашей широкой публики.

И последнее. На актеров, а тем более на звезд надо писать специально. Да, на кинозвезду должны работать все: сценарист, режиссер, оператор, дирекция, художники, фотографы, журналисты, радио и телевидение, как сейчас работают лучшие композиторы, поэты, художники и администраторы на Аллу Пугачеву. Звезда должна иметь выбор, и чем он будет больший, тем ярче вспыхнет талант артиста. И, уж конечно, не устраивать тогда пресловутых кинопроб! И вообще, когда, наконец, наше руководство поймет, что эта процедура вредная, чаще всего необъективная и всегда унизительная для известных профессиональных актеров, которым давно пора самим пробовать режиссеров — достойны ли те снимать их? В «Лондонах» пробуют только начинающих, а известные актеры узнают только от своих посредников, в каких фильмах им предлагают сниматься, и все решается задолго до начала съемок, чтобы не дай бог заронить в актере хотя бы малейшее беспокойство или неуверенность. Наши Бюнюэли просто обкрадывают актеров во время проб: выуживают у них идеи, решения тех или иных сцен, краски, жесты, мизансцены, очень часто зная точно, что снимать будут других,— на эти удочки попадались мы все.

Сейчас все привычные мерки переворачиваются в нашем сознании, но две истины никак не могут дойти до сознания наших финансовых и творческих работников кино. Финансовых — что надо не тратить деньги на производство фильмов, а вкладывать их в это производство. Вещи совершенно разные, поскольку один из главных законов экономики: чем больше вложено, тем больше получено. И творческих, в основном режиссеров,— что их благополучие, творческий рост, уверенность в себе и успех их фильмов зависят всего от двух слагаемых: актеров, снимающихся у них, и зрителей, которые смотрят или не смотрят эти фильмы, и чем больше тот или иной режиссер будет думать об актерах и о зрителях, а не о себе, тем в конце концов будет лучше ему же самому!!!

АЛЕКСАНДР ТЫШЛЕР — ХУДОЖНИК-ПОЭТ. АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА В СВОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ ПИСАЛА, ЧТО ОНА ЗНАЛА ТОЛЬКО ДВУХ ХУДОЖНИКОВ, КОТОРЫЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ПОНИМАЛИ ПОЭЗИЮ. ЭТО МОДИЛЬЯНИ И ТЫШЛЕР. ТЫШЛЕР БЫЛ ВСЕГДА ВЕРЕН СЕБЕ — ЧЕСТЕН И ИСКРЕНЕН. ОН ПРОШЕЛ ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ИСКАНИЙ И ПОСТИЖЕНИЙ, НИКОГДА НЕ КРИВЯ ДУШОЙ.

О ТЫШЛЕРЕ

ПАЛИТРА

Ни одна персональная выставка Александра Григорьевича Тышлера не проходила без сопротивления свыше.

Но это его не останавливало. Он не мог жить и работать дальше без этих выставок, пусть даже частично снятых.

В 1964 году мы готовили вернисаж, приуроченный к 400-летию со дня рождения Шекспира.

Тышлер работал, собирал старые и писал новые эскизы. Я готовила каталог, что-то согласовывала и время от времени чувствовала опаску со стороны тех, кому надлежало разрешить выставку. В. Нечитайло, подписывая каталог к печати, сказал: «Да, конечно, Тышлер — прекрасный художник театра,— и, как бы подстраховываясь,— я подписываю каталог с его театральными работами, а не живописью».

(Более тридцати лет действует навешенный некогда на Александра Григорьевича ярлык живописца-формалиста.)

Сказать об этом прискорбном разговоре Саше не решилась. Рассказываю о тех людях, которые настроены благожелательно. Сам Константин Михайлович Симонов благословляет выставку, директор ЦДЛ Б. Филиппов с радостью предоставляет все залы клуба писателей для этой экспозиции.

И вот мы уже делаем выставку. Конец апреля. Солнце освещает эскизы. Картин много. Здесь не только эскизы декораций Тышлера к таким спектаклям, как «Король Лир», «Ричард III», «Двенадцатая ночь», но и фантазии на темы «Макбета», «Отелло», «Сна в летнюю ночь». Самое интересное то, что художник воссоздал образы героев Шекспира, целые мизансцены, действие. Ричард признается в любви леди Анне, Шут короля Лира танцует свой танец, Лир в пароксизме отчаяния ломает руки, самодовольный Мальволио любуется своим нелепым нарядом... Можно легко узнать в этих персонажах черты редкостных актеров-исполнителей — Монахова, Зускина, Михоэлса, Черкасова... И вот наступает торжественная минута. Открывают выставку Борис Полевой, Семен Кирсанов, Арсений Тарковский, Макс Поляновский. Они говорят о Тышлере слова в превосходной степени... Каталоги расхватывают в полчаса, а затем вокруг Александра Григорьевича образуется большая толпа — все требуют автографы.

Каждый день мы ходили в залы ЦДЛ. Вновь перелистываю книгу отзывов: «Дорогой Александр Григорьевич! — писал Лев Славин.— Спасибо Вам за Ваше современное и вечное искусство! Но неужели им можно наслаждаться только раз в 400 лет?»... «Хотели спрятать Тышлера, да ничего не вышло!» — записывает неизвестный И. Г. «Тышлер не милый сказочник, а великий поэт, художник с миром, ему одному известным»,— констатирует знаменитый собиратель Г. Костаки. Но есть и оппоненты: «Мазня, небрежность, художественное безобразие!! Отношение к искусству имеет только такое, какое имеет любой маляр, да и то худой! Порча бумаги и красок. А. Удалов». «Пусть не огорчает Вас, дорогой Александр Григорьевич, грязная мазня хулиганствующих остроумцев... После черной ночи ярче светит солнце. Людей, любящих и почитающих Ваше творчество,— большинство»...— это слова актрисы Е. Абдуловой.

О выставке появились статьи в газетах Франции и Италии. И только наша пресса молчала. Если не считать информации в «Литературной газете» и «Неделе». Статья Эренбурга так и осталась ненапечатанной. Хорошо, что я хранила ее все эти годы. Вот она:

«Для всех, любящих изобразительное искусство, выставка работ А. Г. Тышлера — большой праздник. Конечно, Тышлер не юноша, и все же отрадно, что открыта выставка художника, которому не восемьдесят пять, а шестьдесят пять лет — уступает время. Тышлера слишком долго отвергали за «формализм», и я спорил с критиками о нем в 1934 году, когда еще можно было спорить. А тридцать лет спустя открылась

А. Г. ТЫШЛЕР. 1898—1980. СПАСЕНИЕ ЗНАМЕНИ. 1936.

в Доме литераторов выставка его работ, связанных с Шекспиром. В итоге все становится на свое место, и в этом я вижу некоторое утешение.

Гений Шекспира сыграл большую роль в становлении Тышлера не только потому, что слишком долго он освобождал художника от мнимого долга быть фотографом действительности, но и потому, что есть нечто органически родственное у советского художника Тышлера, внешне веселого и благодушного, с великим английским драматургом XVII века. Не случайно кинорежиссер Г. М. Козинцев одну из глав своей книги «Шекспир наш современник» посвятил А. Г. Тышлеру: работы художника для него не «оформление» трагедий или комедий, а создание образов с помощью цвета и формы, образов, душевно близких Вильяму Шекспиру.

Главу, посвященную Тышлеру, Козинцев назвал «Крылатый реализм». Бог ты мой, сколько страстей искренних или конъюнктурных вызывало слово «реализм»! Оно стало графой паспорта любого человека, так или иначе связанного с искусством; причем необходимо добавить, что видения войны Гойи или «Герника» Пикассо столь же «реалистичны», как полотна Верещагина, хотя совершенно не сходны с ними. Для меня Тышлер не просто реалист, хотя бы даже крылатый, а живописец, художник своего мира, фантаст.

Многие художники в поисках формы, наиболее соответствующей тому, что они хотели сказать, менялись; их творчество искусствоведы стараются расчленить на различные периоды. Другие, напротив, лишают этого удовольствия почтенных авторов — они едины с юношеских лет до старости. К последним относится Тышлер: он часто менял технику, но не сущность формы, и что бы он ни делал — декорации для театра, станковую живопись, рисунки или скульптуру из дерева, — он продолжал рассказ о жестокости и детскости, о счастье увидеть мир иным, чем в иллюстрированном еженедельнике, о приснившихся ему раз и навсегда красавицах, у которых на голове не шляпы, а свечи, скворечники, самовары и даже крепости и города. Тем и реалистична сказка, что она может устроить чаепитие в космосе и превратить похищение быком Европы в увеселительную поездку. «Крылатому» все можно.

Тышлер чрезвычайно живой, веселый художник, и жаждет он всегда порадовать, а не огорчать, но было бы несправедливым отнести его даже к сверходаренным затейникам

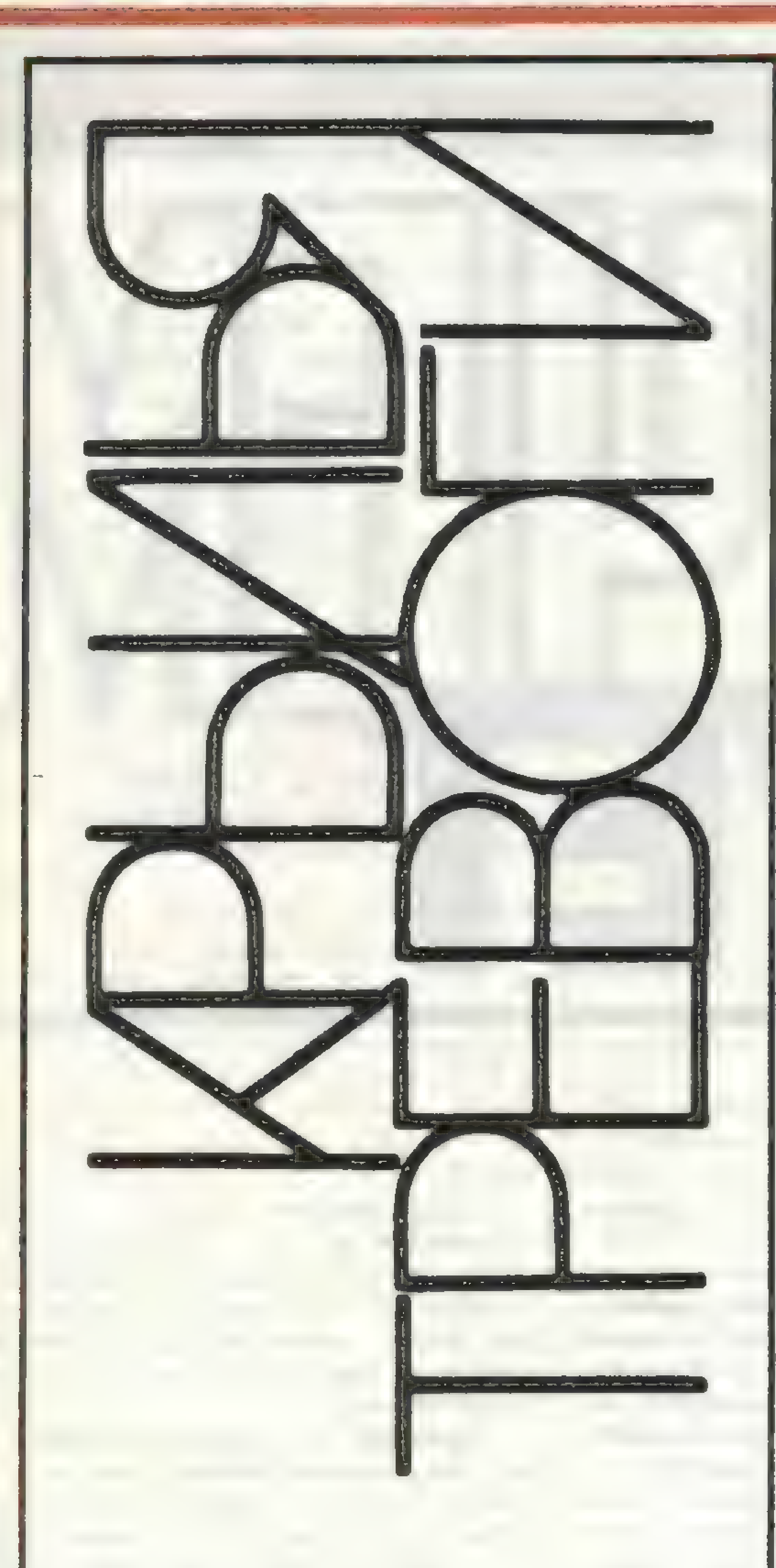
Продолжение на вкладке 3.

ПАРАД. 1929.

А. Г. ТЫШЛЕР. ПОРТРЕТ ЛИЛИ БРИК. 1944.

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС

ДЗУКИЙСКАЯ ДЕРЕВЕНЬКА ПОСЛЕ ВОЙНЫ *

Земелька-скуделька в родной горсти,
как сахар, песочек под каблуком:
на клумпах пытались тебя донести
до всех сибирей и оклахом,
в Европу сбросить с танковых трак —
в окопную глубину...
История шла сквозь морок и мрак,—
и вновь качаешь сосну.
И страшно, что мы бояться могли,
а без страха еще страшней.
Мама плачет словами земли —
и та возвращается к ней.

* Дзукия — южная Литва, откуда родом автор; клумпы — деревянные башмаки *(прим. пер.)*.

* * *

Пусть эта птица все еще поет.
Теперь она к седой земле приникла,
ее худыми крыльями укрыв.
Глаза ее наполнены закатом
и памятью об утренней вершине,
но рядом ночь,— и песнь ее дрожит.

Живая капля родины беззвучно
пошевелилась в сердце: сладкий хлеб
уже исходит кровью под ножом
на ненасытной скатерти столетий.

Споем же, птица, преклонив колени
у пепелища слезного, у рва,
где истлевает радость. Светит ночью
святая капля крови — огонек
в окне высокой, недоступной правды.

* * *

Растущие крылья тревоги,
наступление ночи.
И соцветие знанья
вянет, как в небе луна.
А неведенье — рана —
усыпано лепестками.
Мучится жизнь и мучит,
земля человеком больна.

Жаркое, быстрое тело,
что ты видишь за песней?
Мысль, чего ты боишься
в трепете божьих дней?
Обняться — и ввысь подняться.
Умолкнуть над шумным миром.
Кому-то помочь в потемках
проснуться... и стать прямей?

НАЧАЛО ЛЕТА

Прозелень июньская права,
в пенном кубке птицы, листья, боги.
Лишь порог переступи: трава
валится, униженная, в ноги.

Пониманья жаждет и она,
до небес возвышенная взглядом.
Ноша то сладка, то зелена,
сердце стеснено цветком крылатым:

к целому небезразлична часть,
малого не зачеркнет великий.
...Рядом с тенью крыльев там, сейчас,
кто-то промелькнул — чужой, безликий.

КОНЕЦ ВЕКА: ГОРОДСКАЯ НОЧЬ

Покажи или выскажи,
где прячется в городе домовой,
что он думает, глядя
на усталую женщину:
вот локти в готовности боевой,
руки оттянуты сумками,
а в глазах
пустота и злоба.
Но вечер торжественно —
веером звездным скользя —
пробуждает
всю глубину вожделенья.
В подворотне мусорный бак
щерится и мусолит окурки.
Кажется: все, что нельзя,
уже превращается в можно.
Нагота освобождается от одежд,
как стена от крошащейся штукатурки.

Не учи ее ночи,
но и не отнимай от тени.
Свет вековой — как плющ —
взбирается, быстр —
волнуясь, мутнея и сатанея:
то вдали он, то в самом теле
негасимый,
неугасимый:
из искры — в новую россыпь искр.

Бесстыдную мякоть яблока
жизнь прикрывает смыслом
и шепчет:
я есть, я тут...

Город взмывает в небо,
свод облаками выстлан.
Кровь, мед и слезы —
с каменных крыльев текут.

ИЗБА

Стонешь окнами, дверью,
подслеповата, седа,
«Верю,— бормочешь,— верю,
а ты все реже сюда».

Старенькая, своя,
смотришь, как в мутный омут:
как схоронить себя —
там, где чужие не тронут?

Дорога людьми богата,
всех попробуй согрей,—
идут с восхода, заката,
с танцулек, из лагерей.

Я совсем не о том,
что мы повязаны кровно...
Слыхал, продаете дом,
весь или только бревна?

Воздух острей ножа,
запах немощи стоек...
А там не моя ли душа
пьет среди новостроек?

* * *

Гляди: она летит, гляди,
накроет все твои богатства,
как океан, который дна
ни перед кем не обнажает:
жизнь! Как тебе за ней угнаться,
пока не кончилась она?

Волна и берег, там и тут,
сроднились кровью гнев и жалость,
и прояснила правду ложь.
И снова — навсегда — к порогу —
и снова ночь ко дню прижалась,
день в ночь вливается: живешь.

Как мал и незаметен ты!
О счастье бредишь, приникая
к земле и к небу — к рубежу.
Любуюсь алтарем незнанья,
пока я лгу себе, пока я
скрываю, перед кем дрожу.

ВЫВОД

Коротки наши дела —
а отвечаем сполна.
Времени липкая мгла,
как повязка, плотна.

Отбросишь ее — и мрак
наляжет, как вязкий ком.
Не требуй: зачем и как?
Не пытай ни о ком.

Чья правда в ночи? — Ничья.
Кто в тишине? — Следы.
Твое несмелое: я,—
собой утверждаю: ты.

СТАНСЫ

1.

— ночь, твое лицо черно и смято,
и с тобой душа моя пуста.
Будет все легко, по-детски свято,
лишь бы вновь приснилась чистота.

2.

— ночь, растормоши тупую дрему,
снова разбуди слова мои:
разожми мне губы, как больному,
и насильно жизнью напои.

3.

— ночь, а кто-то с неба звезды сводит.
Отойди, и ты увидеть дашь,
как, сбиваясь с ритма, сердце всходит
в новый день, как на второй этаж.

Перевел с литовского Георгий ЕФРЕМОВ

КТО ЧЕМ РИСКУЕТ

КОНЕЧНО, ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ВСЕОБЩЕГО ЕДИНОМЫСЛИЯ. НО ВЕДЬ ЕСЛИ БЫ ЕДИНОМЫСЛИЕ БЫЛО ВСЕОБЩИМ, НЕ ПОГИБАЛ БЫ ОТ ЧУДОВИЩНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БЕЛОКОНЬ, ЧЬЮ ТРАГИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ РАССКАЗАЛ «СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ» ЮРИЙ ЧЕРНИЧЕНКО: ОТЫЩИТЕ ГАЗЕТУ ОТ 3 МАЯ. И МЫ С ВАМИ ДАВНО УВИДЕЛИ НА СВОИХ ТЕЛЕЭКРАНАХ ФИЛЬМ «НЕПЕРСОНАЛЬНОЕ ДЕЛО» МОЛОДОГО РЕЖИССЕРА АЛЬГИСА АРЛАУСКАСА, НЕКОГДА ОБЪЯВЛЕННЫЙ В ПРОГРАММЕ ЦТ, АНОНСИРОВАННЫЙ ГАЗЕТАМИ И (ЧТО ЖЕ ТЫ МАЛЮТКА-ГЛАСНОСТЬ?) ЗАПРЕЩЕННЫЙ К ПОКАЗУ.

Татьяна ИВАНОВА

И — господи, прости нас, если сможешь,— мы знали бы имена армян, погибших от рук погромщиков во время трагических событий, о которых нам недавно рассказал Генрих Боровик в передаче «Позиция». Мы послали бы соболезнования их семьям, выразили бы им сочувствие, может быть, помогли бы, чем сумели...

Что стряслось?
Почему этот воздух живой
Так растерян и безутешен?
Отчего так недвижен туман
над травой?
Кто-то сломлен,
Унижен,
Повержен.
Чье-то сердце сгорело,
Или тлеет оно
Одиноко и тихо...

Это стихотворение Маро Маркарян в переводе Владимира Леоновича. Из подборки армянских стихов, надеюсь, не случайно опубликованных в апрельской книжке «Нового мира».

В номере, который я настойчиво рекомендую вам изучить (позавидуем подписчикам: они будут им владеть!) не только из-за «Доктора Живаго», или, скажем, писем, повести и стихов Даниила Хармса (публикация Владимира Глоцера), не из-за единой странички, отданной стихотворению Марии Терентьевой, жены писателя Ивана Катаева, «погибшего по ложному доносу в годы сталинского террора», разделившей судьбу многих жен репрессированных и писавшей стихи в мордовских лагерях. Самым внимательным образом надо изучить статью Николая Шмелева — если вам, конечно, не безразлично дело перестройки.

Многие иронизируют над моей излишней настойчивостью в рекомендациях. Но я убеждена: активным, осмысленным борцом за перестройку, то есть истинным патриотом своего социалистического Отечества, может быть только и единственно человек, до конца осознавший, понявший цели и задачи перестройки. Одна интуиция, одно чувство добра и справедливости сделать человека по-настоящему активным борцом за перестройку не могут. Надо просвещаться, чтобы не оказаться беспомощным перед беззаконием, произволом. Как оказался, например, замечательно хороший и добрый человек из остросовременной повести Левиана Чумичева «Под лестницей» («Урал» № 4). При развитом чувстве добра и справедливости, при прочих добрых человеческих качествах человек ни в коем случае не будет мешать перестройке, вставлять ей палки в колеса, он будет даже и способствовать перестройке, помогать ей по мере сил.

Но ведь все и дело-то — в мере сил. Я вижу свою задачу в том, чтобы помогать людям наращивать силу, делать все возможное, чтобы сил у борцов за перестройку прибывало.

Наша сила сегодня в понимании: альтернативы перестройке нет. Наша сила сегодня не только в решимости, но и в умении противостоять всем, кто, прикрываясь умелой демагогией под лозунгом «не могу поступаться принципами», хочет перестройку свернуть.

Наша сила и в том, чтобы не лезть за словом в карман, когда они говорят: «Вот до чего довела ваша перестройка», «Вот плоды вашей гласности». Слово должно быть на устах точное, убедительное, разящее, понятное тем, кто молча стоит вокруг и слушает, привлекательное, вовремя сказанное. Потому что, когда оно никак не добывается из кармана, к примеру, с 13 марта по 5 апреля, очень портится у народа настроение.

А наша сила в том, чтобы у народа было хорошее настроение. И поэтому я повторяю: тот, кто хочет быть не созерцателем, а деятелем перестройки, должен читать материалы, помогающие понять ее суть и задачи, осознать смысл радикальной экономической реформы, понять, от какого наследства мы отказываемся. Настойчиво рекомендую поэтому читать с особенным вниманием именно статьи Г. Лисичкина, О. Лациса, А. Стреляного, Ю. Черниченко. С карандашом в руках надо бы поработать со статьей Н. Шмелева в апрельском номере «Нового мира»: она поможет нашему гражданскому чувству быть не бесплодным. Ведь все мы где-то работаем, стало быть, на что-то можем и влиять в положительном смысле. Н. Шмелев подскажет нам, как влиять, за что бороться, чему противостоять.

А вот работы Михаила Антонова (их охотно печатают «Москва», «Молодая гвардия», «Наш современник»), думаю, стоит читать в том случае, если хочешь помужествовать с радикальной экономической реформой, если чувствуешь потребность противостоять борьбе с уравниловкой, кооперативному движению, хозрасчету. Михаил Антонов, витийствующий в основном о пользе энтузиазма и вреде материального стимулирования, конечно, вооружит аргументами.

Каждый вправе высказывать то, что думает. Потому и Антонов вправе выходить против Аганбегяна, и Салуцкий вправе противопоставлять собственную концепцию концепциям Стреляного, Лисичкина, Шмелева. Но ведь и никто, надеюсь, не собирается посягать на право обозревателя «Огонька» называть вещи своими именами. Публикация в «Правде» от 5 апреля (все знают, о чем идет речь) как-то окончательно убедила меня: в ответ на откровенный манифест антиперестроечных сил все, кому дорога перестройка, должны крепко сплотиться — демократию надо защищать. Мелкие споры надо оставить в стороне — потом доспорим. И хватит недоговаривать, прибегать к эвфемизмам. Пока явление не названо точно, единственными словами, понимание невозможно.

Нам теперь не надо, как главному герою «Белых одежд» Федору Дежкину, воплотившему в себе столько специфических черт настоящего советского характера, скрывать лицо, подменять слова, чтобы сохранить дело. Нам нужно, наоборот, открыть лицо, произнести слова — иначе за успех дела ручаться нельзя. (Не могу не сказать с радостью, кстати, что журнал «Литературное обозрение» опубликовал статью Александра Гангнуса о романе Владимира Дудинцева «Белые одежды», очень высоко оценивающую роман).

Со статьей «Не могу поступаться принципами» все в наших дискуссиях и спорах, по-моему, определилось окончательно. Спорят сталинизм и ленинизм. Две разные философии, две системы взглядов. Расхождения принципиальны.

Зловещая фигура генералиссимуса здесь не более чем символ, знак сталинизма. Сталинизм как философия, как система взглядов, как идейное обоснование и воплощение административно-командных методов управления не просто не совместим с социализмом. Он находится с ним в резком, непримиримом противоречии, противостоит ему. Потому что существо коммунистической идеи в том, что условие развития каждого становится условием развития всех.

Еще у всех свежа в памяти статья из «Советской России» от 13 марта, но будто для закрепления ее основной мелодии, ее пафоса в наших душах апрельский номер «Молодой гвардии» публикует статью М. И. Малахова... Повторяю: каждый вправе сказать свое. Но, дорогие мои товарищи, вы только почитайте, в каких элегических, а коегде и в приподнято-романтических тонах автор повествует о годах сталинизма. Какой царил энтузиазм, как цвели науки и искусства, как высока была нравственность...

Послушайте. Разве может быть что-нибудь безнравственнее, чем рассуждение о высокой нравственности общества, подвергшего репрессиям чуть не каждого десятого своего члена?! Есть ли все-таки хоть какой-нибудь предел человеческому цинизму?

Не знаю, обсуждали ли в редакции «Молодой гвардии» статью «Не могу поступаться принципами», в ее ли поддержку решили опубликовать статью М. И. Малахова. Или все получилось случайно, непринужденно? Но посоветовала бы коллегам, настойчиво посоветовала бы работникам молодежного журнала прочитать коллективно, вслух... ну вот хоть повествование Николая Заболоцкого «История моего заключения» из мартовского номера журнала «Даугава». «Струя воды под сильным напором ударила в меня и обожгла тело. Меня загнали этой струей в угол и, после долгих усилий, вломились в камеру целой толпой. Тут меня жестоко избили, испинали сапогами... Я был потрясен и доведен до невменяемости, физически же измучен истязаниями, голодом и бессонницей...»

Я знаю, коллеги, что «Даугаву» ради Н. Заболоцкого вы искать не будете. И тем более читать коллективно, вслух. Но эту мою статью, эту статью, чтобы дать «Огоньку» достойный отпор, вы прочтете. Вот потому я и выписала из воспоминаний поэта эти несколько строк. Тут-то уж их нельзя не прочесть.

А прочитав, разве можно думать о сталинизме, о сталинщине все в тех же, как и прежде, элегических и приподнято-романтических тонах? Разве можно подыскать сталинизму — после этих строк — еще хоть какие-то оправдания?

Впрочем... Слова «зря не сажали» теперь все-таки не так много людей решаются произносить: гласность, даже такая юная, как наша, уже успела сделать немало. И если бы за три года перестройки мы не достигли больше ничего, а достигли бы только этого — то и за это одно перестройке надо бы сказать спасибо. Народ узнает правду о собственном недавнем прошлом.

Народ очищается, проливая слезы над невинно осужденными, казненными, тяжко страдавшими соотечественниками.

Скажите, ну можно ли, возможно ли, в самом деле, считая себя частицей народа, желая собственному народу добра, не хотеть этих слез, этого очищения, этого просветления умов? Можно ли не просить мысленно прощения у всех, кто страдал от жестокого террора,— «за все, в чем был и не был виноват»?

Я хоть и спрашиваю, а думаю, что нельзя, невозможно, немыслимо.

«Я, родившийся в пятьдесят шестом... могу сказать, не кривя душой, и меня поймут если не те, кто сидел и сажал в тридцатые — пятидесятые, то хотя бы мои сверстники,— я такая же жертва культа личности, как и они. То есть я стою перед картиной Голтякова со своим багажом, со своим комплексом». Это голос поэта Алексея Ивлева из мартовского номера «Даугавы». Идет обсуждение картины Альберта Голтякова «Эпитафия — посвящение невинно осужденным во время сталинского культа» (картина воспроизведена и на обложке, и на цветной вкладке «Даугавы»).

«Я такая же жертва культа личности»,— говорит тридцатидвухлетний человек. Поза? Если да, то только до известной степени. Тридцать лет сталинизма да двадцать постсталинизма наложили на всех нас тяжелый отпечаток. Разве мы можем говорить всерьез о свободном развитии каждого — на протяжении всех этих лет? Честно и всерьез, конечно, не можем. Жертвы сталинизма — не только сгубленные человеческие личности, не только погибшие в лагерях и тюрьмах, искалеченные, раздавленные морально. А крестьяне и земледельцы, у которых не было возможности нормально делать самое главное дело на земле — растить хлеб, обихаживать землю? А рабочие, которые не могли раскрыть возможности и таланты своих личностей, не могли проявиться во всей силе, вместо этого обращавшиеся в халтурщиков, бракоделов, пьяниц? А ученые, во имя химер вынужденные отрекаться от истин? А писатели, а музыканты, а художники? А инженеры, превращенные в ничто, а учителя, которые сами себя перестали уважать?

А дети наши, дети, на чьих глазах мы деградировали?!

Четвертый класс 158-й школы Москвы борется за право носить имя Павлика Морозова. Сейчас, в этом учебном году. Спрашиваю: а что вы должны делать-то, что совершать? Ну... отвечают,— хорошо учиться, собирать макулатуру... Ладно, думаю, хоть так. Могли бы ведь потребовать от них и других подвигов... Дети-то виноваты не бывают. Ни в чем не был виноват и Павлик. Это извратившее даже самые первичные понятия о нравственности общество страшно перед ним виновато. Он жертва сталинизма. Но ведь и та пионервожатая, которая сегодня подвигает детей на борьбу за право носить имя Павлика,— тоже жертва сталинизма. Отдаленные последствия...

Так, что же, и с этим смиримся? Думаю, что ни в коем случае. Если кому-то кажется, что четвертый класс вообще должен бороться за право носить чье-либо имя (ох, борьба эта, на мой взгляд, тоже не что иное, как отдаленные последствия),— но если все же им кажется, то надо бы борьбе придать смысл, желательно здравый.

...Удивительный случай произошел в журнале «Литературная учеба». Здесь опубликована статья Д. Урнова «О пользе разногласий». Она полемизирует со статьей Игоря Виноградова из предыдущего номера, которую я так упорно рекомендовала вам читать в прошлом обзоре (это была, по моему мнению, высокая литература). Д. Урнов полемизирует с И. Виноградовым. А удивителен этот случай потому, что критик предстает в каком-то совершенно неожиданном обличье: мы привыкли, что это высокообразованный человек, в суждениях независимый, вольный... То ли это было ошибочное впечатление, то ли он перестроился. Но статья написана так, что, если б не знать, как высоко образован Д. Урнов, вполне можно было бы подумать, что учился он в Ленинграде на технолога и был любимым учеником Н. Андреевой... Судите сами. «Кто из моих сверстников талантлив? — сам себя как бы спрашивает Д. Урнов.— Геннадий Шпаликов и Анатолий Передреев. Самое замечательное явление советского искусства? Конечно, «Чапаев». Хороший современный фильм? «Простая история». Кто бессмертен? Аркадий Гайдар. Вы поймите меня, прошу, правильно. Я не хочу сказать, будто один лишь автор «Тимура и его команды», с моей точки зрения, останется навсегда. Или же будто, кроме «Чапаева», нет великих явлений в нашем искусстве. У меня мысль другая: из того, что я видел или читал, названные вещи, обладают, согласно тому, чему меня учили, обладают признаками бессмертия или величия. На том стою. А обретут ли вечную жизнь какие-то другие фигуры и произведения, ничего по этому поводу сказать не могу. Возможно, произведения, моему восприятию недоступные, окажутся классикой именно в силу каких-то свойств, которые я не способен различить. Только по признакам, которые мне известны, я решаюсь сказать: вот это, по-моему, талантливо, это бессмертно... Например, произведения замечательного, однако цитированию не поддающегося, я себе представить не могу...»

Извините за длинную цитату. Но, сократи я ее, вы бы мне просто не поверили, сказали бы: вырвала из контекста... Д. Урнов в этой статье перечисляет, что ему не нравится. «Иван Денисович», «Доктор Живаго», переводы Пастернака, песни Окуджавы, Ахматова. Он отказывается считать «Новый мир» при Твардовском оазисом свободомыслия...

Но это бы все ладно. А вот самоанкета, ее вопросы, ответы на них — это, конечно, потрясает, согласитесь. Не то чтобы там за Маяковского обидно, за Сергея Прокофьева, за Шолохова... Им, как говорится, ничто. А вот насчет Тимура... Давно ли критик перечитывал? «В окопах Сталинграда», он пишет, недавно попытался перечитать, но очень не понравилось, просто очень, не смог. Ну, а Тимура?.. Неужели недавно перечитал и так потрясло? Читал и думал: вот литература, вот бессмертная, вот на века?

Господи. Что же это с людьми делается? Но в молодежном-то, в молодежном журнале зачем? Это ведь грех. В таком красивом журнале, с письмами Петра Чаадаева, с воспоминаниями Павла Флоренского... С парой страничек А. Лосева о Флоренском — дивных. Странная, непонятная история.

...Эх, много сейчас забот у антиперестройщиков. Гласность в рамки вводить, рынки разгонять, смотреть, чтобы телевидение не распускалось — роки там всякие, ансамбли, подростки как таковые (даже их лица — крамола), успеть сказать хоть по одной гадости про каждого реабилитированного (объективно, объективно надо на них смотреть, нечего идеализировать!), не упустить момент, когда пора прокричать в связи с очередной захватившей умы и сердца публикацией, что ничего в ней особенно художественного вовсе и нету, что все, в прежние года свободно публиковавшееся, было не в пример лучше... Да и это не главное. Главное — не потерять сосиски.

Товарищи, поймите же, наконец. Принципы, которые, говорят, одержали больше побед, чем конницы и колесницы,— это все-таки только принципы. И идеалы опять-таки всего лишь идеалы. А бюрократ чем рискует, если перестройка идет своим чередом? Ведь общество тогда неминуемо приходит к выводу, что каждый в нем должен заниматься исключительно своим делом, что не нужно тридцатью инструкциями и пятью начальниками душить трудящегося человека, не нужно в десяти инстанциях утрясать один проект, двум милиционерам гоняться за одной колченогой старушкой, худсовету утверждать рублевое колечко, держать отдельного столоначальника, чтобы присматривал за дислокацией торговки картофельными пирожками,— ведь, если это все, наконец, произойдет, вы подумали о том, где бюрократ будет покупать сосиски? Не подумали? А я вам скажу. Многие тысячи представителей административно-управленческого аппарата будут покупать себе сосиски там же, где и мы с вами: раз в десятидневку, по счастливому случаю, в длинной очереди.

Надеюсь, теперь вы поняли, чем люди рискуют.

В возможности социализма антиперестройщики и на минуту не верят (они верят исключительно в возможности сталинизма), поэтому им кажется, что нам с вами досыта на всех сосисок никогда не наделать...

Я понимаю, что мое рассуждение звучит слишком просто. Но знаете, нам очень часто мешает понять ситуацию именно то, что мы ее намеренно усложняем, упаковываем в особенные, непростые слова. Это наше свойство — тоже коллекционное, оно из «отдаленных последствий».

Но я хочу вам сказать, что и наше с вами время идет не зря, не напрасно: предвижу чу́дные отдаленные последствия! Публикация романа Василия Гроссмана — кто измерит ее влияние на многие тысячи потрясенных умов? А разве уже сейчас, даже слушая друг друга, мы не замечаем эффект от прочтения «Детей Арбата», «Белых одежд», «Котлована», «Чевенгура», «Собачьего сердца»?.. Вглядитесь, вслушайтесь, это влияние огромно, оно не пройдет без следа. Мы становимся другими.

Наше представление о собственной советской литературе — разве оно было адекватно самой литературе? Оно теперь изменилось. Наша гордость собственной культурой, а следовательно, собственным Отечеством разве соответствовала реальному богатству, реальным достижениям этой культуры? Теперь она возросла. Да кто смеет говорить, что наша поэзия в упадке, когда у нас ахматовский «Реквием», у нас «По праву памяти», у нас Борис Слуцкий?

Да попробуйте сказать мне теперь, что куда, мол, нынешнему литературному веку до века прошлого, когда у нас «Жизнь и судьба»!

Журналы делают свое великое дело не только во имя сегодняшнего дня, не только отдавая дань прошлому, но и во имя отдаленных последствий, во имя наших детей и внуков.

Февральский номер «Даугавы». Главы из автобиографической книги Осипа Мандельштама. Большая подборка воспоминаний о нем. А в январском были стихи Георгия Адамовича. (И отличная статья Григория Никифоровича, доктора биологии, «Право быть другим»: размышление о том, почему у нас, увы, так часто «серые начинают и выигрывают»).

В последнем номере «Таллина» замечательный рассказ «Беглецы» Юхана Пеэгеля. Действие его происходит в петровские времена, но могло бы происходить в 1941-м, сейчас, всегда, когда-нибудь — все вечно, когда жизнь, смерть, любовь, право женщины, честь мужчины становятся предметом литературы. В том же номере из литературного наследия Хенрика Виснапуу, умершего больше тридцати лет назад в Нью-Йорке,— стихи. Одно из стихотворений, в переводе Алексея Королева, процитирую:

Грустным позвольте быть.
В грусти любой из нас
Склонен творить добро,
Слушая божий глас,
Тихий, как серебро.
Грустным позвольте быть.

Именно эти слова я привела не случайно. Подумайте: даже грустными нам позволила быть перестройка. Ведь и такие стихи в относительно недавние времена было невозможно опубликовать. А в давние, культовские, кто бы нам с вами позволил грустить, кто разрешил бы «в наше время, когда весь советский народ как один человек...».

Мне кажется, что прежде нельзя было бы нам прочесть и роман З. Журавлевой в «Неве». От души рекомендую: «Роман с героем — конгруэнтно — роман с собой». Написан он более чем современно, даже почти причудливо. Но если хотите читать о возвышенной, вечной любви прекрасной женщины (современницы) к настоящему мужчине (надеюсь, вы согласны со мной, что главный признак мужества — преданное служение делу) — вы не пропустите это произведение.

Мартовский «Простор» публикует с предисловием Льва Озерова стихи Владимира Нарбута. А Борис Стругацкий представляет читателям трех молодых фантастов, трех Андреев — Измайлова, Карапетяна и Столярова. Интересно.

«Знамя» апреля (а какое многозначительное оказалось словосочетание: «знамя апреля») совершенным по форме, удивительно насыщенным по содержанию предисловием В. Лакшина предваряет великую антиутопию — роман Е. Замятина «Мы». И там же воспоминания Георгия Адамовича о Бунине. И «Биография научной теории, или Автонекролог» Льва Гумилева. Неслыханный жанр! И компактное, ясное, страстное и ироничное изложение сложнейшей научной теории.

В апрельском номере «Юности» пьеса Бориса Можаева, рассказ Юрия Нагибина, главы из романа Э. Хемингуэя, статья Андрея Туркова, острая и чрезвычайно умная, заканчивающаяся примечательными словами Л. Толстого из письма к А. Герцену: «...Эти люди — робкие — не могут понять, что лед трещит и рушится под ногами — это самое доказывает, что человек идет; и что одно средство не провалиться — это идти не останавливаясь».

«Волга» в мартовском номере сообщает, что в ближайших номерах будут опубликованы воспоминания Льва Гумилевского о М. Горьком, Ф. Сологубе, А. Аверченко, Б. Пильняке, А. Платонове. И роман В. Набокова «Камера-обскура». И роман Бориса Екимова «Родительский дом» (это очень интересно, мы с вами знаем Екимова как прекрасного рассказчика... какой-то выйдет романист?). И воспоминания И. Ф. Таратина «Потерянные годы жизни» — автор провел девять лет на Колыме, ждал расстрела в камере смертников, был засыпан в шахте...

И я назвала далеко-далеко не все — неужели кому-нибудь кажется, что все уже прочитанное нами можно каким-то образом отменить, утопить в демагогии, объявить малохудожественным, заставить нас опять восхищаться «застойными романами»?

Гуманитарная среда, как известно, добра. Иные писатели вздыхают сейчас: жалеют бедную «учительницу», подписавшую статью в «Советской России». Она, говорят, ведь высказала всего лишь мнение, а ее теперь травят во всех печатных изданиях.

Ну, может, правда, давайте возьмем бедную «учительницу» на ручки? Давайте усыновим ее, соберем ей средства, направим письма сочувствия? Как, товарищи читатели?

А прочли ли вы в четвертом номере «Дружбы народов» «Воспоминания о «деле врачей» Я. Рапопорта? Вот что надо бы обсудить на собраниях, вот о чем надо бы говорить в лекциях, а хорошо бы и перепечатать, размножить. Почему? Материал невелик — под силу самому занятому читателю. Он читается как авантюрный роман — придется по нраву даже самому неискушенному читателю. И в то же время он в очень концентрированном виде дает представление о сталинизме. В конце концов можно не знать больше ничего, а только прочесть эти воспоминания — все станет ясно.

Заодно получится информация об устройстве наручников, о том, что та-

кое бокс в переходах внутренней тюрьмы на Лубянке. «Хочу познакомить читателя с отличительной принадлежностью узилища сего, надеясь, что для читателей это знакомство останется только литературным»,— пишет автор. Вы обратили внимание на коротенькое словцо «надеясь»?..

И вообще, что это мы так жалостливы к одним, а к другим строги? Когда Игорь Дедков написал критическую статью о романе «Игра», я насчитала двадцать российских журналов, давших ему отпор, причем авторы некоторых «отпорных» статей (Н. Федь в «Нашем современнике», А. Ланщиков в «Москве») допускали самые оскорбительные по отношению к критику слова. Я после двадцати считать перестала, а с Дедковым журналы до сих пор разбираются, кто опоздал отметиться вовремя, теперь поспешают. Из статей, трактующих критика Андрея Мальгина как непатриота, интригана и прочее (повторять не хочется), можно составить монографию листов на тридцать. Читая критические разделы журналов прошлого года, я понимала так, что самая большая беда нашей литературы — Мальгин. Но того было мало. Составили письмо во все инстанции, сорок подписей под ним собрали, за руки взялись, и письмо против Мальгина по инстанциям сами же и носили. Когда Ольга Кучкина позволила себе в «Правде» посмеяться над очень смешным романом В. Белова «Все впереди» (по-моему, он почти такой же смешной, как роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?», как роман И. Шевцова «Тля»,— над этими шедеврами изящной словесности мы потешались в шестидесятые годы; а я так храню их и в грустные минуты даже и открываю — до сих пор смешно),— так вот, когда Ольга Кучкина посмеялась, не было литературной трибуны, с которой литературные джентльмены не полили бы ее отборной бранью. Когда Татьяна Толстая в газете «Московские новости» (которую и читают-то только чрезвычайные и полномочные послы, а если ты, например, чрезвычайный, но не полномочный, то и не прочитаешь — так мал тираж) сказала о романе того же Белова ровно одно (прописью: одно) неосторожное слово — журналы не жалели страниц, чтобы ее пригвоздить к позорному столбу, трибуны рассыпались, так литературные ораторы по ним кулаком стучали; наконец, Толстую попытались унизить тем, что не приняли в Союз писателей (впрочем, скоро поняли, что унизили сами себя, приняли). Так вот, когда все это происходит, никто не говорит о травле. Какая, мол, травля? Нормальный литературный процесс...

Так что, я думаю, ничего не происходит и с «бедной учительницей». Ее именем ведь подписана статья не про какой-нибудь там роман, пусть и очень великого человека. Ее имя стоит под статьей, направленной против перестройки, против всего круга вопросов перестройки, против стратегии и тактики перестройки. Так что пусть уж учительница возьмет себя в руки, потерпит. Да пусть подумает: сторонники перестройки обороняются от антиперестройщиков и даже нападают на них вполне вегетарианскими методами. У меня нет уверенности, что в случае, если бы победили единомышленники учительницы, то есть если бы проиграла, отступила, сдала позиции перестройка,— у меня нет никакой уверенности, что единомышленники учительницы действовали бы столь же скромно. Их система взглядов исповедует иную нравственность, иные принципы борьбы.

К воспоминаниям Рапопорта из «Дружбы народов» я прибавила бы в качестве материала для обязательного прочтения и обсуждения в как можно более широком кругу еще и воспоминания его дочери, Наталии Рапопорт, «Память — это тоже медицина». Они опубликованы в апрельском номере «Юности». Как делают прививки от холеры, от оспы, от чумы — так я вменила бы в обязанность учителям литературы вслух на уроках прочесть эти воспоминания детям. Пусть содрогнутся, пусть обольются слезами и придут в ужас — это будут очистительная дрожь, целительный ужас. Они должны знать, что творит сталинизм с человеком, должны быть бдительны, уметь различать его под любыми масками, чтобы сражаться с ним, не щадя себя. Потому что он несет в себе погибель, физическую и нравственную, стране, ее гражданам, их детям и внукам.

Люди, толкующие о падении нравственности и духовности в нашем обществе в нынешние времена в сравнении с годами сталинизма! Вы не будете искать ни «Юность», ни «Дружбу народов», вы считаете, что это очередные публикации из ряда «о негативных явлениях», «видящие нашу историю в черном свете», из «потока деструктивной литературы». Вам все это читать надоело, вы устали, вы этим раздражены... Так вот вам абзац, один абзац, прочтите: «...Как проклинал народ кровавых убийц и всю их нацию! Как жаждал возмездия! Как подогревали эти чувства все доступные в то время средства массовой информации! У врачей-евреев отказывались лечиться. Пахло погромом. Широко обсуждался вопрос, как будут казнить преступников. Информированные круги в моем классе утверждали, что их повесят на Красной площади. Волновались: будет туда открытый доступ или только по пропускам. Сходились на том, что по пропускам: иначе любопытствующие подавят друг друга и могут снести Мавзолей. Кто-то утешал: ничего, наверняка будут снимать кино... А я видела во сне повешенного Вовси и просыпалась с криком...»

Дети наши бедные... Что же мы делали с ними! Та казнь на Красной площади не состоялась. Видимо, старая русская няня отмолила у Бога нехристя Рапопорта, а с ним вместе и других мучеников. Няня Ксения обратилась к священнику: может ли она молиться за еврея? Тот сказал, что может. Няня Ксения, допускающий компромиссы священник и русский Бог спасли тогда не только мучеников — они спасли тех, кто мечтал получить пропуск на казнь, — от воплощения страшной мечты.

«Длительное время наступление золотого века связывалось с одной, действительно крупной, исторически противоречивой личностью — И. В. Сталиным»,— пишет в апрельском номере «Москвы» В. Чалмаев. Слышите милую интонацию? Перечитайте фразу внимательно, по слову... Интересно, что статье в целом, тому абзацу, из которого выписана, эта фраза вовсе не нужна, даже там и неуместна. Но она нужна журналу, тихой сапой, осторожно, но неуклонно стремящемуся «воздать должное» всеми поминаемому сейчас злым и нетихим словом «отцу народов».

Внимательно перелистайте четвертый номер. Вот пишет об Индии Валентин Сидоров, рассказывает о популярном индийском поэте. «Так уж получилось, что первое стихотворение, которое мне довелось от него услышать, было о Сталине». «Так уж получилось», что В. Сидоров с удовольствием приводит и само стихотворение.

А теперь возьмите воспоминания Д. Павлова об А. Щербакове. Как строг, прост, внимателен и справедлив был Сталин... «Так уж получилось», что автор воспоминаний не мог об этом умолчать, а журнал не мог не напечатать.

Ну вот, правда, в «Историю» Карамзина ничего про Сталина вставить не удалось. Между прочим, это была одна из причин, по которой я приветствовала появление «Истории» в «Москве». «Так уж получилось», что апологетикой Сталина журнал занимается из номера в номер, прозу же из номера в номер печатает слабую. Чрезвычайно странно: столичный журнал, столько прекрасных писателей в столице — и такой он «нестоличный» по уровню публикаций. Вот я и думала: уж лучше пусть дают Карамзина.

Интересно, что московская писательская организация (значится в журнале «Москва», что это и ее орган) мирится с такой «нестоличностью», мирится и с апологетикой Сталина... Интересно, почему? Подумать, что такая мощная писательская организация перед чем-то бессильна, так надо тогда ответить себе и другим, перед чем. Решить, что такая талантливая организация с апологетикой солидарна — значит решительно в ней разочароваться... Вот я и не знаю, товарищи читатели, что думать. Может быть, вы подскажете? Если вам покажется, что приведенная мною фактура по части апологетики Сталина скудна и для раздумий недостаточна, возьмите другие номера, полистайте их так же внимательно, как я полистала этот: вы увидите еще более яркую картину.

Ну, а какая это была «действительно крупная» личность, очень делается понятно из воспоминаний Константина Симонова в последних номерах «Знамени». Симонов пишет о Сталине так подробно, так точно воспроизводит свои многочисленные встречи и разговоры с ним, записи бесед сделаны с уважением, почтением и даже благоговением — всеми чувствами, которые в то время питал Симонов к Сталину. Жаль Симонова. Но попробуем утешить себя так: этой исповедью Симонов будто принес нам себя в жертву — ради того, чтобы мы избавились от последних иллюзий (те из нас, у кого были иллюзии) по части «действительно крупной» личности.

Я не рискую рекомендовать воспоминания Симонова для непременного прочтения и тем более для публичного обсуждения. Читать их довольно трудно, и уверенности в том, что они будут интересны всем, у меня нет. Но, повторюсь, люди, еще думающие, что в личности Сталина было величие, была загадка, должны это прочесть, чтобы не оставаться в плену иллюзий.

А вот рассказы В. Тендрякова из третьего номера «Нового мира»...

Их прочитать просто необходимо — чтобы понять, «от какого наследства мы отказываемся», чтобы вооружиться дополнительными аргументами против сталинизма.

«Мы будем истинно свободны от влияния чужеземных идей лишь с того дня, когда вполне уразумеем пройденный нами путь, когда из наших уст, помимо нашей воли, вырвется признание во всех наших заблуждениях, во всех ошибках нашего прошлого, когда из наших недр исторгнется крик раскаяния и скорби, отзвук которого наполнит мир. Тогда мы, естественно, займем свое место среди народов, которым предназначено действовать в человечестве не только в качестве таранов или дубин, но и в качестве идей». По статье Владимира Кантора «Имя роковое», опубликованной в мартовском номере журнала «Вопросы литературы», я процитировала Петра Яковлевича Чаадаева. Вот кого бы нам сейчас надо было почитать. Но, говорится в статье, «запрет на публикацию дотянулся практически до наших дней». А разве не так? Разве у вас на книжной полке стоит Чаадаев? Когда же издан, каким издательством?.. Двадцатитысячный тираж издательства «Современник», вышедший в прошлом году, был сослан с такой решительностью, что даже в лучших московских магазинах не видели ни экземпляра. Зато сотни их лежали, говорят, на Чукотке.

Знаете, кто не издает Чаадаева, кто режет ему до двадцати тысяч тираж, кто ссылает его на Чукотку? Сталинисты, друзья мои, и не будем на этот счет заблуждаться. Им не нужно, чтобы мы приобщались к горьким и гневным пророчествам Чаадаева — «рыцаря абсолютной свободы». Им не нужно, чтобы с его помощью мы осознавали себя. Потому что, осознав себя, мы лучше осознаем и их погибельную роль в наших судьбах, в судьбе своего Отечества.

Вы только подумайте: Чаадаеву в 1987 году — двадцать тысяч тираж. А главному редактору «Молодой гвардии» Анатолию Иванову за год до того в том же издательстве — тираж один миллион... Ну? Надо комментировать? Может, надо поострить, поиронизировать? Или спокойно поразмышлять? Может, надо поискать аргументы в пользу именно такого соотношения?..

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

РАЗОМКНЕМ КРУГ?

Георгий РОЖНОВ,
заместитель начальника
исправительно-трудовой
колонии,
подполковник
внутренней службы

Перестройку в исправительно-трудовых учреждениях сегодня можно назвать фальстартом наоборот — сигнал дан, а бегуны на месте. Обстановка в одних ИТУ далека от совершенства, в других хуже некуда. Раньше об этом знали лишь в компетентных органах, теперь — все. Год назад начал собирать вырезки из газет и журналов, где впервые — за столько лет! — стали писать об ИТУ, а потом забросил — уйма очерков, репортажей, писем. При всем различии взглядов, позиций много схожего: огульность упреков в адрес администрации, умиление или ругань всех без разбора осужденных, наивность рекомендаций и при всем этом новаторстве — лексика времен ГУЛАГа: «сегодняшние наши лагеря...», «заключенные в наших тюрьмах...». Но эта скороговорка, эти гнев и жалость, эта словесная путаница от незнания понятны — наболело!

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Икто бы ни писал — правоведы, журналисты, осужденные или их родственники,— вывод один: до исправления и перевоспитания преступников нам еще ох как далеко! Упекли его, бандита, за решетку, а с него как с гуся вода — отсидел свое и снова по проторенной дорожке. Или другое: отнюдь не злодей, а случайно оступившийся подросток угодил в зону, а вышел на волю законченным уголовником.

И тот, и другой уже теперь одним миром мазаны — рецидивисты.

Наиболее знающе судит об этом в «Литературной газете» неоднократно судимый В. Старовский — письмо его произвело в нашем офицерском корпусе эффект разорвавшейся бомбы, другого сравнения не подберу. Он пишет: «Попав за решетку первый раз, я услышал: «Ну, теперь пойдет и второй, и...» В зоне услышал подобные «пожелания» от уже знающих жизнь работников администрации. Для них настолько естественно, что «зэки» сидят, потом гуляют, потом опять сидят, что «завязавший» вызывает у них интерес: как это ему удалось?»

Автор сердит, где-то ерничает, в чем-то перебарщивает, но спорить с ним глупо: он прав. Рецидив как дамоклов меч повисает едва не над каждым, кто хоть раз оказался за колючей проволокой.

Абсолютную его цифру назвать трудно, ее до сих пор заменяют такие величины, как «значительный процент», «немалая доля» и т. д. Похоже, что те, кому эту цифру доверено хранить и оберегать от чужого глаза, пользуются простейшим счетом древнейших славян. Если чего-либо больше, чем пальцев на двух руках, они говорили — много. Если очень много — то тьма.

Так вот — рецидива у нас тьма. Из тех, кто отбыл назначенный судом срок наказания, определенное количество, немалая доля, значительный процент снова — сразу или позже — совершает преступления и, коли попадутся, снова оказываются в знакомых стенах сначала следственных изоляторов, а затем и исправительно-трудовых колоний. Либо строгого, либо особого режима.

Замкнутый круг. Сидел человек за решеткой год, три, пять, а то и все десять лет, искупал, как принято говорить, вину, пожил потом какое-то время свободным и вновь избрал своим уделом несвободу.

Да, такова сегодня реальность. В ИТК строгого режима никого из сотрудников не изумит рецидивист с десятью, а то и с пятнадцатью судимостями. Однажды, разоткровенничавшись, один из осужденных куража ради подсчитал у меня в кабинете, что общий срок наказания по всем его бесконечным «ходкам» приближается к двумстам годам. И что? А ничего — поохали, посмеялись и разошлись. Для рецидивиста это уже не трагедия, не драма. Это образ жизни.

А для нас, профессионалов?

Свидетельство нашего непрофессионализма, нашей профнепригодности.

Каждый случай редицива означает,

что первый, второй, третий, десятый воспитатели сработали в лучшем случае вхолостую. И не одни только воспитатели: начальник ИТК, их заместители по политико-воспитательной работе, по режиму и оперработе, по производству, инженеры по организации труда, начальники цехов, контролеры. Все без исключения, ибо в каждом исправительно-трудовом учреждении вы непременно увидите увековеченный на стендах призыв: «Каждый сотрудник — воспитатель!» Добавьте сюда и товарищей из руководящих управленческих звеньев — отделов и управлений ИТУ областей и республик вплоть до недавно созданного Главного управления по исправительным делам МВД СССР.

И пусть даже каждый из них работал, что называется, не за страх, а за совесть, пусть колония успешно выполнила государственный план и не допустила чрезвычайных происшествий, пусть, наконец, безупречным был режим и каждый шаг администрации согласовывался с законом — все усилия, увы, напрасны. Мартышкин труд. Или Сизифов. Если кто и отработал свой хлеб, так это солдаты, сержанты, офицеры и прапорщики конвойной роты: не разбежались преступники — и на том спасибо.

Каждый, подчеркиваю, каждый случай рецидива — брак в работе ИТУ, причем неисправимый. За ворота колоний после отбытия срока наказания — а то и значительно раньше, освободившись условно или условно-досрочно,— зачастую выходят не просто нераскаявшиеся преступники. Если первое преступление можно подчас объяснить нездоровой средой, нравственным нездоровьем или в конце концов помрачением ума, то последующие совершаются почти всегда с умыслом, почти всегда ухищреннее, профессиональнее. Именно так — профессиональнее: опустошить, не оставив следов, подряд несколько квартир, выпотрошить десятки беспризорных автомобилей и разорить столько же гаражей или, что пострашнее, терроризировать город за городом, поселок за поселком грабежами, насилием, разбоем — такое дилетанту не под силу.

Можно уже догадаться, где повышается квалификация злодейства, шлифуется его мастерство — в камерах следственных изоляторов и зонах исправительно-трудовых колоний. Обмен опытом, навыками преступной жизни идет без перерывов, все двадцать четыре часа — это не преувеличение. И нет пока конца этой эстафете злодейства — замкнутый круг.

Как же его разомкнуть? Только действительно начав перестройку всей системы ИТУ, только предъявив строгий спрос к самим себе.

В одной из бесед с журналистами министр внутренних дел СССР генерал-полковник А. В. Власов сказал об этом вскользь, но достаточно определенно: «Недостатки в работе исправительно-трудовых учреждений преодолеваются медленно, а с ними в значительной мере связана повторная, рецидивная преступность».

Видимо, полезно знать, какие именно недостатки имеются в виду и почему с их устранением медлят годами. Но прежде чем пойдет речь о наших общих бедах и нашей общей вине за низкие результаты труда, согласимся с тем, что служба в ИТУ — трудная служба. Есть горькая правда в шутливом вопросе: чем отличается сотрудник колонии от осужденного? Тем, что уходит ночевать домой, да и то далеко не всегда. Праздников, как у всех нормальных людей, у нас не бывает никогда — за неделю до них, а то и ранее весь личный состав переходит на усиленный вариант несения службы. Но если бы тяготила только служба от зари до зари! Каждый день, каждый час чьи-то горести, чьи-то беды — от пропавшего из тумбочки сахара до подозрений в измене жены, открытый вызов неповиновением, дерзостью, издевкой, угрозой. Рецидивисты, которых мы же и наплодили, в лучшем случае приспосабливаются, в худшем — сопротивляются любому, даже разумному и законному распоряжению.

Когда перед уходом на пенсию проходят врачебную комиссию сотрудники ИТУ, перечень обнаруженных у них болезней бесконечен. Да и задолго до пенсии, уже в первые годы каждодневного общения с отнюдь не лучшими нашими согражданами бесконечные стрессы уродуют у воспитателей психику, характер, а то и того хуже — взгляды на жизнь, понятия добра и зла. Если вы встретите начальника колонии или оперуполномоченного с мягкой улыбкой, спокойным взглядом и неторопливой походкой, знайте — немалым волевым напряжением эти люди держат себя в узде.

Словом, служба не сахар.

Каковы же ее «издержки»?

Прежде всего нас справедливо упрекают в том, что погоня за выполнением производственного плана оставляет в стороне заботу о воспитании правонарушителей. Простейший пример: если, скажем, в вечернее время назначены политзанятия, а в это время придут вагоны для отгрузки готовой продукции, дискутировать о приоритете этих двух мероприятий никто не будет. Начальник отряда мигом отложит конспекты и первым подставит плечо.

Какую службу ни возьми — кругом все не без греха, все виноваты. Политработники — в том, что политико-воспитательная работа все еще не избавлена от казенщины и формализма. Режимники — в том, что не снижается количество неповиновений, хулиганских проявлений, что поднимают головы злостные нарушители режима. Все вместе — что кадры ИТУ разъедаются язвами вседозволенности, произвола, бездушия, неверия в свое высокое предназначение. Если бы эти явления были единичны, чрезвычайны, невероятны, и то следовало бы о них говорить и выкорчевывать. Но они массовы, привычны, и тут уже повальным изгнанием по служебному несоответствию не обойтись. Мы и без того уже устали от кадровых перетрясок, реорганизаций, сокращений, надуманных новаций, окриков — словом, всего, что происходит тогда, когда борются со следствием, а не с причиной.

Исправительно-трудовые учреждения, существующие сегодня, несмотря на их принципиально новую структуру, цели и задачи, возникли не на пустом месте. Как это ни коробит слух, их прародителем был недоброй памяти ГУЛАГ.

Впрочем, как в те времена говорилось, дети за отцов не отвечают. Поэтому параллель между ежовскими лагерями и нынешними колониями неправомерна. Но почему же так часто слышатся — не с трибун, разумеется, но достаточно громко ностальгические нотки по прежним временам? Почему так живучи и так восторженно принимаются иногда даже в молодежной аудитории рассказы о бессловесно-покорных «зэках», о магическом ужасе, который наводил на них любой гражданин начальник, и даже о команде «Шаг вправо, шаг влево — считается побег»? Почему не гнев, а умиление вызывает родившееся в годы произвола изречение: «Закон — тайга, прокурор — медведь»? Почему даже сегодня так вымученно, скороговоркой с трибун служебных совещаний и партийных собраний произносятся правильные слова о демократизации, гласности, а большинство слушателей упрямо мотают головами: «Это не для нас!»

Что это — социальные гены, наследие проклятого прошлого или, если помягче, нездоровые традиции?

Уже скоро год пройдет, а не могу забыть опубликованное в «Огоньке» письмо старшего лейтенанта Берлизова, 1953 года рождения. Помните, как, злобствуя по поводу новаторства педагога М. П. Щетинина, Берлизов заодно проливает слезу по товарищу И. В. Сталину и клянет на чем свет стоит «бывшего товарища Хрущева»? Но меня тогда садануло по сердцу даже не это. А то, что этот развязный, безграмотный доносчик (не забыли его слова о компетентных органах?) — мой коллега. Что он «по нынешнему своему роду занятий имеет дело с педагогическим браком — лицами, совершившими преступления».

Этот нынешний род занятий старшего лейтенанта меня особенно беспокоит — вот кто запустит на все обороты механизм торможения перестройки ИТУ. Сделать ему это будет легче легкого — он просто продолжит свои занятия так, как это делал вчера, а до него ему подобные делали еще раньше. И более чем уверен, особые неприятности Берлизову в этом случае не грозят — у него педагогический брак наверняка ходит по струнке.

Я, кстати, давно задумывался над тем, что нередко в чести у начальства те сотрудники, которые имеют луженые глотки, пересыпают свою речь матерщиной и стараются нагнать на осужденных как можно больше страха: криком, раздачей взысканий, холодным блеском глаз, постоянным недоверием к каждому их шагу и слову. При всем этом они, как правило, вовсе не бесталанны, службу свою знают и то, что от них требуют, исполняют азартно. Более того, вне службы люди эти довольно компанейские, часто обаятельные и даже спокойные нравом. Выходит, суровость и хамство — как служебная необходимость, как табельное оружие? Что-то вроде катализатора страха у осужденных? Представьте себе, мы недалеко от истины. «Кто кого должен бояться: мы их или они нас?» — спросили меня однажды. Да, если бы мы ставили задачу только лишь содержать преступников в замкнутом пространстве зоны (а так и было в ГУЛАГе!), если бы нашей целью было превратить каждого из них в нерассуждающего робота — тогда без страха не обойтись. Но если мы должны видеть в нарушителе закона прежде всего отца, гражданина, воина — тогда силовая борьба с ним неуместна. Тогда нужен поединок идей, взглядов, нравственных идеалов... Борьба не против, а за человека!

Но и выбор оружия в такой борьбе должен быть иным. Не ежеминутное попирание достоинства осужденного — словом, взглядом, поступком. Не только воспитание — дрессировка такой методы не приемлет. Там, где «каждый сотрудник — воспитатель», не знают об этом?

Знают. Говорено-переговорено несчетно о гуманизме, человечности, справедливости, законе и законности.

В свое время, состоя, как у нас говорят, в должности заместителя начальника следственного изолятора по политико-воспитательной работе, я провел такой простенький эксперимент. На инструктаже дежурной смены контролеров привычными, обкатанными словами напомнил о необходимости строжайшего соблюдения законности. Сделал паузу и добавил:

— «Поэтому пусть все, кому поручено держать человека в тюрьме, относятся бережно к людям».

Удивлению слушателей не было границ. Пришлось защититься:

— Дзержинский. «Инструкция о производстве обысков и арестов».

Не сомневаюсь, что в 1918 году, когда было дано такое указание, чекисты воспринимали его как само собой разумеющееся.

А мы, недавно еще жившие в обществе развитого социализма?

Дежурный помощник начальника следственного изолятора капитан Т., заступая в ночную смену, любил мечтать: «Посажу я сегодня хоть две морды? Или не посажу?» Мечты у капитана Т. часто становились явью. По временному постановлению, до прихода утром начальника дежурный упекал в карцер и поболее. Все за то же: «Пререкался, дерзил, угрожал». А чтобы осознали и прониклись к нему, капитану, трепетом, отключал в карцерах паровое отопление. Когда за камчатскую метельную ночь люди достаточно окоченевали, Т. отопление включал и шел на утренний рапорт вполне довольный собой. Однажды, правда, Т. оплошал: то ли вентиль заело, то ли просто забыл его повернуть, но только когда утром я спросил у одного из узников его фамилию, тот только лязгал зубами.

Будем говорить о бережном отношении к людям?

Те, кто предпочитает, чтобы боялись их, а не они, стали сегодня осторожнее: закон только дуракам не писан. Умные его чтут и обходят. Или ищут лазейки между строк. Закон, к примеру, определяет, что осужденных можно содержать в карцере не более пятнадцати суток, подследственных — не более десяти, а несовершеннолетних — не более пяти. Но и те, и другие, и даже третьи, случается, не выходят из карцера и по месяцу! Нарушение закона? Ничего подобного... Пока кто-нибудь из строптивцев покорно отбывает свои положенные первые пять или пятнадцать суток, контролер по чьей-нибудь подсказке уже успевает написать на него два-три рапорта: «Спал в дневное время. Пререкался. Шумел». Следующие пять или пятнадцать суток ему обеспечены. Проверяй хоть десять прокуроров — не подкопаешься. Уж не специально ли оставлена в законе эта щель, в которую легко проползает узаконенная жестокость? Действительно, где оговорено, что нельзя одной и той же мерой — водворением в карцер — карать человека подряд? Для такого издевательства даже словечко придумано: «прессовать». И прессуют!

Будем говорить о человечности?

Конец рабочего дня. Октябрьская таежная стужа. Вернувшись с лесосеки, отогреваемся в балке. Сквозь завывание ветра и треск поленьев слышу голос капитана Х., секретаря парторганизации. «С людьми не работаете! — корит он начальников отрядов.— Не умеете работать с людьми! Окриком, матом, угрозой ничего не добьетесь — не те времена. Нужно иначе. Как? Научу. У тебя в кабинете еще не топили? Отлично! Надеваешь полушубок, унты, рукавицы. Ставишь для себя термос с горячим чаем. Кто у тебя не выполнил нормы выработки? Вызываешь голубчиков сюда, в свой кабинет. «Головные уборы — снять!» И тихонечко, спокойно беседуешь. О чем угодно: о плане, о трудовых обязательствах, о звездных войнах — дело десятое. Главное — они стоят и мерзнут! Им — холодно! Через час приходит другой, продолжает. Ты в это время ужинаешь, а они — стоят! И мерзнут! И все законно! В конце вопрос: будет завтра план или продолжим беседу? Да они полторы, две нормы дадут! Работать надо с людьми!»

Будем говорить о перестройке?

О дикой методе, которую двигал в массы партийный вожак, узнал начальник политотдела. «Чудит!» — была реакция. Секретарем парторганизации Х. вскоре перестал быть в связи с переездом на новое место службы — назначили начальником крупной ИТК. С досрочным присвоением очередного звания.

А ведь о том, что выдвиженец «чудит», и в политотделе, и в управлении знали. Первый раз такую ласковую характеристику заслужил он от начальства летом, когда самолично перестрелял всех собак на вахтовом участке. Пальбу он устроил днем, когда хозяева собак — осужденные валили лес. Отстрелявшись, капитан поспешно ретировался — мало ли что. На следующий день читаю сводку: график заготовки древесины сорван.

С этим стрелком был у меня крутой разговор. Он улыбался.

Месяц спустя, ночью, он пришел на подсобное хозяйство колонии и перебил собак там. Когда пришел черед кошек, Х. не стал мараться лично, а велел дневальному собрать их в мешок и утопить в реке.

Любопытно, если с ним повести разговор о милосердии, он поймет, о чем речь?

Нет, с такими, как он, я буду говорить предметнее: разве мало было случаев, когда такая вот вседозволенность для представителей администрации приводила к событиям непредсказуемым и трагичным? Разве так уж редки у нас ЧП — поджоги зданий, захват заложников, массовые беспорядки? Не пожелаю никому воочию увидеть тысячную толпу, вышедшую из повиновения, и то, как этого повиновения приходится добиваться. Но когда страсти утихали и начинался поиск причин происшедшего и виновников, всякий раз оказывалось одно и то же: искрой для пожара беспорядков были неправомерные действия администрации, точнее говоря — нарушения законности. Чаще всего эта искра неприметна, мгновенна. Это может быть и рыба с душком на обед, и окрик офицера, и обсчет в зарплате — словом, последняя капля. А в зоне, где постоянное напряжение, где между администрацией и осужденными пролегает полоса отчуждения, где в цехах и общежитиях прапорщики и офицеры только властвуют, управляют «паханы» и «углы»,— капли и достаточно.

Когда после каждого такого ЧП появляются строгие приказы с анализом происшедшего, когда с ранее безупречных офицеров разом слетают погоны и папахи, простодушно думаешь — ну, все, поняли, дошло, больше не повторится.

А рецепты морозить нерадивых лесорубов, а собачье побоище назло осужденным — это ли не высекание той самой искры, не выдавливание той самой капли? Это ли не нарушение социалистической законности?

Неужели ждать еще одной «волынки», чтобы уразуметь — нельзя поступать так, себе ведь дороже!

Но, как правило, жестокосердие отнюдь не мешает, а помогает продвигаться по службе в ИТУ.

И происходит все это в те самые месяцы, когда с высоких трибун еще и еще раз напоминают нам о доброжелательности к людям, о доверии к ним, требуют последовательного укрепления социалистической законности.

Так что же тогда происходит в ИТУ — перестройка или ее торможение?

За словом все еще не следует дело. Говорим и пишем одно, думаем другое, делаем третье. Служебный долг не позволяет мне цитировать приказы министра, документы Политического управления, но о главной их направленности сказать можно и нужно: исправление и перевоспитание осужденных ставится во главу угла, выполнение плана полностью подчиняется воспитательному процессу.

Нужно радоваться, а мне тревожно. Справедливое требование сегодня просто невыполнимо. Годами, десятилетиями слышим мы эти призывы к переоценке ценностей, а толку нет. Каждый руководитель ИТУ знает по опыту, что за осужденного, который после освобождения совершил новое преступление, его лишь ругнут на очередном совещании. А вот за сорванный государственный план головы не сносить. О чем меня, как замполита, спрашивает при встрече начальник политического отдела? Прежде всего о количестве заготовленной и вывезенной древесины, о выполнении норм выработки. О политзанятиях, правовой пропаганде, наглядной агитации — потом.

Я уже слышу возражения: но ведь овладение профессией, общественно полезный труд — разве не обязательные слагаемые исправления и перевоспитания? Непременно! Но только какой труд? Отнюдь не всякий. А лишь тот, овладев которым можно будет на долгожданной воле получить в своем родном городе или селе хорошо оплачиваемую работу и стать, наконец, кормильцем семьи. Я намеренно рассуждаю сейчас так приземленно, потому что ставлю себя на место своего подопечного. Только стоящая рабочая специальность с высоким разрядом сможет хоть как-то заставить подобреть кадровиков и бригадиров, не очень-то жалующих таких вот просителей. А не подобреют, откажут раз, другой, третий — опять отчаяние, опять дружки-утешители, опять вызовы в милицию, опять рецидив.

Так чаще всего и бывает, когда молодой человек все пять или десять лет (на сроки у нас не скупятся) валил в колонии лес, а свобода ждет его, скажем, в Прибалтике. Пригодятся там его навыки сучкоруба или вальщика? А если все годы затворничества деревенский в прошлом житель просидел за швейной машинкой — покажет ли он односельчанам свидетельство, в котором его именуют «швея-моторист»?

Боюсь, что в этих моих рассуждениях я не много найду единомышленников: осужденный обязан делать то, что ему велят. Но тогда найдем в себе мужество признать и то, что труд в этом случае становится только обязательным, только принудительным, только постылым и уж ни в коей мере не воспитующим.

Предвижу и другое: спрос за план, качество, рентабельность изготовляемой продукции скоро возрастет многократно. В 1988 году все ИТУ, имеющие собственное производство, должны перейти на хозрасчет. А это, понятно, прямая выгода каждому сотруднику, причем в реальном рубле. Не пользующаяся спросом или бракованная продукция этого рубля их тотчас же лишит. А брак в виде рецидива? Такого показателя нет. И если, скажем, колония усиленного режима, где содержатся впервые судимые, сможет насытить рынок добротными кухонными гарнитурами, она сполна получит все блага самофинансирования и самоокупаемости. И если при этом из ее ворот выйдут на волю несколько законченных головорезов, рублем за это не ударят. Поэтому, если уж мы действительно хотим добиться реальных перемен в воспитании и исправлении осужденных, пора и к этим понятиям подключать экономические рычаги. В ИТУ хорошо мне известной Камчатки эту мысль со все возрастающей уверенностью начинают подкреплять делами.

Продолжая разговор о приоритете воспитания, не могу отделаться и от чувства недоумения, которое вызывает Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1987 года «О внесении изменений и дополнений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик». Изменения эти, в частности, коснулись ст. 6 ч. 1 Основ, регулирующей направление осужденных в места отбывания наказания. Раньше впервые судимые отбывали это наказание, как правило, в пределах той союзной республики, на территории которой они проживали до ареста. Смысл этой нормы, ее гуманность очевидны: впервые преступившие закон еще не утратили родственные и социальные связи, места, где они отбывали наказания, были не столь отдаленные от их дома, от недавней работы. К некоторым счастливцам на свидания приходили не только родные, но, случалось, и однокашники по институту, училищу, знакомые по заводу.

А теперь, после Указа от 12 октября? Теперь их могут направить отбывать наказание в другую союзную республику, в места уже отдаленные. Комментируя эти изменения в журнале «Социалистическая законность» (№ 1, 1988 г.) доктор юридических наук, профессор И. Шмаров и кандидат юридических наук Ю. Соловьев пишут: «Но практика показала, что это правило (отбывание наказания рядом с домом.— **Г. Р.**) весьма ограничивало возможности администрации ИТУ оперативно и гибко решать задачу трудового воспитания осужденных, вовлечения их в производительный труд».

На деле это означает вот что: в Казахстане, например, осужденные слоняются без дела, а у нас, в Коми, лес валить некому. Но что значит «оперативно и гибко» перебросить этих по нашей вине безработных из степей Казахстана в таежные дебри Крайнего Севера? Я уже не буду говорить о трудностях адаптации людей к непривычным для них условиям — другой, более суровый климат, другой род занятий. Есть, как уже можно догадаться, проблема круче: многие тысячи километров отделяют теперь впервые судимых от их очагов, от их родных и близких. Прикиньте, в какую сумму обойдется поездка на свидание женам, матерям, детям? А уж о друзьях-товарищах и не говорю... Подчеркиваю: речь идет об осужденных, **впервые** преступивших закон, их душевные страдания тяжелее, чем у привыкших к таким разлукам рецидивистов. Сколько лишних мытарств, хлопот, проблем, расходов добавят эти «оперативность и гибкость» родственникам осужденных, сколько семейных уз будет нарушено, а сколько разрушено полностью!

Пример с Казахстаном и Коми я привел не случайно. В феврале мне пришлось сопровождать группу осужденных из ИТУ Алма-Атинской области к нам, на Север — долго мои коллеги из колоний усиленного режима костерили меня за те хлопоты, которые я им доставил. Отчаяние переселенцев толкало их на открытое неповиновение, отказы от работы. «Зачем? За что?» — эти вопросы, рвавшиеся из десяток глоток, до сих пор стоят у меня в ушах. Между тем И. Шмаров и Ю. Соловьев этих вопросов не слышат и нововведениям рукоплещут: «Это позволяет более успешно влиять на их (осужденных.— **Г. Р.**) исправление и перевоспитание, приобщение к общественно полезному труду». Полноте, товарищи ученые, о воспитании ли тут вести речь? Совершенно очевидно, что эта миграция осужденных вызвана только производственной необходимостью и ничем другим! И разве не горько, что эта вечная необходимость снова отодвинула в сторону примат воспитания уже не на ведомственном, а на законодательном уровне!

Разговор наш, постепенно выходя за стены ИТУ, толкает рассмотреть проблему более объемно — места лишения свободы существуют не сами по себе, они лишь одно из звеньев многоступенчатой системы правоохранительных органов и не все свои болезни нажили сами.

Не раз доводилось слышать упреки в том, что большинство арестованных после пребывания в следственных изоляторах становятся озлобленными, надломленными душевно, а то и физически. Это правда. Когда я возвращался из отпусков, многие встречи в камерах со старыми знакомыми поражали. Фамилия та, а лицо, походка, глаза, речь другие. Особенно «малолетки». Особенно девочки. Такую белизну лиц, такую синеву под глазами, такую безысходность тоски я не видел больше нигде. Только в камере. И это при том, что камчатский следственный изолятор — приятное исключение среди подобных учреждений. Никаких нар, параш, рукомойников. Кровати с матрасами, простынями, подушками. На пищу — ни одной жалобы. Хорошо сидим?

А им, в камерах, невмоготу. От несвободы, от свар и потасовок с сокамерниками, от неизвестности, от тех вольностей администрации, о которых уже мы знаем. Душевные страдания тех, кто впервые в жизни проснулся под зарешеченным окном, не становятся легче от того, что они спали на койках, а не на нарах. К этому не привыкают — чем дальше, тем тяжелее. Недели, месяцы, а то и год с лишком ожиданий. Сначала ждут следователя — а его нет. Ждут предъявления обвинения — а его не предъявляют. Ждут заседания суда — а его не назначают.

Но и приговор — еще не конец ожиданиям. Немыслимо долго рассматриваются кассационные жалобы — сколько километров отмеряет иной по камере, пока его приговор вступит в законную силу! А если суд вернет дело на

дследование? Если вскроются новые обстоятельства? Тогда тот, чья вина еще не установлена и не доказана судом, кто по закону считается и невиновным вовсе, все равно заперт в камере, равно как и тот, кого к этой каре приговорил суд.

Так что же, спросите вы, я призываю проводить следствие (допросы, очные ставки, экспертизы) по ускоренной программе? Судить впопыхах? Рассматривать кассации не глядя? Упаси бог — такое и без меня случается. Нет, пусть и предварительное, и судебное следствие длится до тех пор, пока не восторжествует истина. Я о другом — почему при возбуждении уголовного дела почти всегда избирается крайняя мера пресечения — содержание под стражей? Почему я по пальцам могу пересчитать случаи, когда бы следователи эту меру изменяли? Что за надобность запирать на засов пятнадцатилетнего пацана, избившего соперника? Пилота вертолета, совершившего аварию? Офицера-подводника, трагедия которого в преступной неосторожности?

Неужели, останься они до суда в привычной домашней обстановке с подпиской о невыезде или под денежный залог, до которого наши законники еще не додумались, следствие непременно зайдет в тупик и виновный избежит наказания?

Давайте не забывать: тюремная камера — всегда ужас, всегда кошмар, всегда незаживающий рубец на сердце. Пусть не забудут об этом те, кто сейчас готовит правовую реформу,— от сегодняшних следователей и прокуроров я такого понимания уже не жду. Ведь не сегодня и не вчера родилось убеждение, будто любое преступление раскрыть легче, если подозреваемого в нем упрятать за решетку: покладистее будет. И для следователя, и для принявшего от него эстафету судьи дело не дело, если по нему не дать срок. Для нас было сущее наказание, когда милиция начинала скопом отлавливать нарушителей паспортного режима, а судьи назначали каждому по шесть месяцев лишения свободы. Глядя, как стремительно в такие периоды заполнялись камеры, можно было подумать, что в Петропавловске-Камчатском вспыхнул бунт или случилась высадка пиратов.

Как мы не бережем наших сограждан от тюрем!

Не от этого ли рвения к повальной изоляции от общества большинства правонарушителей общая цифра осужденных в стране настолько велика, что ее до сих пор не отваживаются произнести вслух?

Министерство юстиции СССР в 1987 году опубликовало некоторые данные о состоянии преступности в стране — и сотрясения основ не произошло. Не пора ли МВД СССР предать гласности свою статистику хотя бы по двум позициям: сколько в местах отбывания наказания содержится впервые судимых, а сколько — рецидивистов?

Знание это необходимо не только социологам и работникам правоохранительных органов — перестройка экономики страны невозможна без учета стольких-то тысяч трудоспособных людей, изолированных от общества. Кто они по возрасту? По профессиям? Долго ли народному хозяйству страны дожидаться вполне квалифицированного резерва рабочей силы?

Академик П. Л. Капица, определяя уровень социального прогресса общества, желал знать количество людей, сидящих в тюрьмах. Он справедливо полагал, что чем меньше это количество, тем крепче нравственное здоровье народа.

Соглашаясь с этим, добавим: исцелять пороки совершивших преступления граждан исправительно-трудовые учреждения не смогут, если не разомкнут порочный круг, в который осужденные угодили.

Но сначала ИТУ должны избавиться от тех болезней, которыми страдают сами,— и наследственных, и приобретенных.

Не бойтесь таланты

РАМПА

Больцано, Горовиц, Бологое — человеку, не знакомому с миром музыки, трудно соединить эти три понятия вместе. Человеку, с миром музыки знакомому, сделать это еще трудней.

Тверской городок, прильнувший к огромному вокзалу, роднит с чарующими звуками разве что легкомысленная песенка про «где-то между Ленинградом и Москвой». Большое искусство останавливается здесь на десять минут. Нет, на двадцать — проезжая туда и обратно. Все правильно: есть большое искусство и есть малые города.

Валерий Кулешов, до недавнего времени преподаватель детской школы искусств в Бологом, на последнем Международном конкурсе пианистов в Больцано получил золотую медаль. «Новый Горовиц» назвали Валерия итальянские газеты: он на слух расшифровал старые, забытые фонограммы Горовица — дабы в своих транскрипциях пойти дальше. Вскоре пришло письмо от самого Горовица, прослушавшего конкурсную запись. Великий маэстро благосклонно оценивал игру и благодарил за внимание к своему творчеству.

Такая вот история.

До нее были: с шести лет — жизнь по интернатам и общежитиям, Центральная музыкальная школа, неудачная попытка поступить в Московскую консерваторию, не очень прилежная заочная учеба в консерваториях Свердловска и Горького, случайное направление на всесоюзный отбор, первое место, путевка в Италию.

После: запись на «Мелодии» (пластинка в Италии уже вышла), поступление на работу в Калининскую филармонию, концерты в Москве, Ленинграде, Свердловске, Саратове, подготовка к выступлениям с оркестром Дмитрия Китаенко — снова в Италии.

Мы встретились в квартире пианиста Николая Петрова — в Москве Валерию жить негде, Петров же приютил и стал его педагогом. Итак, старая московская гостиная в самом центре. Очень щуплый парень, похожий на старшеклассника, охотнее всего говорит о хард-роке и скупо — о классике. Разговор так часто перескакивает с давних записей Горовица на давние альбомы «Диппёпл», что хочется внести, наконец, ясность:

— Кто все-таки, по-твоему, больше значит: Горовиц в своем деле или Ричи Блэкмор — в своем?

Пауза.

— Наверное, все-таки Горовиц в своем больше... Чуть-чуть.

О новых интерпретациях классики, о мастерстве исполнителя Валерий говорил то, что, наверное, говорят все: конечно, техника плюс способность внести «что-то свое». Сколько было этих рассказов про «что-то свое», вот только никто не объяснил — что именно.

О музыке обычно пишут плохо. «Скерцозные ритмы, перебиваемые аккордами всего оркестра»— пародийная фраза, сконструированная Юрием Нагибиным, передает содержание предисловий к пластинкам и вкладышей к концертным программам. Скерцозные ритмы — они чужие, приносят же в музыку свое: опыт, чувства, вкус — так ведь? И откуда что берется и как потом переплавляется в музыку, наверное, можно если не понимать, то хоть догадываться. Вот и догадывайся.

...Валерий еще сыграл финал Венгерской рапсодии Листа, прямодушно объяснив:

— Здесь слышится явный «хард».

Я шел до метро «Кропоткинская» и все пытался — «пам-пам-пам»— припомнить, что же там «хардового». Кто другой сказал — не поверил бы, а тут поди ж ты. «Хард» и слышится и не слышится.

Недели через две уговорил коллег из телепрограммы «Взгляд» съездить в Бологое на выходные.

Все оказалось на одной улице Кирова: детская школа искусств, дом, где живет Валерина мама, гостиница, Дом культуры. Все типовое, только школа искусств в старом особняке красного кирпича. Был купеческий дом с лавкой, потом много чего в нем было, а до школы — домовая кухня.

Портретики композиторов, правила поведения учащихся, выставка рисунков.

Длинную историю дома рассказывал Борис Иродионович Маркоишвили, директор школы, «коренной бологовец», как сам себя называет, даром, что фамилия нездешняя. Не Маркоишвили — не поехал бы Валерий никуда: консерватория ему характеристику не дала, кто он для консерватории — хвостист по общественным дисциплинам? А Борис Иродионович поручился за политическую грамотность Валерия при исполнении «Крейслерианы» Шумана в г.Больцано, область Трентино-Альто-Адидже. Потому что Борис Иродионович Маркоишвили Валерию Кулешову цену знал. Правда, за три дня до отлета Управление внешних сношений Министерства культуры СССР сообщило: поездка отменяется — в характеристике не было рекомендации обкома партии, а выезд предстоял в капстрану.

Только хватит об этом. Все позади, и впереди тоже все, и новая итальянская амуниция Валерия резко контрастирует с крашеными охрой стенами.

Мы ходили по городу, хоть сейчас готовому к съемкам нового фильма про Ивана Лапшина (это — бывший Торгсин, показывал на строение-комод Борис Иродионович). Занесенный снегом штакетник изгородей, поблекший дом какого-то бывшего уездного присутствия, у колонки пьют стылую воду голуби. Вот эти картины — какие еще?— должны были питать фантазию. Ищешь ответы на возникшие при первой встрече вопросы, представляешь: вот пройдешь по этой улице до опустевшей после занятий детской школы искусств, сядешь за фортепиано Вышневолоцкой фабрики музыкальных инструментов и — сумей «возродить и воссоздать мир великих виртуозов прошлого» (это уже наша пресса о Валерии Кулешове).

Покуда гуляли, Валерий рассказывал о конкурсном исполнении «Крейслерианы»: знаешь, я чувствовал, что подготовил удачно, и как только доиграл, тут же в зале — браво!— хоть и конкурс...

— Но ведь вполне оценить это твое исполнение может лишь тот, кто прежде слышал трактовок пять других?

— Да, конечно.

— И сколько наберется таких ценителей?

Смеется: немного...

— А вообще для тебя важно, чтобы публика осталась довольна?

Он даже заволновался:

— Да это — самое главное, иначе чего огород городить!..

Технология работы над интерпретацией обычно такова: записать исполнение на магнитофон «Нота-203», потом пойти отдохнуть на крылечке школы, возвратившись, прослушать, сыграть новый вариант и так далее. Теперь у Валерия другой магнитофон.

По просьбе добросовестного телеоператора в скверике включили колесо обозрения — чтобы снять Бологое сверху: очень вытянутый городок и снежная целина озера.

Потом Борис Иродионович репетировал в школе с хором. Девочки расселись, сложили руки на коленях. Кинокамера их заворожила, распевались невнимательно. «Солнышко проснется, мама улыбнется, новый день на-ачнется-а...» Валерий аккомпанировал, сосредоточенно глядя на свое отражение в откинутой крышке рояля. Официально его должность в школе называлась «концертмейстер» и оценивалась в девяносто рублей. Играл еще на танцах в Доме культуры — на электрооргане, или на бас-гитаре или на ударных. Три рубля за вечер. Репертуар разный: «Феличита», «Ой, напрасно, тетя» и, конечно, «Бологое».

По дороге в ДК зашли к Валерию домой — посмотреть на награду. Золотая медаль Бузони исполнена с небрежной элегантностью: шероховатая тяжелая пластина с кинжально прочерченным рисунком. В соседнем доме — магазин «Культтовары». Возникла идея: снять для сюжета какую-нибудь расширенную распродажу клавишных. Магазин оказался закрытым, только объявление висело: «Батареек нет».

Под свистки маневровых паровозов думалось, конечно, о неоскудении того, что величественно именуется генофондом нации. И о случайностях, нелепо именуемых закономерными.

Поле поиска своих Платонов и быстрых разумом Невтонов сузилось до границ Московской кольцевой автодороги. Утешения по поводу того, как люди добрые все ж таки паренька приметили — они для шахты угольной, к тому же довоенной. Хорошо, что принимают активное участие в кулешовской судьбе Николай Петров и Дмитрий Башкиров, честь и хвала. Но они музыканты. А где Соловцовы и Мамонтовы наших дней? Начисто утратив институт предприимчивых антрепренеров, мы и государственной системы выдвижения талантов не создали. Открывать дарования — это прибыльное дело, кроме всего прочего!

Леонид ПАРФЕНОВ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

находить

ВАЛЕРИЙ КУЛЕШОВ,
ДО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
ДЕТСКОЙ ШКОЛЫ ИСКУССТВ
В БОЛОГОМ,
НА ПОСЛЕДНЕМ
МЕЖДУНАРОДНОМ КОНКУРСЕ
ПИАНИСТОВ В БОЛЬЦАНО
ПОЛУЧИЛ ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ.
«НОВЫЙ ГОРОВИЦ» —
НАЗВАЛИ ВАЛЕРИЯ
ИТАЛЬЯНСКИЕ ГАЗЕТЫ.

С ПОЛЮСА-
ПОД

ГОРКУ

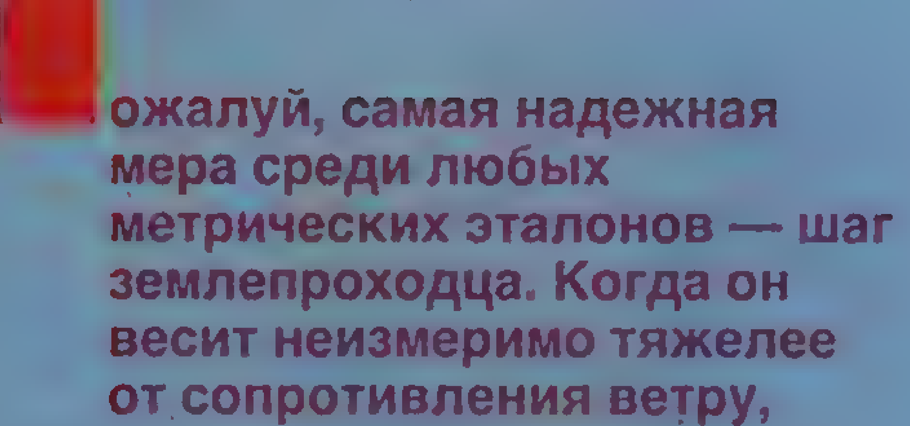

НА СНИМКАХ: митинг на полюсе, люди, уходящие в снежный туман, сигнальные факелы для самолета...

НА САНКАХ, ПОНЯТНО, НЕ СЪЕДЕШЬ С МАКУШКИ ГЛОБУСА. УКЛОН НЕВИДИМ ДАЖЕ, ДА И ПРЕПЯТСТВИЙ МНОГО — ТОРОСЫ, СУГРОБЫ, РАЗВОДЬЯ. И ПОСЛЕ МИТИНГА НА ОСИ ПЛАНЕТЫ — СНОВА В ПУТЬ. СНОВА ОТМЕРИВАТЬ ШАГАМИ РАССТОЯНИЕ — ТЕПЕРЬ ОТ ВЕРШИНЫ ЗЕМЛИ ДО КАНАДЫ, ДО МЫСА КОЛУМБИЯ.

Фото Владимира ЧИСТЯКОВА

Пожалуй, самая надежная мера среди любых метрических эталонов — шаг землепроходца. Когда он весит неизмеримо тяжелее от сопротивления ветру,

снежным зарядам, слепящему солнцу, морозу. Когда тяжесть его усугубляется преодолением самого себя. И к тому же в местах, где нога человека наверняка не ступала и вряд ли пересечется маршрут с бывшим тут дотоле маршрутом.
И так — шаг за шагом, шаг в шаг. И тает постепенно недолговечная колея лыжни в Белом безмолвии. Впрочем, так ли уж оно молчаливо и бесцветно? Рев бурана, выстрелы льда, рождающие трещины, громкое дыхание товарищей, тихий шорох звезд и мелодии северного сияния. А цвет?
Все оттенки синевы и соседних холодных тонов. Трансарктическая лыжная экспедиция «СССР — Канада» продолжается.

РАССКАЗ

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО

Владимир КРУПИН

Ни разу в жизни я не вставал на коньки, но лыжи — душа моя. В местах, откуда я родом, младенцы из родильного дома убегают сами. На лыжах.

Среди нас, мальчишек, жила легенда о необыкновенном лыжнике. Он был из нашего села и бегал на лыжах с такой скоростью, что деревянная лопата, привязанная к ремню, поднималась и летела вслед, не касаясь снега. Мы точно знали, где он сейчас: его выкрали специальные шпионы, увезли в Америку, загипнотизировали, во сне научили своему языку, и сейчас он выступает за команду Америки. Вот если бы увидеть его, он бы сразу понял обман и вернулся бы из-за железного занавеса. Но только надо, чтоб увидели его именно мы, кто бы еще сказал ему названия: Красная гора, Малахова гора, Волчьи лога, как раз те, где пролетал он над сверкающим снегом, и те, где бегали мы.

Привычка к лыжам была иногда из необходимости. Инвалид войны Кашин сделал себе для зимы коляску на полозьях и толкался палками. Мы бегали за ним, но недолго, он выпил, стал звать нас на штурм рейхстага и поехал к райисполкому. Что он там кричал, не помню, нас расхватали матери. «Не лезь!» — сказала мне мама, закрепляя запрет подзатыльником. Вскоре инвалид Кашин куда-то исчез. А в нашу, мальчишескую, компанию пристала девчонка, дочь Кашина, Галька. Мы спрашивали ее об отце, она храбрилась и говорила словами матери, что язык довел и ордена не спасли.

Зимой физкультура в школе не преподавалась. Было трудно учить нас ходить двухшажным, одношажным, попеременным или перекидным способом, все знали их наизусть, а в основном изобретали свои. Я, например, бегал странным, полусобачьим способом: пока левой рукой отталкивался один раз, правая успевала обернуть палку и отпихнуться два раза. Зимой наш «физкультурник» Николай Павлович (прозвище его было Колька Палкин) ставил всем пятерки. Учеников, не выполняющих нормативы хотя бы третьего юношеского разряда, за людей не считали. В каждом классе пять-шесть человек ходили по второму, два-три по первому и даже были бегавшие «пятерку» и «десятку» по норме мастеров. Но это было известно только нам, ведь, чтобы официально стать мастером спорта, нужно участвовать, как минимум, в республиканских соревнованиях. А наше село было так далеко даже от областного города, что и до него-то нам было не добраться. Даже на лыжах.

Но уж зато соревнования по лыжному спорту в школе были непрерывные, не только в воскресенья, но и в будни: внутри класса, по параллелям, по годам, между школами своего района, соревнования военкомата — приписные подростки, допризывники, призывники. Соревнования на значки БГТО и ГТО, соревнования на значки БГСО и ГСО в зимних условиях, и любое из этих соревнований было радостью. Все село приходило к школе. Наверное, я тогда весь голос выкричал, болел за своих. Мы бежали навстречу лыжникам по целине: ступить на лыжню считалось святотатством. После соревнований награждали почетными грамотами. Грамоты выделял райвоенкомат. На них вверху были профили Ленина и Сталина и слова: «За нашу Советскую Родину».

Раз в жизни и меня выдвинули на общешкольные соревнования.

Это было в конце февраля. Причем выдвинули не в запасные, не заткнули мной дыру, нет, я был в основном списке. На три километра.

— Только со старта уйди по-людски и перед финишем, понял? — сказал Колька Палкин.— А то с твоей иноходью все со смеху передохнут.

Выдал мне лыжи с ботинками.

Оставшуюся неделю я тренировался, засекал сам себе время по отцовским карманным часам.

Прошел последний день зимы. Отметелило. Наступил март. Ожидание шестого числа было томительным. Как раз на шестое были назначены соревнования школы, а девятого — районные. Вся наша большая семья жила в напряжении. Лучшие куски мама подкладывала мне.

В газетах с четвертого марта начали печатать сообщения о болезни Сталина. Передавали по нескольку раз в день по радио. В конце сообщения перечисляли лечащих врачей, список замыкал доцент Иванов-Незнамов. Никто и мысли не допускал, что Сталин умрет. Я только одного боялся — что соревнования отменят. Утром шестого марта я встал вместе с мамой, еще было темно и горела керосиновая лампа. Я натирал лыжи, мама ушла доить корову. Вдруг она вернулась, не закрыла за собой дверь и сказала:

— Умер.

Все проснулись и не знали, что делать. Включили радио — черную картонную тарелку. По радио шла траурная музыка и все время передавали медицинское заключение о кровоизлиянии в мозг и параличе правой стороны. Пришла соседка, сказала, что Сталина отравили врачи. Мама и она тихо говорили, что теперь будет, особенно думали, кто заступит на его место.

Я надел лыжные ботинки и пошел в школу. Соревнований, конечно, не было, хотя старт и финиш были обозначены и лыжня накануне провешена еловыми ветками. Очень жалко было сдавать лыжи с ботинками, ведь их давали только на соревнования, а так бегали в валенках, с веревочными креплениями. Я пришел к старту, воображая, будто слышу команду:— Пошел! — посмотрел на часы отца, запомнил время и побежал. Вначале я думал просто сделать километровку и вернуться, но когда проскочил поворот, скорость все росла, дыхание было ровным, то с радостью понял, что бегу сам для себя в полную ликующую силу. День, бывший с утра пасмурным, разгулялся, снега сверкали. Большая ветка стояла на повороте на три километра, я проскочил ее и пошел на пять. И поворот на пять прошел. Лыжня обозначилась похуже, мало ходили на десять, только призывники. Я стал уставать, но не сдавался, гнал себя. Тем более я боялся Кольку Палкина: вдруг он хватится меня, а я бегаю, изнашиваю казенные крепления, да еще в такой день.

Что я знал о Сталине? Он — вождь всех времен и народов. О нем мы учили стихи: Сталин не спит в Кремле, думает о нас, утром он закуривает свою трубку и выпускает колечко дыма. Это колечко видит летчик и думает о Сталине, проплывает колечко над пастухом, тот тоже понимает, что Сталин закурил и начал рабочий день. Мы пели много песен: «Артиллеристы, Сталин дал приказ...», «О Сталине мудром, родном и любимом, прекрасные песни слагает народ», «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем»... На вечерах строили гимнастические пирамиды, самый верхний кричал: «Товарищу Сталину...» — а мы, стоящие на плечах и спинах друг у друга, трижды кричали: «Ура!..»

Было и неприятное воспоминание. Совсем из детства. В сорок девятом году в декабре Сталину праздновали семьдесят лет. Портреты его обычно печатались в каждой газете и почти каждый день, а тут стали выходить форматом в целые газетные полосы. Учитель сказал нам, чтобы мы выпустили к юбилею вождя стенгазету. Портрет ни у кого не получился, и мы вырезали готовый. Но я решил его украсить — обвел красной рамкой, щеки подрумянил, усы зачернил и приступил к волосам. Тут меня и застиг учитель. Оставил после уроков и долго стращал тюрьмой.

«Ты бы еще очки нарисовал,— говорил он,— на, рисуй.— Он протягивал карандаш.— Рисуй, и пойдем отдадим кому следует». Когда я, наконец, понял, что я — преступник, учитель велел сжечь портрет при нем. «Возьми спички. Зажги сам. Подойди к печке». Портрет быстро сгорел. «Разбей пепел. Иди домой и никому никогда не рассказывай».

...На одном из подъемов прихватило дыхание и сжало в боку. Но потом пошел спуск, я катился и глубоко вдыхал, задерживая выдох, потом резко сгибался. Не выдержал и посмотрел на часы и не поверил: пробежал больше половины, а время будто не шло. Тут уж я прыналег. Я и забыл, что никто не ждет на финише, некому засечь время, но бежал как одержимый. Прежнее чувство тревоги также подгоняло. Озираясь на окна школы, я проскочил финиш.

Нет, ничего в школе не случилось. Только я не осмелился сказать, что бежал на «десятку» и пробежал быстро. Почему-то казалось, что это нехорошо — умер вождь, а я ставлю рекорды.

Сдал лыжи и ботинки Кольке Палкину. Он был не один в спортзале. Лаборант учителя физики, другой Николай, был с ним и торопливо спрятал что-то звякнувшее. Палкин ничего не сказал, хотя видел, что вид у меня загнанный.

Занятий в тот день не было.

Через три дня, девятого, были похороны. Накануне в школе вязали еловые гирлянды. Мы без конца гоняли в лес за лапником. Шел крупный снег, и было полное ощущение запахов Нового года. Если бы только еловые гирлянды не перевивали черными лентами. Гирляндами обвешивали спортзал. Утром было два урока. На литературе учительница вызвала меня, задания я не знал. Я сослался на вчерашнюю занятость трауром и сказал, что мы думали, что урока не будет. «Как не стыдно,— сказала она.— В такой день!.. Ты вообще хоть что-нибудь зна-

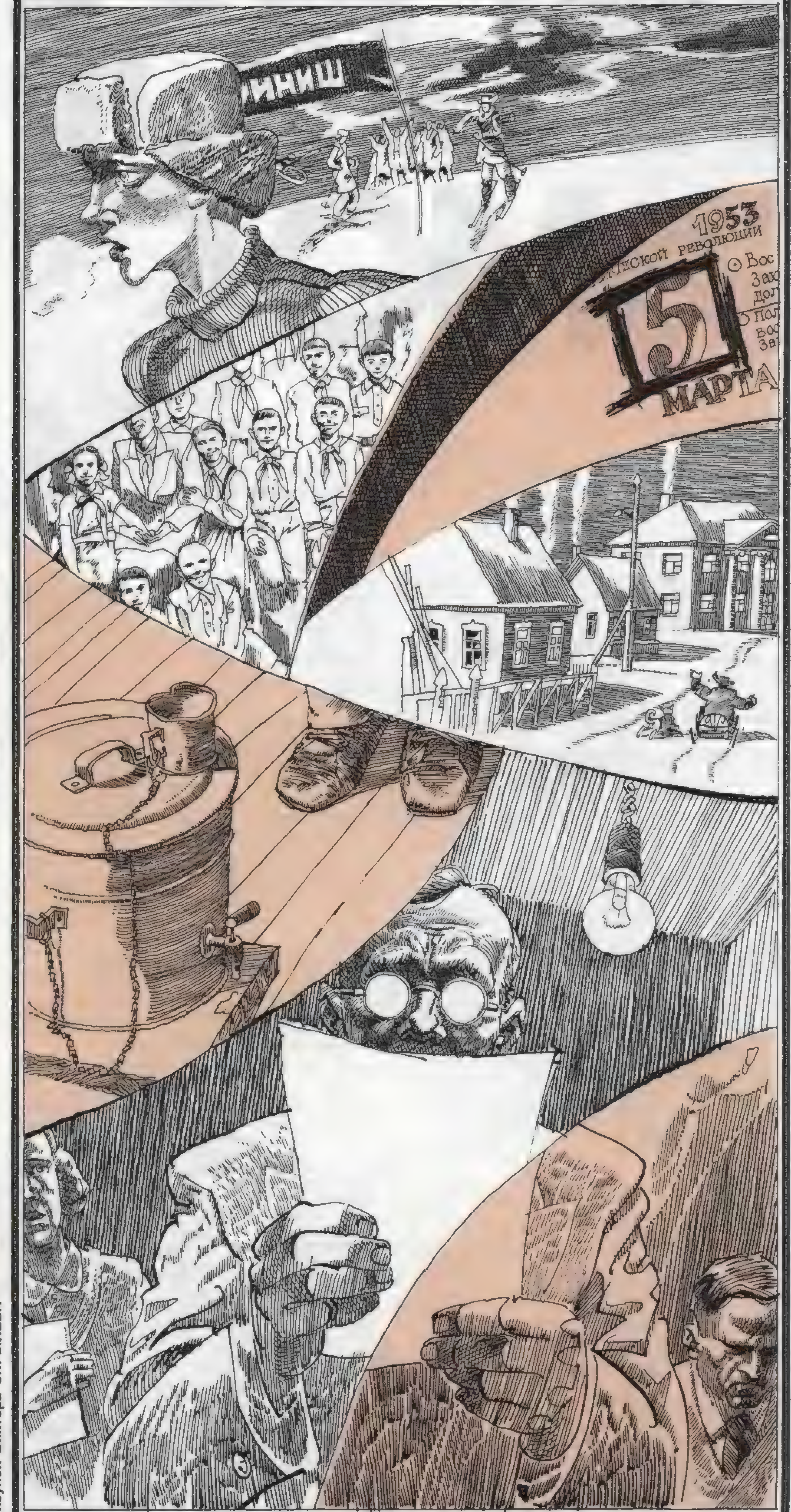

Рисунок Виктора СКРЫЛЕВА

ешь?» — «Знаю».— «Что?» — «Стихотворение — «Трубка Сталина». Читать?» — «Не надо. А еще?» — «А еще стихи Суркова «Сталин — наша слава боевая». Нет, эти стихи тоже не подходили к пятому марта. Я подумал и объявил: «Шведов. «Лети в Москву, соловушка, на зори незакатные, привет от нас, колхозников, снеси в столицу Сталину». Учительница снова оборвала меня, повторила: «В такой день!» — и поставила четверку.

Без десяти двенадцать по классам побежали и велели всем на общее построение. Я задержался, так как просил учительницу поставить оценку в дневник — кто бы мне поверил, что я получил по литературе четверку. Помчался в спортзал, как раз Колька Палкин и Коля-лаборант втаскивали туда пожарную сирену. Я стал помогать. Приближался директор с черной повязкой, с ним заведующий роно. По радио шла трансляция с Красной площади. У нас время было раньше московского на час. Все замерли, слушая. И стояли неподвижно. Прошли все речи, гроб с телом установили в Мавзолее и наступил как раз полдень по московскому времени. На пять минут включились все гудки фабрик и заводов, так же, как в день похорон Ленина. А я как стоял около сирены, так и стоял, и вот, ровно в час, сирену включили. И она выла пять минут.

Я оглох.

Оглох я сильно. Потом постепенно стал слышать, но как-то заторможенно. Как-то запоздало я услышал, что в Москве при похоронах были большие жертвы, люди давили друг друга, все хотели увидеть Сталина в гробу. Так же заторможенно воспринял я летом известие об аресте Берии. Мы шли с лугов через поле высокой ржи, и нам попался навстречу знакомый и рассказал. Мы пошли дальше, особенно веря в то, что Берия — английский шпион. Около школы, где летом был пионерский лагерь, валялись портреты Берии и уже бегала беспризорная Жучка, откликаясь на кличку Берия. И уже пели частушку: «Что наделал Берия, вышел из доверия. А товарищ Маленков надавал ему пинков».

Прошла амнистия, была всеобщая радость, так как сидело много родных и знакомых. Но вернулось в село только несколько человек, а в окрестностях появились выпущенные уголовники. Инвалид Кашин не вернулся.

И еще три года прошло. Я уже вступил в комсомол. Уже вовсю влюблялся, писал стихи, но стеснялся отдавать. Однажды я выступил на общешкольном собрании и подверг суровой критике комитет ВЛКСМ. «Когда же мы будем говорить о деле, о нашей школе, наших делах, видимо, никогда? Все слышали отчетный доклад? Вряд ли. Половина притворялась, что слушает. Да и половина ли? Не больше ли? Многие ученики окончили тракторный и комбайновый кружки, работали самостоятельно, почему молчим об этом, неужели вся наша работа только в том, чтобы собирать подписи за мир, это могут и пионеры, наше дело — именно эта борьба.

По-латыни говорят: «Хочешь мира — готовься к войне». Почему нам не доверяют взрослые винтовки и автоматы, вот что должно нас волновать, а мы далеки от этих вопросов. Почему? Да потому, что сплошные трафареты — Сталин, партия, партия, Сталин, это мы и в газете прочтем, надо брать быка за рога...»

Взять быка за рога мне не дали. Выступил директор школы, сказавший, что я допустил аполитичную ошибку. Незнакомое слово увеличило мою гордость. Директор предложил комитету ВЛКСМ взять меня под свой контроль. А он лично и коллектив педсовета подумают, что со мной делать.

На уроки меня на следующий день не пустили. Вместо них я ходил стоять в кабинет директора, утыкался в корешки многотомников. «И до чего ты додумался? — спрашивал директор. Я отмалчивался.— Ну постой».

На четвертый день я пришел к директорскому кабинету как на работу — закрыто. Прождал час, директора нет, пошел проситься на урок — нет разрешения. Остаток дня я болтался по коридорам, гремел цепью у питьевого бачка, помогал уборщицам топить печи и чистить ламповые стекла для второй смены. Последним уроком была история, я любил ее и стоял под дверью, слушая. Учительница Маргарита Михайловна, когда рассказывала, то входила в такой раж, что ломала указки, особенно говоря о войнах. Так как вся история состояла из войн, то указок требовалось много. Особенно много указок переломала Маргарита, говоря про десять сталинских ударов, благодаря которым мы выиграли последнюю войну.

Я спрашивал Гальку, в каком из сталинских ударов отец потерял ноги, но она не знала. «Напиши, спроси». «Ты соображаешь? Куда я напишу?»

Так как я болтался без дела, ожидая наказания за аполитичность, меня прибрал к рукам Коля-лаборант. Приближались районные соревнования. Впервые они радиофицировались. Я помогал Коле тянуть

провода, лазил на столб и нарочно долго сидел наверху. Зависть ко мне была общешкольная.

Колька Палкин в команду лыжников меня не записал, остерегся, но мне было даже лучше: Коля-лаборант окончательно взял меня в помощники. Аппаратура стояла в физкабинете. Перед окнами были старт и финиш. Бессмертную «Рио-Риту» включал я, когда мне в окно кричали, что финиширует кто-то из нашей школы, объявлял результаты. Наши побеждали. Я был в восторге и начинал допускать такие вольности, например: «Горячо поздравим наших товарищей!» Или: «Легенда о летающем лыжнике обретает реальность!» Или: «Мы ожидаем красных маек над снегами, как Ассоль ждала красных парусов!» Я был начитанным юношей. Мою самодеятельность не прерывали, я видел в окно, что директор доволен — наши побеждали. Они были в красных футболках поверх курток. Оставался финиш «десяток». Напряжение росло. Мальчишки лезли на деревья, бежали навстречу. Я держал адаптер над крутящейся «Рио-Ритой». Вдруг в окно закричали, что идет зеленый, еще зеленый, а нашего не видно. Отчаяние было такое, что я неожиданно для себя переключил технику на микрофон и закричал то, что первым выскочило:

— Господа! Седлайте коней: в Париже революция!

Эти царские слова, сохраненные историей, я недавно прочел в книге.

Примчался в физкабинет директор. Опережая его, влетел Колька Палкин, вырвал с корнем микрофон и протянул его директору. Я думал, со мной расправятся тут же. Директор схватил меня за шиворот и ткнул лицом в аппаратуру:

— Читай!

Я и сам знал, что там написано: «Осторожно, враг подслушивает». Мне приказали завтра явиться на общее построение.

Общее построение было делом исключительным. Сумку не взял, так как был уверен, что прямо с построения меня заберут в тюрьму. Больше чем угодно было тогда рассказов, как забирали за пустяк, за анекдот, а тут аполитичное выступление на собрании и еще такая антисоветская выходка в воскресенье. В том, что меня накажут, я не сомневался. Но как? Перед всеми я выдержу. А если поведут в милицию и будут бить, как врага народа? Это было страшно. Я решил тогда броситься на того, кто будет бить, чтоб меня сразу убили. Во всех кинофильмах о наших разведчиках, попадающих в безвыходное положение, они так и поступали: не желая выдать тайны, кидались на врага, вызывая смерть. Тайны у меня не было, но положение было безвыходным. А если узнают, что мы собираемся у костра на берегу Волчьего лога, что я пишу стихи и читал их друзьям? Друзья любили меня, но сейчас это казалось сходкой, подпольным собранием. Я не имел права выдать друзей.

Школа стояла в каре, я вошел в него и остановился, глядя в землю. Палкин скомандовал смирно, доложил директору. Надо было поднять глаза — я не мог. Что говорил директор, я не различал. Легко представить, что он мог говорить. Многие выскочили на построение без телогреек и зябли, и я чувствовал, что они злятся на меня. Звякнул, но не затрезвонил звонок. Я поднял глаза — на крыльцо вышла уборщица и стояла с поднятым звонком. Подскочил Колька Палкин, снял с меня шапку и сунул в руки. Я стал теребить серое полусукно. Уловил я еще и то, что обвиняюсь не только в аполитичности, но и в моральном разложении. Оказывается, кто-то выдал, что я писал стихи о любви. А разве это допустимо в школе? — кричал директор. Еще раз скомандовали смирно, хотя команды вольно не давали, и зачитали приказ — я отчислялся. Комсомольской организации предлагалось исключить меня из своих рядов. Последнее было и обидным, и утешительным. Я так рвался в комсомол, еле-еле дотерпел до четырнадцати лет, но было и хорошо — значит, не сразу заберут, надо же вначале исключить. Я решил не отдавать билет, приготовив фразу из «Поднятой целины»: «Вы мне его не давали».

В Москве в это время шел двадцатый партийный съезд. В один из дней было сказано, что с докладом выступил Хрущев, но доклад не был напечатан.

Близились последние морозы. Школьники их всегда ждали и утром бегали смотреть на пожарную вышку: если на ней вывешивали флаг, то в этот день занятия отменялись, значит, температура ниже тридцати пяти, боялись поморозить учеников. Но именно в эти дни все были на улице и никто не обмораживался, а в другие, более теплые дни, обмораживались сплошь и рядом. Повторяя обычный путь исключаемых из школы, я стал курить и нарочно старался попасть на глаза учителям. Ждал вызова. Подстерегал Гальку, но она все время ходила не одна, и я притворялся, что иду по делам. Мне очень многое надо было сказать ей, что стихи были для нее. Какой же это разврат? Галька же может сказать, что я ни с кем не целовался, я же никого, кроме нее, не любил. А потом, что это за свинство друзей, заложивших меня?

Однажды я подстерег Гальку одну, около ее дома. Она шарахнулась от меня.

Разыскал меня Коля-лаборант и привел помогать делать проводку. Толстые белые провода «гупер» плохо обматывались вокруг хрупких изоляторов. Работали мы по вечерам, при керосиновой лампе. Школу должны были подключить к комхозовской нефтянке — старой, пять раз списанной электростанции.

Были в селе и другие электростанции, больше десятка. Мощные дизели были в леспромхозе и сплавной конторе, окна их домов светились ярче всех. К ним же были подключены квартиры работников райкома и райисполкома. Лесхоз, больница, химлесхоз, потребсоюз, сельпо — все имели свои электростанции, но все так себе. В клубе был свой двигатель, от машины ЗИС-5. Мы бегали смотреть, как работает «нефтянка», как хлопает на сшивах допотопный ремень. Лампочки еле-еле светились, иногда только тлела красноватая нить накала. Так что по-прежнему занимались при керосиновых лампах.

Пришли долгожданные холода, и занятия прекратились. В школе было пусто, только в учительской сидела новая учительница литературы и проверяла тетради. Она всегда зябла и натягивала шаль на горло. Когда я ввернул лампочку и лампочка слегка осветила сама себя, учительница вдруг вскочила, взяла патрон в левую руку, а правой сильно хлопнула по лампочке, лампочка засияла. Так я тоже умел, но это был запрещенный способ — укорачивать нить накаливания, чтоб светилось сильнее, но и срок жизни лампочки сокращался.

— «Коль гореть, так уж гореть сгорая»,— сказала учительница, кутаясь обратно в шаль.— А ты, значит, кончил курс наук?

— Да вот, должны из комсомола исключить.

— И ты, значит, заранее хочешь осветить этот момент своей истории?

— А я знаю, что это из Есенина вы читали.

— Да уж пора бы и всем знать.

— А правда,— спросил я,— Есенин был запрещенный?.. Почему?

— По кочану,— отшутилась она и строго сказала: — Мог бы, между прочим, и написать сочинение, мог бы и порадоваться вместе со мной, что можно писать на вольную тему: «За что я люблю свою Отчизну». Эпиграфы подсказываю. Сразу два. «Люблю Отчизну я, но странною любовью» и второй: «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей». Напишешь? Ты ж сам стихи пишешь? Прочти. Я отвернулась.

Значит, уже и тут друзья выдали. Как я ни отпирался, учительница вынудила. Глядя в пол, я прочел стихотворение. Оно заканчивалось так: «Но я любил тебя. И верил, что и меня ты тоже ждешь, когда ночами поле мерил и убирал комбайном рожь». И объяснил:

— Я летом на комбайне работал.

— Я поняла,— сказала учительница.— А предмет любви получил эти стихи?

— Это как бы не человек, а муза,— объяснил я.

— Я была бы рада получить такие стихи. Посвяти их мне.

— Пожалуйста,— обрадовался я.— Только их отобрали.

— А помнишь,— заметила Мария Афанасьевна,— и еще спрашиваешь, как сохранился Есенин.

Лампочка перегорела. Учительница пошла домой, я нес тетради. Она жила рядом, и я не успел осмелиться сказать ей, что мой любимый предмет — литература. Я постепенно изменял истории.

Назавтра с утра тоже висел флаг над пожарной вышкой, неподвижные прозрачные столбы дымного тепла стояли над домами. Солнце вышло, охраняемое морозным кольцом.

До обеда я сидел дома, записывал на память свои стихи. Но казалось нехорошим отдать их учительнице, ведь они были никакой не музе, а Гальке.

После обеда за мной из школы прибежала уборщица. «Срочно приказали». Все сжалось во мне, ведь не учатся. Мама заставила меня выпить молока. Я бросил в печку стихи и оделся.

Оказалось, что было велено провести свет в спортзал. Мы с Колей-лаборантом наспех тянули «гупер», другие вызванные старшеклассники с Колькой Палкиным таскали скамейки. Вполголоса говорили, что будут читать письмо партийного съезда.

К семи, когда еще было немного светло, собрались комсомольцы-десятиклассники и все учителя. Я уже не был учеником, но был комсомольцем и посчитал, что имею право.

Колька Палкин безжалостно вышибал любопытных из девятых и восьмых классов. Он хотел выпереть и меня, но Коля-лаборант сказал, что я помогаю.

Пришел директор, с ним бывший завроно, сейчас инструктор райкома. Ученики встали. Учителя встали тоже, переглядываясь.

Инструктор достал из портфеля и передал директору большой зеленый конверт.

— Включите свет,— сказал директор.

Свет зажегся и ярко осветил белую с изнанки бумагу. Это Коля не пожалел, ввернул над столом стоваттку из школьного проектора.

— Проверено? Все, кому положено? — спросил директор.

— Так точно! — доложил Колька Палкин, вставший в дверях.

Началось чтение письма. Читал директор. Инструктор сидел неподвижно и так просидел все время, а письмо было длинным. Письмо было о культе личности Сталина. Тишина в зале стояла затаенная. Письмо оглушило нас, и это нас, еле-еле захвативших Сталина при жизни и то понимающих, что происходит что-то огромное, то что же испытывали старшие?

Какой-то священный ужас исходил от исторички, навытяжку стоял Палкин, часто мигал, но не шевелился Коля-лаборант, литераторша все тянула к горлу шерстяную шаль и обводила всех взглядом.

В середине чтения лопнула стоваттка. Она давно уже потрескивала. Вначале ослепило чернотой, потом проявились переплеты окон и деревянная решетка, защищающая стекла от мячей. Оказалось, что уже поздно, но за окнами луна.

Никто не шевелился. Остальные лампы светились легким красноватым сиянием.

Коля-лаборант пробрался к сцене, вывернул цоколь лампы, ввернул запасную, но очень слабую. Директор поднял к ней письмо, но видно было плохо.

— Надо встряхнуть!— услышал я литераторшу.— Иди,— сказала она мне.

— Можно? — спросил я директора.

Директор поглядел на инструктора. Тот сидел неподвижно. Директор кивнул. Я взялся за горячий патрон, ударил по лампочке ладонью. Плохо. В зале зашевелились.

— Мы этого не разрешаем,— объяснил директор вполголоса инструктору.— Но сейчас, понимаете?

Тот сидел окаменев.

Я ударил еще раз и еще и добился — стряхнул вольфрамовые волоски с крючочков, а потом соединил напрямую.

— На пять минут.

— На пять минут,— сказал кто-то из наших.

И вот эта заминка, это отклонение от заколдованной тишины, в которой звучал только пересохший хриплый голос директора — и никто не осмелился сходить за водой,— это напряжение исчезло. В зале зашевелились, стало просторнее. Побежали за водой, слышно было, как гремела цепь у бачка.

Остаток письма слушали свободнее, легче. Кто-то из учителей даже прошептал, и были всем слышны слова: «А мы-то, а мы-то...»

Лампочка не перегорела, но погасла, погасли и остальные. Не потянула нефтянка. Зажгли керосиновые лампы, висевшие на вбитых в стены гвоздях. Самую яркую — молнию — держал сзади директора Колька Палкин. Держал, а сам смотрел в сторону, чтоб видно было, что не подглядывает.

Письмо дочитали. Инструктор встал. В зале тоже встали. Письмо инструктор положил в портфель и первый вышел. За ним директор.

— Завтра в школу,— сказал он, коснувшись моего плеча. На улице была такая луна, такая у нее была начищенная радостная глупая морда, что и мороза не чувствовалось. Началась возня, побежали на Малахову гору, стащили по пути чьи-то сани.

— Ты завтра в школу придешь, да? — спросила меня Галька.

— А ты думала, в тюрьму?

Сани неслись все быстрее, и все быстрее неслась над лесом ослепительная луна.

— А правда, ты мне стихи писал? — тихо спросила Галька.

Ужас, сковавший историчку, оправдался через месяц. Историю исключили из числа предметов, сдаваемых на аттестат зрелости. Мы учились по истории, искаженной в угоду одной личности, а новой истории не было написано, хотя было сообщено, что для написания новой истории утвержден новый авторский коллектив.

В тот год впервые был праздник проводов русской зимы и был массовый забег на лыжах. Коля-лаборант был пьян и включал «Рио-Риту» на полную мощность. Меня хоть и восстановили в школе, но к радио не допустили. И хорошо — был массовый забег, раннее морозное утро, и можно было бежать по насту даже без лыж, наст держал. Я вырвался вперед, и мне казалось, что, привяжи я к ремню деревянную лопату, она бы полетела.

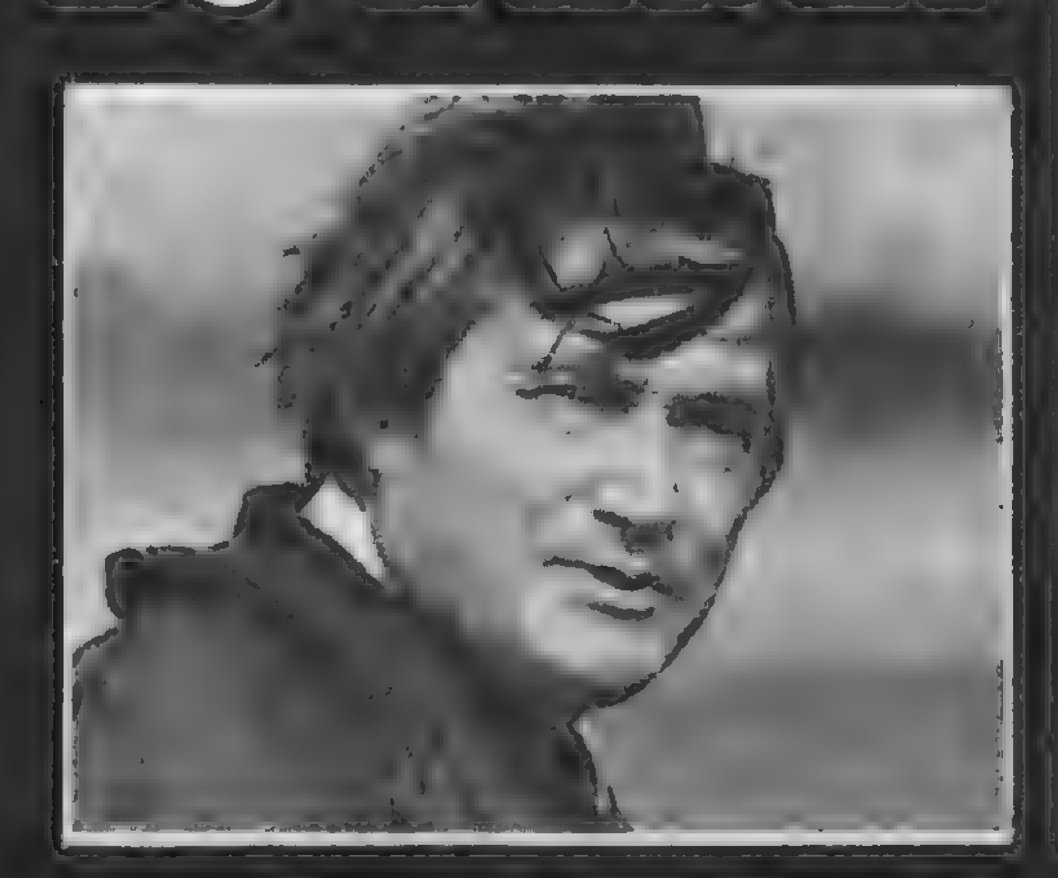
Потом меня обошли.

А про лыжника мы еще года три-четыре говорили, потом поняли, даже если б его и вернуть, то что он уже сейчас ведь устарел, наверное. Да и где записано, что американцы — чемпионы, надо же для этого собрать мировые состязания.

Будем готовиться.

Бочинин — имя в спортивной журналистике чуть ли не нарицательное. Появляется неожиданный снимок футболиста или пилота спидвея — и сразу видно: Бочинин! Когда-то давным-давно сын на вопрос любой тетеньки «кем будешь?» отвечал: бочининым. То есть человеком, которого пускают за ворота, который хоть и в офсайде, но всегда в игре. Да, его профессия — игра, бой, победа. Или поражение... Известно, футбольный тайм длится сорок пять минут. Сорок пять лет длится тайм Анатолия Николаевича БОЧИНИНА! И весь свой тайм он играет в команде «Огонька». А сейчас читатели, все, кто любит спортивную фотохронику, кто помнит, чья перевернулась яхта на траверзе Таллина или какой пяткой «Стрелец» забил динамовцам,— все они получат как бы приз — альбом Анатолия Бочинина «Огонек» над стадионом», выпущенный издательством «Физкультура и спорт», в нем на многих ярких страницах фотожизнь многих славных, чьи имена не сходили да и не сходят с уст благодарного племени болельщиков. Часть кадров сегодня снова в «Огоньке»: мгновения, мгновения, мгновения... Вспышка Анатолия Бочинина выхватывает снова из прошлого и гимнаста, способного на «крест Азаряна», и великого удароносца Николая Королева (в углу — почетно поверженный, не менее великий Шоцикас), и стража футбольных ворот Льва Яшина — уже немолодого, но яростного и неуступчивого, взявшего пенальти от судьбы... Ему давали безмолвные интервью самые знаменитые спортсмены и их тренеры. Девочка плачет — первый старт, первое приземление. Пусть неудачное. Но это — тоже прекрасное многообещающее мгновение юной жизни, жизни в спорте. А спорт сам как жизнь! И жизнь спортивного фотолетописца — завидная судьба мастера, попадающего в «яблочко». Мастера, так и не игравшего в чужих командах — только в «Огоньке»... Шла война, мальчишка печатал в ротационной типографии «Правда» развороты любимого журнала и горевал, что мало спортивных ре-

Анатолий БОЧИНИН:

ТАЙМ В 45 ЛЕТ

ВЗЯЛ.

ОТ СЛЕЗ — К ПОБЕДАМ.

ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ.

портажей. А до канадского хоккея на «Динамо» еще годы и годы... Тогда шли схватки иные — железные игры не на жизнь, а на смерть... Но мечта созревала. И вызрела. Анатолий переживал, как свои, все броски незабываемого «тигра» — Алексея Хомича. Овладев всеми премудростями спортивной съемки, он до сих пор не сходит с дистанции, до сих пор единоборствует с мгновением, удачей и превратностями марафона...

Его таим еще продолжается. Он сед, но смел по-прежнему, и ему по-прежнему подвластны мгновения взлетов Бубки и слезы счастья на лицах фигуристок...

Николай ШАТОВ

ЗВЕЗДА РЕПОРТАЖА И ЗВЕЗДА ФУТБОЛА (ВАДИМ СИНЯВСКИЙ И ЛЕВ ЯШИН).

ПЕРЕД ПЕРВЫМ БАЛЛОМ.

Александр
РАДОВ

ЗАЧЕМ РУБИКУ МИЛЛИОНЫ?

Нынешнему поколению первоизобретателей неведомо, что их исторические предшественники еще в 1931 году «добровольно» передали государству все права на бывшие и будущие изобретения, то есть пошли на «добровольную» национализацию. Государство получило, таким образом, право исключительной собственности, подтвержденное впоследствии в Положениях об изобретениях от 1941, 1959 и 1973 годов. Это предполагает, что государство ни перед кем не спешит отчитываться: как изобретениями распоряжается и распоряжается ли вообще. К чему это привело? Право внедрять, а точнее — не внедрять, присвоили себе министерства, а отвечать за последствия не собираются. Даже в самых возмутительных случаях, таких, как с автором «миллиардника» токарем Моисеевым, на них в суд не подашь (с государством-де у нас не судятся!), ничего не взыщешь...

Но так было не всегда. В суровейшие годы «военного коммунизма» и чуть позже, во времена нэпа, Ленин показал образец величайшего уважения к изобретательскому таланту. Ленинскими декретами от 1921 и 1922 годов, а потом Законом о патентах 1924 года впервые в истории человечества исключительное право на изобретение давалось самому изобретателю. Оно включало: право на авторство, право на осуществление изобретения и право на получение части дохода от его реализации. И посмотрите, как щедро платили в небогатые годы изобретателям: по договору с предприятием, которое бралось использовать изобретение, автор получал от 15 до 30 процентов дохода, да в течение 15 лет, то есть всего срока действия патента.

А вот что теперь: лишь два процента и в течение всего пяти лет. Да обозначен потолок: 20 тысяч — и ни копейкой больше. Но до потолка дело практически не доходит — и эти-то скромные стимулы не действуют. Прежде всего потому, что внедрения, как мы видели выше, нет, а если все же случается, то обычнее всего разовое. Хотя и бывает — набежит солидная сумма, но ее обязательно обрежут министерские бюрократы. Но даже после всего изобретателю непременно придется делиться и с лжесоавторами, а их, как уверял как-то журнал «Изобретатель и рационализатор» — аж 63 процента. Тут есть социальная подоплека: после того, как Госкомтруд СССР своими инструкциями настрого запретил выплачивать премии за содействие во внедрении именно тем, от кого оно в наибольшей степени зависит,— руководителям объединений и аппарату министерств,— те и вовсе интерес к изобретениям потеряли. Чтоб их хоть как-то заинтересовать, изобретатели, да не от хорошей жизни, сами стали зазывать их в соавторы и отказа, как ни странно, не получали. Однако это не привело к революции во внедрении, а наоборот: тут-то и началась практика лжевнедрений: акт подписали, и можно, следовательно, идти к кассе...

Надо ли говорить, что нет миллионеров среди наших изобретателей и не предвидится, зато в больших долгах — каждый второй. Еще бы — многое ведь приходится делать и покупать за свой счет, чтоб создать макет или опытный образец. Зачем? «Довольно болтали, об опытах тараторя. Даешь для опыта лаборатории!» — настаивал Маяковский, но ничего не добился. А ведь в ленинском Декрете от 16 августа 1918 года стоял принципиальной важности пункт: организация при крупных заводах, фабриках, промыслах, сельскохозяйственных коммунах и т. п. «лабораторий и опытных станций для научного обслуживания и усовершенствования производств и проверки полезности новых изобретений». О чем речь? Об инфраструктуре изобретательства и новаторства вообще. Сегодня ее нет. Все многочисленные по стране и опытные и экспериментальные производства, научно-производственные объединения, как будто специально созданные как база изобретательства, работают на производственную программу, не имея ни на процент свободных мощностей. Но если даже и появляется дырочка в плане — она не для изобретателя. По этой причине все, что придумал головой, он вынужден мастерить на коленке...

Но самое печальное — нет финансирования. Как на стадии создания изобретений, так и на этапе внедрения. Об этом с большой горечью говорил на недавнем VII съезде Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов Святослав Николаевич Федоров, который является ко всему прочему и заслуженным изобретателем СССР. Начав свое выступление с тезиса: «...Нам очень нужны люди с изобретательским умом, потому что они — залог прогресса общества. Есть умницы — непобедима страна! Нет их — ничто не спасет: ни нефть, ни газ, ничего!» — он по всем пунктам разобрал ситуацию отечественных изобретателей и доказал: она трагична! Изобретатель не ощущает в отношении себя социально-экономического спроса, он не пользуется в обществе никакой организационной поддержкой, ему не гарантирована юридическая защита. Авторитет изобретателя в обществе оставляет желать лучшего. Даже съезд пятнадцати миллионов изобретателей и рационализаторов по сравнению, к примеру, со съездами писателей, художников, композиторов, коих, как знаем, у нас в тысячи раз меньше, проводился тем не менее «по второму разряду». Да и свелся съезд к тому, что творцы умоляли бюрократов: вспомните про нас, посчитайтесь, поделитесь хоть какими-то правами, не пожалейте на нас миллионов, а мы отплатим стране миллиардами и миллиардами. Наблюдать все это было очень грустно...

С Евгением Михайловичем Тихомировым, юристом, заведующим отделом в Центральном совете ВОИР, мы гадаем: хорошо ли, что у наших изобретателей так много формальных льгот? Про то, что они реально неосуществимы (и, в частности, право на дополнительную жилплощадь), сейчас говорить не стану. Но само количество декларированных льгот наилучшим образом свидетельствует: положение изобретателя в обществе более чем сомнительное, ибо он лишен самого главного права. Евгений Михайлович так рассуждает:

— По Положению об изобретательстве от 1931 года, произошла подмена термина, и в руках изобретателя осталось не авторское право, а право на авторство. А что такое право авторства? Это право всего-навсего поставить свою фамилию и везде потом ходить и доказывать: я автор... Когда мы отняли у него право на собственное изобретение, мы, по сути, вместо конфетки дали ему одну бумажку, а чтоб потом утешить — высыпали на него кучу льгот. А если б он реально обладал правом на объект своего творчества — он все права и льготы получил бы через полноценное вознаграждение.

Так и случилось, что из-за печальнейшей ситуации, включающей материальные барьеры, бесправие и приниженность перед бюрократами, вечную нервотрепку и драмы внедрения, даже самые плодовитые наши изобретатели в три — в пять раз меньше создают, чем могли бы, а внедряют вдесятеро меньше. На восемьдесят процентов изобретения, которые внедряются,— косметические, малосущественные. Те же, что обещают революционный прорыв к новой технике и технологии, пролеживают десятилетиями, а если внедряются, то в западном исполнении. И тут для нас убытков больше, чем выгод...

«Интеллектуальный товар идет лучше всего, это чистая прибыль, практически без производственных издержек» — здесь девиз нашего социалистического миллионера венгра Эрнё Рубика. Читаю про него: «Изобретатель-профессионал, создатель «кубика», «волшебной змеи» и «волшебного домино», владелец собственной студии, основатель «кооператива изобретателей», учредитель «фонда Рубика», поощряющего венгерских изобретателей, и «стипендии Рубика» в свободно конвертируемой валюте (она предназначена молодым венгерским дизайнерам для совершенствования своих знаний за рубежом)».

Здесь все для нас фантастика, начиная с «изобретателя-профессионала» и заканчивая стипендией «в свободно конвертируемой валюте». А уж студия, фонд, кооператив изобретателей — кто из наших не позавидует? Но что существенно — благоденствует не капиталист из награбленного, не государственный чиновник из не принадлежащей ему казны, а истинно социалистический меценат, который все, что дает, лично заработал. Но как он смог это сделать — заработать миллионы да еще в валюте? Кто и на каком основании ему это разрешил?

Все свои миллионы профессиональный изобретатель Эрнё Рубик, удостоенный именно за изобретательскую деятельность Государственной премии ВНР, смог честнейшим и законнейшим образом заработать в рамках ленинского (а не бюрократического, как это у нас сейчас) изобретательского права. Если до введения нового законодательства по показателям изобретательской активности Венгрия была на одном уровне с Турцией, то всего через несколько лет превзошла Францию. Столь же стремительный взлет пережил и Китай, принявший в 1984 году основанное на ленинских принципах новое изобретательское право.

А у нас оно все никак не родится в течение уже 20 лет. Может, потому, что новый Закон — и это несмотря на перестройку и гласность — разрабатывается келейно, вдалеке от изобретательской общественности. Какой был замечательный повод — основные принципы нового Закона об изобретениях обсудить на съезде ВОИР! Но бюрократы от законодательства этим не воспользовались. Не потому ли, что чувствуют: их позиция слаба, неубедительна. Она уже успела себя выявить. Знакомя общественность с наметками нового Закона (но не соглашаясь при этом с принципиальными возражениями оппонентов), председатель Госкомизобретений СССР И. Наяшков поведал в газете «Социалистическая индустрия» (от 20 ноября 1987 года), что предполагается «совершенно отказаться от закрепления изобретения за автором с предоставлением исключительного права на использование государству и перейти к закреплению за конкретным предприятием, которое несло бы ответственность за судьбу новшеств, как созданных в порядке выполнения плановых заданий, так и тех, что появились вне рамок служебной деятельности».

Что здесь? Антидемократические поползновения, еще более усугубляющие — в случае, если будут реализованы,— произвол бюрократов над творцами. Ведь изобретатели попадают здесь в двойную кабалу — и государства, и предприятия. Тут исключается для них возможность стать для хозяйственников и даже для кооперативщиков равноправным деловым партнером. Это не может не обещать новой экономической разрухи.

В рамках всего этого совершенно невероятных размеров достигнет монополизм — главный на сегодня, если не считать бюрократизма, враг нововведений и тех, кто способен их творить.

Я ВОЛКОМ БЫ ВЫГРЫЗ... МОНОПОЛИЗМ!

«В центре многих споров,— пишет в редакцию физик из Минска А. Матвеенков,— часто видится сегодня один конфликт: новый подход «энтузиаста» (назовем его так!) к какой-либо проблеме и противостоящее ему ведомство, которое обязано заниматься той же проблемой «по долгу службы». Примеры общеизвестны: тут и поворот рек, охрана Байкала и памятников старины, технические изобретения и научные открытия, деятельность педагогов и врачей-новаторов и многое другое. «Заинтересованное ведомство», как правило, обвиняет своего оппонента в некомпетентности и отсутствии профессионализма, понимая под этим несоблюдение той «формы», которую создало и развивало само это ведомство. «Содержание» при этом оказывается как бы скомпрометированным».

Что здесь? Монополизм! Наш родной, доморощенный, ниоткуда не завезенный, а мы перед ним совершенно безоружны, поскольку и антитрестовского законодательства у нас нет. Созданные для того, чтоб защищать перед предприятиями государственные интересы, министерства наши сформировали свои особенные претензии, как правило, эгоистические, осуществление которых слишком часто оборачивается громадными потерями для общества.

Блестящую и нестареющую, к сожалению, иллюстрацию нахожу в письме сверхавторитетнейшего для меня человека, ныне, к сожалению, покойного,—

См. «Огонек» № 18.

Генерального авиаконструктора Олега Константиновича Антонова, который на своем именном бланке прислал читательский отклик на мою публицистическую повесть «Иск», опубликованную в журнале «Знамя» (№ 4 за 1982 г.).

«Уважаемый т. Радов! Идея совершенно правильная. У нас нередко привлекают к ответу рабочего за то, что он унес с производства горстку гвоздей (которых, кстати, нельзя приобрести в магазине), а безответственные чиновники пускают на ветер миллионы рублей и не несут за это никакой ответственности.

Вы подняли вопрос огромной государственной важности, характерный для общества социализма, в котором руководители практически не отвечают своим карманом (как при капитализме) за результаты своих решений.

Вот пример из нашей авиационной промышленности, считающейся образцовой. В 1971 году начальник главка возвел своего приятеля в ранг главного конструктора, а потом, чтобы загрузить его чем-то, «посоветовал» ему создать реактивный сельскохозяйственный самолет, что является в корне неправильной идеей, противоречащей элементарным законам механики, обязанной полной неграмотности начальника главка.

Не имеющий никакого опыта самостоятельной работы, конструктор бился почти 8 лет при полной поддержке начальника главка, но на испытаниях аппарат полностью провалился. Все это было бы еще терпимо, так как бывают иногда и неудачи у конструкторов, если бы еще в 1971 году, несмотря на мою уничтожающую критику проекта на заседании коллегии министерства, начальник главка не сумел добиться правительственного решения на заказ самолета в ПНР в количестве 2500 экземпляров. Потом выяснилось, что «кухня» была сделана заранее, за несколько дней до коллегии, и ей ничего не оставалось, как проштамповать уже состоявшееся решение.

Советский Союз купил около 100 самолетов, а потом был вынужден отказаться от заказа и выплатить ПНР в общей сложности около 200 миллионов валютных рублей.

Эта история, несомненно, нанесла ущерб престижу Советского Союза в самый неподходящий момент — перед известными событиями в ПНР.

Никакие усилия начальника главка спасти положение и своего протеже ничего дать не могли.

Самолет побывал на «Салоне» 1977 года в Париже. Вот отзыв о нем в иностранной печати: «Это прекрасный самолет. Как только он пролетит над полем, все насекомые умрут от смеха. Таким образом, он не нуждается в химикатах».

А что же случилось с виновниками этого провала? Начальник главка здравствует и поныне, стал заместителем министра, получил звание Героя Социалистического Труда и в ус не дует, продолжая наносить ущерб государству своей некомпетентностью. А его друг — конструктор спился и умер.

Так что Ваш фантастический «Иск», к сожалению, далеко не фантастика, а сама жизнь, что Вы и сами знаете».

Письмо подписано 29 апреля 1983 года. К нему Антонов приложил вырезку из журнала «Авиационная промышленность» (№ 3 за 1975 год), в которой есть такие строки: «Неизменное внимание посетителей выставки привлекал первый в мире сельскохозяйственный самолет М-15 с двухбалочным хвостовым оперением, являющийся результатом совместной работы советских и польских конструкторов». В самом конце анонс: «Серийный выпуск намечено начать в 1976 году».

Чуть позже мне довелось выступать перед аппаратом Прокуратуры СССР, и я решился прочесть им письмо Антонова. По лицам видел — возмущены, негодуют. «Хорошо,— спросил их,— могу ли я, как хозяин страны, коим являюсь по Конституции, совладелец средств производства, предъявить виновным иск? Ведь здесь если не все 200 миллионов валютных рублей, то один-то — точно мой!..»

«Вы знаете, Александр Георгиевич,— будто извиняясь, ответил мне важный руководитель прокуратуры,— по нашему законодательству здесь не ущерб, а недополученная выгода. Ее у нас не взыскивают!»

Безнаказанность! Это первое, что характерно для положения министерств в обществе. А впрочем, только ли министерств? Возьмите любое предприятие-гигант или хотя бы головной институт... Монопольным положением и всевластием (в своей сфере деятельности) они добились возможности обходиться без соперников, без критики действием. А когда кто-нибудь пытается бросать вызов — он дорого за это расплачивается. На помощь приходят «свои люди», которые у отрасли, как и у ведомства, и у гигантского предприятия, оказываются повсюду. Этот момент никто у нас не учитывает, даже партийный контроль.

Сегодня бюрократизм своей зловещей тенью словно бы заслонил этого врага номер два — монополизм. А ведь он так же труднолистребим. Это почувствовали венгры, обнаружив: даже после того, как ликвидируются министерства, монополизм остается, блокируя нововведения и особенно кардинальные. Нет, и нам уже пора задуматься об антимонополистическом законодательстве. Не грех применять тут и политические оценки, и особенно в отношении тех выходцев из отраслей, которые, попав в директивные и центральные органы, продолжают «подыгрывать» своей альма матер. Но имело бы смысл специально закладывать конкурирующие структуры. Давно недоумеваю: как это может существовать у нас только одно Центральное телевидение? Представьте, насколько беднее была бы наша идеологическая жизнь, если б существовала всего одна центральная газета! И почему вся концертная деятельность у нас только в руках Министерства культуры, а вся издательская — Госкомиздата?.. И почему все фундаментальные исследования только в рамках Академии наук, в немалой степени бюрократизированной?.. Появление же конкурирующих структур не только снимет диктат монополизма, но и обещает умножить социальное разнообразие жизни, облегчить условия новаторства.

А пока любое новое дело остается в жарких, чаще всего смертельных объятиях старого. От них не спасает обычно и хозрасчет...

УДУШАЮЩЕЕ «ПРИ»...

Осознаю, что год от года министерства наши — под влиянием, естественно, перестройки — будут становиться все прогрессивнее. Но в абсолютно чуткое до всего нового министерство не верю и поверить не могу. Тем более в условиях, когда с нашей же помощью оно оградило себя от сравнений, от нежелательных для него контрастов, позволяя себе безнаказанно разрушать любые альтернативные и проекты, и структуры. О последнем свидетельствует печальная судьба нововведений, которые возникали и возникают «при». Это «при» всегда оказывается удушающим...

Вспомним, как долго общественность выжимала из бюрократов право на создание в стране сети любительских объединений, полагая, что здесь будет не только торжество демократии, но и жестокий, поучительный урок для всей системы профсоюзных и государственных клубов, которые оказенились, давно растеряли связи с массами. И общественность добилась своего: появилось постановление, разрешающее и рекомендующее повсеместно создавать на основах хозрасчета и самоокупаемости как самодеятельные клубы, так и любительские объединения. Но среди многочисленных пунктов и подпунктов затесался один махонький, малоприметный, который никто почти из ревнителей демократизации не заметил, а значит, и не встревожился. Его заложили иезуитски хитроумные бюрократы, чтобы все им перечеркнуть. Как он формулируется: пожалуйста вам — создавайте везде, где вашей душе угодно, но выполните одно пустяковое условие: и клуб и объединение могут существовать лишь «при» организации-учредителе.

Вот ведь какой фокус: принципиально новые формы стали создавать «при» совершенно старых, пионерские новаторские — «при» рутинных, демократичные — «при» бюрократических. Неужели же рассчитывали, что они мирно уживутся? Что старое не покусится на новое? Конечно, тут и спору нет — новое жизнеспособнее и со временем, конечно, одолеет старое, но здесь да на наших глазах произошло и теперь еще происходит удушение ростков нового в самом их зародыше.

Как-то мне довелось писать про замечательную форму, возникшую в ста метрах от московского Центрального телеграфа,— о спортивно-техническом клубе «Чайка» (тут не надо путать со школьным заводом «Чайка», который на окраине столицы). Существуя на хозрасчете, он до шестисот тысяч рублей в год мог расходовать на организацию досуга детей и подростков, на клубы и секции для взрослых. Сотни «трудных» ребят становились под руководством умелых парашютистов и мотогонщиков, радистов и мотористов «настоящими мужчинами», успевающими до армии освоить по десятку военных профессий. Все радовались: школьные учителя и родители, пресса и ДОСААФ. Единственно кто был против — собственная же организация-учредитель. Под флагом борьбы якобы с финансовыми нарушениями, даже с хищениями (которых ни ОБХСС, ни прокуратура не подтвердили, хотя от них это настойчиво требовали) они повели со своим клубом тотальную борьбу, использовали самые аморальные методы.

Удушение клуба продолжалось, и когда осталась от него лишь пустошь, «трудные» подростки от нечего делать вернулись на улицу и снова занялись кражами, узнали про наркотики. Часть из них уже в колониях. Но дирекция завода, при котором существовала «Чайка», за это отвечать не намерена. Да и кто ее за это спросит? И свое министерство, и Фрунзенский РК КПСС проявили тут полное попустительство. Уже после того, как «Чайки», по сути, не стало (хотя формально ее превратили в районный клуб ДОСААФ и назвали «Фрунзенец»), произошло разграбление ее богатейшего имущества, служившего, как помним, воспитанию. Сильнее всего поживился собственный завод, на котором появился новый клуб «Гидраэр», но теперь не хозрасчетный — что показалось руководству хлопотным,— а бюджетный, то есть клуб-нахлебник. Поскольку ему потребовались теперь наличные деньги, взялись распродавать да в частные руки бывшее имущество бывшей «Чайки».

И так, увы, повсеместно. Расправляясь с новаторскими формами, отданными в их власть, организации-учредители начинают обычно с того, что «шьют дело» первым инициаторам. Тысячи энтузиастов погублены этой замечательной приставкой «при». Готовы ли за это отвечать анонимные выдумщики, сочинившие сей маленький пунктик?

Этот оправдавший ее ожидания принцип «при» бюрократия применила и к самой новейшей форме — кооперативам. Вспомните: ради чего они создавались? Чтобы, кроме всего прочего, посрамить и тем самым подхлестнуть общепит и бытовое обслуживание, которые давно у нас не на высоте. Кому же отдали в руки эти новые, конкурентные для нынешних формы хозяйствования? По сути, тому же общепиту и бытовому обслуживанию. Неужто тоже рассчитывали, что мирно уживутся, что позволят новым показать свое превосходство? Чтобы этого не случилось, поставили новые формы в заведомо неравные условия. Больше того, организациям-учредителям, при которых они состоят, не дали ни малейшего стимула помогать своему кооперативу, зато много заложили побудителей, чтоб мешать, ограничивать, мелочно контролировать, заводить на кооператорщиков персональные дела. Один из таких стимулов — психологический, основанный на банальнейшей зависти.

И в результате по стране не только возникают, но и закрываются кооперативы. Как правило, очень эффективные, новаторские.

КОГДА В ОБЩЕСТВЕННОМ ОРГАНИЗМЕ ТРОМБОЗ

Если тому, что все еще сохраняется в обществе, ставить медицинский диагноз, то вот он — тромбоз: закупорка артерий, несущих обогащенную кислородом кровь, обещающую жизнь и обновление организма. И магистральные и периферические сосуды почти наглухо перекрыты бюрократическими бляшками, и нет поэтому проходимости для новых идей и новых инициатив. Как быть в таком случае? Медицина видит единственный выход из положения — оперативным путем накладывать анастомозы, то есть побочные ветви, каналы, протоки. То есть действовать в обход привычной бюрократической колеи.

Но таких обходных путей на сегодня нет. Как может новатор себя сегодня реализовать? Если заручится поддержкой бюрократов, получит от них добро. Так и действуют реальные и потенциальные новаторы — ходят по инстанциям. А больше идти им некуда.

Между тем практически во всех развитых странах молодые бунтари всегда, как правило, могут испытать на себе альтернативный путь, заведя свой бизнес и рискнув бросить вызов традициям. Для этого служит и так называемый рисковый капитал, невероятно ускоряющий темпы обновления, значительно облегчающий новому, новаторскому его поединки с консерватизмом. Даже в условиях, когда бизнес хватается за новшества, требуется целая индустрия нововведений. И наибольшие творческие достижения выпадают не на гигантские корпорации, а на мелкие исследовательские фирмы, оперативно, под новейшие требования рынка возникающие и чаще всего прогорающие, но те немногие, которые добиваются успеха, все окупают, любые рисковые капиталовложения. Но считается, что изобретатель, затевающий исследовательскую или мелкую новаторскую фирму, должен рисковать при этом и собственными средствами, а для этого их иметь. Платить высокие вознаграждения изобретателям, творческим людям вообще оказывается делом беспроигрышным — они их используют для осуществления все новых и новых идей.

Наши творцы и новаторы не могут рассчитывать ни на свои личные, ни на общественные средства. А собственно, почему? Признаюсь: много лет ношу в душе убеждение, что именно финансисты, банкиры и прочие, чье назначение приумножать казну, должны быть главными в стране покровителями талантов и в особенности производительных. Уж они-то должны или почувствовать нутром, или вычислить: ничто на земле не дает такой отдачи, как талант. Не зря древние греки именовали талантом самую крупную денежную единицу, приравнивая ее к пятидесяти быкам. А мы, четно сказать, дешевим.

Что значило бы для банкира покровительствовать таланту? Я так себе представляю: председатель Госбанка страны, проведя предварительную экспертизу, приглашает к себе создателей ледотермики или изобретателя инструментов токаря Моисеева и предлагает многомиллионный кредит, который позволит каждый их этих национального значения проектов осуществить быстро и эффективно, не кланяясь отраслям, не побуждая их делать то, чего они решительно не хотят. Такие акции Госбанка и подоб-

Продолжение на стр. 25.

А. Г. ТЫШЛЕР. ЦЫГАНЫ. 1959.

Начало на стр. 8.

в надземном парке. Многие его холсты трагичны, и расстрел почтового голубя не может вызвать у зрителя желание скушать трофейную птицу с зеленым горошком. Творчество складывается не только из индивидуальности художника, но также из характера эпохи.

«Сюжетность» работ Тышлера никак не лишает их самодовлеющей ценности искусства, прежде всего живописи. В начале нашего века родилось стремление освободить живопись от литературщины, и это стремление было более чем законным — оно освобождало художника от обязанностей регистратора быта или смекалистого фотографа. Однако отказ от сюжетной композиции был не целью, а средством. Достаточно вспомнить «Гернику» и «Похищение сабинянок» Пикассо, «Короля» Руо, творчество Шагала, чтобы понять, как живописцы, освободившись от иллюстративных обязанностей, навязываемых им, смогли добиться сочетания живописи с сюжетностью. Никогда литературщина не была грехом Тышлера, и, глядя на некоторые его цветные рисунки, рожденные трагедиями Шекспира, я забывал, что нахожусь в Доме литераторов, не думал о сюжете той или иной пьесы, а видел красочные пятна, рожденные не столько стихами поэта, сколько глазом художника. Искусство это не подбор программ и манифестов, а творчество, и посетители выставки А. Г. Тышлера будут стоять взволнованные и радостные перед его работами: да, все становится на свое место, медленнее, чем некоторые того хотели, но скорее, чем меняются геологические пласты сознания.

Хорошо все-таки, что открылась такая выставка!

И. ЭРЕНБУРГ»

Из 200 экспонированных работ художника было закуплено всего восемь...

Но Тышлер был доволен.

А потом два года спустя по инициативе французских коммунистов в Париже должна была состояться выставка-продажа четырех художников — П. Кончаловского, М. Сарьяна, П. Кузнецова и А. Тышлера. Александр Григорьевич поставил условие: прежде чем работы уйдут за рубеж, он хочет, чтобы их увидел наш зритель. С большими трудностями экспозиция состоялась в марте 1966 года в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Пресса и на этот раз хранила заговор молчания. Появи-

СКОМОРОХ. БАЛАЛАЙКА. 1975.

лись уже значительно позже статьи в специальных журналах. Но волею чиновников от искусства работы четырех всемирно известных художников так никуда и не поехали.

Именно в то время Тышлер получил письмо от Вениамина Александровича Каверина.

«Дорогой Александр Григорьевич! А кто на вашей шекспировской выставке говорил, что скоро мы увидим большое собрание Тышлера? Илья Григорьевич (Эренбург.— Ф. С.) сказал мне тогда, что я... король оптимизма. Иногда, к сожалению, редко, оптимизм торжествует.

Вы знаете, как я люблю ваше творчество. Смешно поэтому говорить, что мне понравилась ваша выставка и т. д. Она мне не просто понравилась, а это был праздник, которых — тоже к сожалению — в жизни не так уж много.

Все возрасты по-своему хороши, но самое значительное совершается в детстве. Пастернак писал в своей «Автобиографии», что почти все пишут о детстве хорошо, а Л. Толстой всю жизнь писал так, как если бы он писал о детстве. Он и сам (Пастернак) «был награжден каким-то вечным детством». Именно это можно сказать о вас. Я говорю вовсе не только о «Соседях моего детства». Нет, у меня такое впечатление, что вы сберегли свое детство и повели его за руку за собой, превращая (поразному) в дивное средство искусства. Вы сохранили даже ту «повторяемость», которая характерна для детей, по тысяче раз произносящих поразившее их слово.

Может быть, то, что я пишу вам, слишком умозрительно. Глядя на ваши работы, я думал и о другом: о вещественности поэзии, о том, что она тем сильнее, чем проще. О том, что в живописи это выражено иногда сильнее, чем в поэзии. О том, что правы в конечном счете те, кто не изменил себе, сказав, как Лютер: «Я здесь стою и не могу иначе». К этому можно добавить: «Я здесь стою, потому что именно это и есть искусство». А «не могу иначе» — нравственный вывод. Иные ваши вещи поразительно напомнили мне стихотворение Заболоцкого «О красоте человеческих лиц». Найдите и прочитайте. Это — о вас...

Ваш КАВЕРИН».

В 1981 году, уже после смерти художника, я стала хлопотать о посмертной ретроспективной выставке Тышлера за 60 лет его творческой деятельности.

Как раз это совпадало с юбилеем — восьмидесятипятилетием со дня рождения художника. Все было утверждено и подписано. В 1983 году написан каталог, отпечатана афиша, пригласительный билет, все работы окантованы. Но за десять дней до монтажа экспозиции ее запретили свыше. Бороться за нее пришлось долго — пять лет. Она открылась в нынешнем году к его девяностолетию. Выставку посетило множество народа. Особенно хорошо о ней сказали малые дети, четырех-пятилетние учащиеся изостудии при Государственном музее изобразительных искусств. Они подвели меня к деревянным скульптурам Тышлера и сказали: «Это — душа дерева». Потом потянули к «Девушке с натюрмортом» и радостно сообщили: «Это — душа еды». А затем подбежали к серии картин «День рождения» с девушками, у которых на головах весело горели свечи, и радостно заявили: «А это — душа праздника!»

Флора СЫРКИНА

А. Г. ТЫШЛЕР.
ДИРЕКТОР ПОГОДЫ. 1926.

ные им на нижних уровнях финансово-банковской системы были бы лучшими инъекциями против отраслевого монополизма и бюрократизма. И ведь может существовать при этом и отдельный «банк нововведений», рассчитанный на кредитование «генераторов ценных идей» и тех предприятий, которые первыми берутся их энергично осуществлять. В Венгрии, к примеру, уже шесть инновационных банков. Но и это не все. После реформы финансово-кредитной системы любой банк страны охотно берется финансировать рискованные проекты, обещающие крупные выигрыши, а что касается акций беспроигрышных, то за ними все банкиры гоняются.

У нас ничего подобного нет, хотя такая практика должна бы существовать на всех уровнях экономики.

Однако и собственная наша история была бы и в этом смысле поучительна. Тут приведу всего только одну подробность, непростительно забытую нами. Кто, скажи мне, читатель, помнит имя Христофора Семеновича Леденцова или хотя бы созданное им Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений? Честно признаюсь: и я бы ни того, ни другого не знал, если б не познакомился с изысканиями журналиста вологодской молодежной газеты Владимира Рыбникова. Он взял на себя труд восстановить в памяти потомков имя и дела выдающегося своего земляка — купца-миллионщика, образованнейшего человека своего времени, вложившего все свое состояние в первый на Руси филантропический фонд, без которого мы бы недосчитались очень многих не то что работ, но и целых научных направлений. Больше того — не имели бы ЦАГИ, ФИАНа, лабораторий И. П. Павлова и П. Н. Лебедева... Фонд этот, удивительно умно устроенный (вот одна только подробность: по завещанию Леденцова на административные расходы могла идти не более чем одна десятая часть средств), существовал с 1909 по 1918 год и был национализирован из-за сложной обстановки в стране да так и не был возобновлен, хотя и теперь еще не поздно. Возвращение национализированных средств фонда да с набежавшими процентами было бы замечательным подарком от государства общественности, позволило бы энергично развивать пионерные направления в науке и технике, оригинальнейшие, хотя и спорные с точки зрения официоза научные подходы в обход редутов бюрократии. Должны возникнуть и другие подобные фонды. Тем более что Закон о кооперации в СССР превратит благотворительную деятельность в поощряемую для кооперативов.

Тут учтем: не используя благотворительные (филантропические) фонды, трудно сегодня рассчитывать на эффективную борьбу с монополизмом. Не зря первые такие фонды возникли в США в связи с антитрестовским законодательством, принятым во времена президента Т. Рузвельта. А к середине семидесятых годов филантропических фондов насчитывалось там уже около 30 тысяч. Их активы достигали суммы в 28,5 миллиарда долларов. Считается, что сам по себе институт фондов является как бы интеллектуальным мостом между частным сектором и наукой, общественностью и правительством.

Пора резюмировать. Курс на решительное обновление жизни, коренную перестройку общества немыслим без опоры на Талант. Он и стратегический источник богатств, и главный ресурс ускоренного развития. Но отношение к нему, мягко скажем, наплевательское. Слишком часто бывает, что человеческая одаренность интересует только ее обладателя. Остальным как будто и дела нет. А ведь, кроме человеческого участия, Талант требует организационной поддержки и юридической защиты, общественного признания и материально-технического гостеприимства. Где все это? Кто организует?

А пока талантам приходится пробиваться самостоятельно, и случаются жесточайшие драмы. Ясно, что тут причиной и объективные барьеры, но они преломляются чаще всего в действиях или бездействии бюрократов, которые не могут не видеть в таланте своего неумолимого могильщика. Надо ли говорить, какую бешеную ярость вызывают у крысоподобных бюрократов подлинные творцы, подвижники, новаторы. Расправляясь с ними, бюрократия все использует — и дарованную им административную власть, и несовершенное законодательство, и порочнейший пока еще хозяйственный механизм. А иных общественных и экономических механизмов, которые бы поощряли таланты, давая им крышу (как в прямом, так и в переносном смысле),— такого у нас нет. Так не пора ли подобные структуры создать? Прежде всего Союз новаторов. Но организовывать не по той, давно отработанной бюрократической схеме, когда творческий союз или ВОИР обслуживает не интересы рядовых членов, а амбиции своего аппарата. Нет, на антибюрократических принципах, да на основе реального самоуправления. Вот тогда будет кому оградить от бюрократии творцов и таланты.

И надо наконец-то взяться за национальную программу поощрения талантов. Всяких, но в первую очередь производительных. Без этого не добьешься, чтоб за державу было не стыдно...

...Я пишу об этом без гнева и даже без горечи!
... Сегодня я собираюсь в дорогу — в дальнюю, трудную, извечно и изначально — горестную дорогу изгнания.
...Моя Россия остается со мной.
...От этой России меня отлучить нельзя! Никакая сила не может заставить меня с нею расстаться, ибо Родина для меня это не географическое понятие, Родина для меня — это и старая колыбельная песня, которой убаюкивала меня моя еврейская мама, это прекрасные лица русских женщин — молодых и старых, это их руки, не ведающие усталости — руки хирургов и подсобных рабочих, это запахи — хвои, дыма, снега, это бессмертные слова:
Редеет облаков летучая гряда!..
(Из последней записи на родине. Текст обнаружен на рабочем столе поэта его братом В. Гинзбургом 24 июня 1974 года)

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

СТАРАТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬСОК

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань.
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль.
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
Ни на катере... к этакой матери.
Но поскольку молчание — золото,
То и мы, безусловно, старатели.

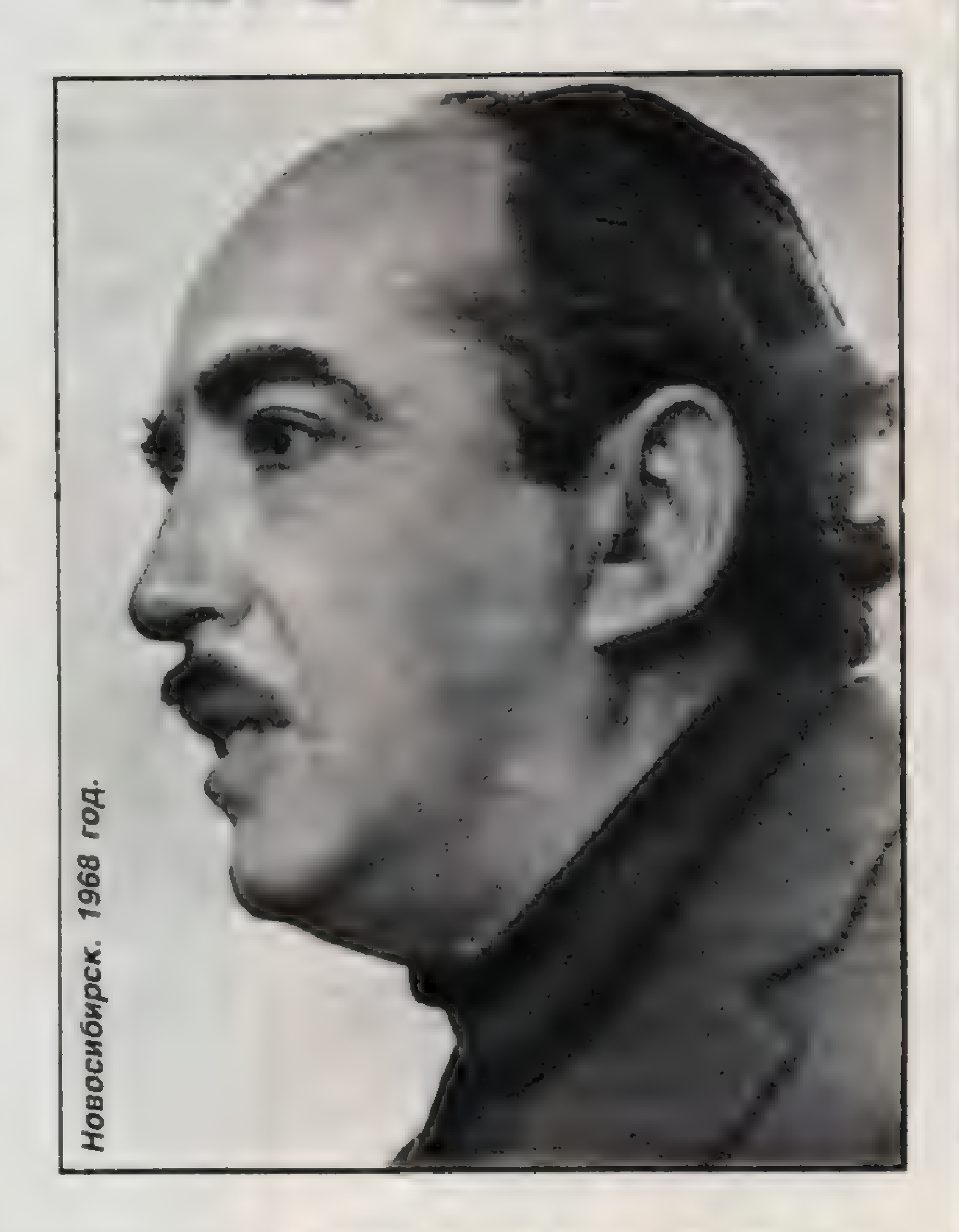
Промолчи — попадешь в богачи!
Промолчи, промолчи, промолчи.

И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности пряча глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не против, конечно, а за!
Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгинули смолоду ...
А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание — золото.

Промолчи — попадешь в первачи!
Промолчи, промолчи, промолчи.

И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маета,
Но под всеми словесными перлами
Проступает пятном немота.
Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем — доходней молчание,
Потому что молчание — золото.

Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть в палачи:
Промолчи, промолчи, промолчи!

Новосибирск. 1968 год.

Одиннадцать стихотворений поэта, чье имя до последнего времени было закрытым для печати, появились в четвертой книжке «Октября». Александр Аркадьевич Галич вернулся в нашу литературу, откуда он был изгнан героями своих сатирических баллад и песен.

Его поэтическую судьбу определили редкое сочетание крупного лирического дара и дара сатирика, обостренная совесть и гражданское мужество. Его голос не смолк ни после исключения из Союза писателей в 1971 году, ни после эмиграции из страны в 1974-м, ни после трагической гибели в Париже 15 декабря 1977 года. Его песни размножила магнитофонная культура. Их пел Владимир Высоцкий, на которого лирика Александра Галича оказала заметное влияние. Пели их все эти десятилетия на туристских слетах, на вечерах бардов, просто дома.

Когда-то К. И. Чуковский заметил, что Галич продолжает некрасовскую традицию русской поэзии. В 70-е стихи Галича были для многих глотком правды и свободы.

За первой публикацией уже последовали и другие — отрывки из поэмы о Корчаке появились в еженедельнике «Семья», стихи и песни в журналах «Новый мир», «В мире книг», в «Знамени» и «Неделе», в ежемесячнике «Горизонт».

27 мая прошел вечер памяти поэта в Московском Доме кино. Вели Эльдар Рязанов и Нина Крейтнер. Звучали страницы воспоминаний Михаила Козакова о генеральной репетиции «не рекомендованной» к постановке пьесы Галича «Матросская тишина». Читал стихи Борис Чичибабин. Пел Юлий Ким. Из Норвегии в дар советским кинематографистам передали копию телефильма «Когда я вернусь».

Во вторую или третью годовщину его гибели, уже на самом излете 70-х, я спешил от приятеля, пытаясь успеть на последний поезд метро. Может быть, это было просто одним из столь ценимых Пушкиным «странных сближений», но на барельефе древнего русского города, давшего поэтическое имя одному из самых дорогих мне поэтов, тлели живые, чуть обугленные морозом гвоздики. Чья-то рука дотянулась над двойной нитью высоковольтных путей, чтобы положить их вблизи от стилизованной чернильницы и гусиного пера.

Андрей ЧЕРНОВ

СВЕТОТЕНЬ

ЧЕЛОВЕК ДУМАЕТ

Юрий РОСТ,
фото автора

Философ был погружен в мысли, которых мы никогда не узнаем.

В редакцию Эвальд Васильевич Ильенков привел четверых людей, не похожих ни на кого в мире. Три парня и девушка заканчивали образование в Московском университете и теперь рассказывали о своих планах на жизнь. Двое собирались использовать знания, приобретенные на факультете психологии, где учился весь квартет, третий собирался заняться скульптурой, четвертый выбирал между научной и литературной работой. Звали последнего Саша Суворов, и говорил он о морали, чистоте мысли, о радости осознавать себя человеком и об ответственности за происходящее с другими людьми. Он говорил медленно и немного монотонно (словно боялся помешать Ильенкову думать). Но речь была правильной, без лишних междометий и вульгаризмов. Это была русская литературная речь...

В зале стояла абсолютная тишина, и в этой тишине раздался громкий и поэтому бестактный щелчок аппарата. Ильенков поднял голову и посмотрел на Сашу, словно проверил, не отвлек ли его звук, хотя знал, что и звук выстрела не сбил бы Суворова с прекрасной мысли о совершенстве человеческого интеллекта. Потому что Саша был глух. И незряч. Как и его товарищи.

Слово «чудо» часто употребляют не по назначению. Но то, что происходило на наших глазах, было точно чудо — вернее, его результат. Оно было запланировано и исполнено советским ученым А. И. Мещеряковым и его соратниками: дать слепоглухим детям слово, научить их воспринимать его и пользоваться им, научить их мыслить и действовать...

Ильенков после смерти Мещерякова отложил часть своих дел и стал помогать ребятам познавать мир... Он научился разговаривать с ними, выбивая пальцами на руке собеседника «буквы и слова», а слушать Эвальд Васильевич умел всегда.

Я пишу «умел», потому что эта фотография оказалась одной из последних при его жизни...

Грэйс Кеннан-Уарнеке — в прошлом известный американский фоторепортер, продюсер телевизионных программ — сейчас занимается новым делом. Ее по праву можно назвать «продюсером советско-американских отношений».

AMERICAN SOVIET YOUTH ORCHESTRA

ГРЭЙС ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ

Алла АЛОВА

— Грэйс, мы знаем вас как старшего редактора фотоальбома «Один день из жизни Советского Союза», который делали 100 лучших фотокоров мира. По мнению многих экспертов, это был лучший альбом из всей серии, представляющей разные страны. Чтобы сделать такой альбом, надо прекрасно знать Советский Союз.

— Только знать — этого мало! Вот много раз бываешь в стране, многое узнаешь, но это знание холодное, объективное, со стороны, часто надменное... А чтобы почувствовать страну, быть не снаружи, а хоть немного внутри — для этого визитов мало.

Мой отец состоял на дипломатической службе, поэтому в 1944 году мы всей семьей жили в Москве. Я училась в обычной московской школе — сто тридцать первой, в пятом классе. Первые три месяца я просто отсиживала на уроках, потом уже заговорила по-русски. И меня начали вызывать к доске. Чтобы меня не позорить перед учениками, учительница Нина Яковлевна за день предупреждала меня, что вызовет. И я зубрила все наизусть, не понимая многих слов. Но это поначалу...

У девочки, с которой я сидела за одной партой, отец пропал без вести на войне, мать тяжело заболела, и мою подружку с братьями и сестрами отправили в детский дом. Мне врезалось это в память — как она плачет, прощаясь, и я плачу...

С тех пор я не посторонний, я немного «человек отсюда».

— Грэйс, а что за советско-американское дело вы затеваете сейчас?

— Можно, я с самого начала расскажу, как идея родилась? Год назад мы сидели в нью-йоркском ресторанчике с друзьями. И говорили о гласности. Да-да, ваша гласность — теперь очень популярная тема у нас. Но тогда в гласность еще не очень верили, в американской прессе было много статей типа: «Слово «гласность» есть, самой гласности нет», «Ничего не изменится в СССР. Поговорят, как при Хрущеве, и все пойдет по-старому». И вот мы сидели и думали, спорили: что же такое реальное сделать, чтобы американцы поверили, что и в СССР, и в советско-американских отношениях действительно наступает новая эра. И Фредерик Старр, президент Оберлинского колледжа, специалист по русской истории, известный джаз-музыкант, говорит: «У меня классная идея! Надо собрать симфонический оркестр из молодых музыкантов. И пусть будет фифти-фифти: 50 американских и 50 советских. Они вместе поживут, порепетируют...»

Я сразу просто влюбилась в эту идею. Понимаете, музыканты из двух стран должны будут не просто найти общий язык, а сыграться! Стать единым оркестром. Оркестром-символом того, что две страны, долгие десятилетия не понимавшие друг друга, могут объединиться, могут стать друзьями.

Сейчас все уже почти готово.— Грэйс стучит по дереву.— Организаторы проекта с нашей стороны — Ассоциация АФС Межкультурных программ и Оберлинская консерватория, с вашей стороны — Министерство культуры СССР и Московская консерватория.

Уже отобраны лучшие молодые музыканты. В Америке мы провели большой национальный конкурс — прослушали 550 молодых музыкантов из 9 городов.

Уже госпожа Нэнси Рейган согласилась стать почетным президентом Молодежного оркестра.

Уже известно, что 16 июля 100 советских и американских музыкантов соберутся в Оберлинской консерватории и начнут репетиции под руководством дирижера Ларри Рачлеффа. Во время гастролей дирижировать оркестром будут также музыкальный директор Нью-Йоркской филармонии Зубин Мехта и художественный руководитель Академического симфонического оркестра Московской государственной филармонии Дмитрий Китаенко.

Гастроли молодежного оркестра по Америке начнутся 5 августа в Вашингтоне в Кеннеди-Центре, а потом пройдут в Нью-Йорке, Вашингтоне, Сан-Франциско... Гастроли в СССР будут проходить в Москве, Ленинграде и других городах.

Да, сейчас проект уже близок к осуществлению, а год назад то была только идея и я — ее исполнительный директор. Директор сама себе. Я ведь не на государственной службе. Все это — моя частная инициатива, частное дело.

Было очень трудно. Помню, я поделилась планами с советником из Агентства информации США. Он сказал мне: «Не делайте этого! Я очень хорошо знаю Советский Союз — вас ждет бюрократический кошмар. Вам наверняка придется иметь дело с двумя-тремя министерствами, а тогда вы попадете в ловушку между ведомствами — и все».

В общем, он угадал... Нет, не могу сказать, что в Министерстве культуры СССР не поддержали идею. Они сказали: «Конечно, очень интересно...» и тут же добавили: «Но масштаб слишком уж огромный...» Похоже, что «конечно» на бюрократическом жаргоне означает «хотя»...

И началось: бесконечные бумаги, согласования... Но самым трудным оказалось знаете что? В конце двадцатого века оказалось совершенно невозможным сообщаться с Советским Союзом! Почта? Письмо идет 2—3 месяца — для деловых контактов это, сами понимаете... Телекс? У вас он есть пока далеко не в каждой организации. Телефон? Я вовсе не хочу сказать, что у вас люди плохо работают, но есть своя специфика: можно звонить часами — никто не подходит. Меня если нет в бюро — все равно кто-то обязательно подойдет и примет телефонограмму.

Поэтому я страшно рада, что с 1 мая введена новая система почтовой связи между США и СССР. Платишь дополнительные 12 долларов — и тебе гарантируют, что твое письмо будет доставлено заокеанскому адресату на следующие сутки. Представляете? На следующие сутки!

Но я не хочу никого обидеть — и Министерство культуры СССР и Московская консерватория сделали очень много для осуществления проекта.

— Наш «бюрократический кошмар» нам, можно сказать, до боли знаком... А вот интересно: в США были какие-нибудь трудности с «пробиванием» проекта?

— Главная трудность была — достать деньги. Нужен-то миллион долларов! Вообще я заметила: у нас главная трудность — достать деньги, у вас — главнее бюрократические, идеологические...

Деньги я все-таки нашла, бюрократические препятствия преодолела, но была одна вещь, которая меня чуть-чуть обидела. Еще зимой я разослала информационные бюллетени, сообщающие об организации советско-американского оркестра, и нашим журналистам, и вашим нью-йоркским собкорам газет и агентств. Наша пресса тут же подняла вокруг проекта, как у вас говорят, «шумиху». И у американцев идея создания совместного оркестра вызвала огромный интерес, восторг.

Крупная международная компания «Берлиц» предложила бесплатные комплекты для американских музыкантов — кассеты с текстовым приложением для быстрого изучения русского языка. Фирма по производству мороженого хочет приготовить для будущего оркестра какое-то особое мороженое.

А ваша пресса? Промолчала. Может быть, ждет, что из всего этого выйдет? Как бы то ни было, люди в СССР пока ничего о нашем совместном предприятии не знают. И это обидно.

— Я надеюсь, что тут недоразумение... Грэйс, вы бывали в нашей стране и до перестройки и вот бываете сейчас. Что-нибудь вам бросилось в глаза, что-нибудь удивило?

— О, мой русский слишком беден, чтобы ответить на этот вопрос. Главное, что поражает,— интеллектуальный, духовный всплеск. Всплеск духовной свободы. Раньше — какая-то апатия, безразличие в маске «глубокого удовлетворения». Сейчас у людей горят глаза, куда ни придешь — споры, споры...

И еще поражает вот что. Раньше спросишь о чем-то — а у человека «единое» мнение из передовицы «Правды». А сейчас люди не боятся говорить, что думают.

— Грэйс, работа у вас, прямо скажем, не из спокойных. Не бывает соблазна заняться чем-нибудь попроще, нежели международные контакты, советско-американские отношения?

— Я люблю много работать. И чтобы был видимый результат. И потом, гласность, мир на всей земле, дружба между нашими народами — эти красивые лозунги так и останутся лозунгами, если мы, конкретные люди, не будем делать что-то совершенно конкретное для их осуществления. И Рейган с Горбачевым все это нам не создадут, они продвигают дело на своем уровне, а остальное — за нами.

Хотя иногда, когда очередной проект на грани срыва, я думаю: какого черта ты в это полезла?! Сидела бы себе продюсером на телевидении, фотокором в газете... А мама так просто считает меня ненормальной: по ее мнению, нормальная женщина должна работать в каком-нибудь офисе, например, секретаршей, с восьми до пяти.

Но я бы никогда не смогла так работать.

— Грэйс, вам бывает скучно? Или у вас вся жизнь так расписана, что...

— Скучно?.. Я не знаю этого чувства. Может быть, потому, что я такая любопытная. Я страшно люблю кино. Как только свободная минута — бегу в кино. Люблю читать. Люблю читать русских писателей, но вот странно: говорю по-русски свободно, а читаю так медленно! Обложившись словарями... В Новый год каждый раз — у американцев такая традиция — в специальную книжечку пишу, что буду непременно делать в следующем году, какой стану хорошей.

А вот одиноко бывает. Трое моих детей уже живут в разных городах, общаемся в основном по телефону. А я живу от идеи к идее, от проекта к проекту.

— Грэйс, вы, как фотокор, хоть и бывший, наверное, с фотоаппаратом не расстаетесь?

— Конечно! Только в этот раз он так и пролежал в гостинице. Я вела такие ответственные переговоры, что страшно стало: вдруг ваши серьезные начальники, увидев меня с фотоаппаратом, примут меня за легкомысленного человека, дилетанта.

— А что бы вы сняли сегодня в Москве?

— О, что бы я сняла!.. Конечно, очередь на выставку Сальвадора Дали. Дали у вас, официально — это просто фантастика!

Сняла бы художников на Арбате. Вот где свобода! И как сатирик что-то читает, а вокруг собирается толпа человек сто, смеются. Над чем? Неизвестно... Но милиция не разгоняет. Раньше-то это было немыслимо.

Еще — толпу у стенда с «Московскими новостями» на Пушкинской площади. Не понимаю, почему в Москве только один стенд с этой сверхпопулярной газетой. Вернее, понимаю, но понимать это не хочу. Впечатление, что официальная Москва боится «Московских новостей»... Сняла бы очередь в киоск за «Огоньком» по субботам. Я сама, когда в Москве, обязательно ставлю будильник на очень рано и — бегом в эту очередь.

Еще сняла бы кооперативные кафе, красиво одетых женщин, товары индивидуалов...

Ну, а в скором будущем появится еще один объект для съемки — первый американо-советский молодежный оркестр.

Я сама не умею ни на чем играть. Но, как у вас спрашивают о футболистах,— за кого такой-то играет? Так вот, я играю за перестройку!

ИВАНОВСКИЙ САМИЗДАТ

Этак можно продолжать и продолжать, ибо свершений ивановцев, как и всех советских людей, не счесть.

В. КУЛАГИН.
бывший редактор газеты «Рабочий край»

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Дмитрий ГУБИН

Когда зима 1978 года перешла в зиму 1979-го, в областном городе Иванове произошло два события культурной жизни, всколыхнувших его обитателей и даже слегка потрепавших тех, кто этому колыханию доверился.

Первым был приезд в город художника Ильи Глазунова. Илья Сергеевич привез выставку, которой отдали ряд залов Ивановского художественного музея, потеснив на время одну из достопримечательностей текстильного края — черную и зубастую египетскую мумию, неизменно притягивающую в музей ребятишек. На пресс-конференции для ивановских журналистов Глазунов сказал о своей любви к «русскому Манчестеру», о намерении построить в подчиненном Иванову Палехе новый музей для знаменитых лаковых панно и шкатулок — и выслушан был благосклонно. Отчет о встрече можно прочитать в 15-м номере ивановской газеты «Рабочий край».

При этом надо признать, что ивановцы в своей массе плохо представляли себе, кто такой Илья Глазунов, музеи посещали не иначе как на профсоюзных экскурсиях (не считая детских визитов к мумии), а потому никакого ажиотажа вокруг выставки первоначально не было, и только тонкая прослойка интеллигенции составляла живую очередь в кассу.

Думаю, во всем дальнейшем следует винить именно эту прослойку: для наших интеллигентов вообще характерно заваривать кашу в благой надежде накормить весь мир, несмотря на то, что это мероприятие оборачивается для них же самих неизменно полуголодным существованием.

Но ивановская интеллигенция тогда о диалектике не думала и, видимо, слегка уязвленная немассовостью выставки, начала проводить воспитательную работу: мол, посмотреть следует непременно, ибо Глазунов, как бы поточнее сказать, художник не совсем официальный, а может быть, даже совсем неофициальный, его картины закупает заграница, и на одном холсте у него нарисована очень красивая, но совершенно голая девица, перебирающая конверты пластинок Элвиса Пресли, являющегося, как известно, агентом ФБР; на другой картине, которая в Иванове не выставлена, но которая точно есть, лежит в кровавом гробу Сталин,— так что, выходит, просто удивительно и невероятно, что такая замечательная выставка устроена именно в нашем городе. Агитация имела успех, и вскоре очередь в кассу заметно возросла, потом вылезла и на улицу, а затем началось и вовсе столпотворение, недовodимое до размеров вавилонского разве что стайкой людей в пальто цвета маренго, в сапогах и с бляхами. Тут уже пошло черт-те что, и появились откуда-то непонятные свитерастые бородатые молодые люди, с видом знатоков утверждавшие, что выставляется Глазунов вовсе не по приглашению областного отдела культуры (как сообщала пресса), а потому, что в Москве его персональную выставку зарубил секретарь Академии художеств.

Ясно стало, что назревает скандал.

Я тогда учился в восьмом классе и отрабатывал в себе, как мне тогда казалось, качества совершенно необходимой журналистской прохиндеистости, подрабатывая в ивановской печати фотоснимками и небольшими статейками. Хорошо помню это предгрозовое ощущение, когда крючконосый, маленький и неутомимый фотокор Александр Дворжец сдавал ответственному секретарю фотографию за фотографией, включая общий вид очереди, голую преслевскую девицу, из чего в конечном итоге для публикации отбирался портрет детского писателя С. В. Михалкова, изображенного художником с взятым на изготовку пером перед стопкой абсолютно чистой бумаги,— ах, память моя фиксировала все подробности, да мозг еще не осмыслял: как жаль, что только сейчас мне стала очевидна взаимосвязь лиц и событий...

Ивановцы прекрасно знали, что скандалы нехарактерны для нашей системы, и спешили посмотреть выставку, пока ее вместе с нехарактерностью не прикрыли начисто. Все настолько были готовы к непременной беде, что, не случись ее, беду бы выдумали. Она же, как водится, пришла оттуда, откуда не ждали: в январе, чуть запоздав, городская «Союзпечать» доставила подписчикам декабрьский номер ленинградского журнала «Аврора». Всего подписчиков было немного, журнал прочитали не сразу, но потом все читавшие как-то разом заговорили об опубликованных в нем стихах Евгения Евтушенко «Москва — Иваново»; говорили, между прочим, что врезал он нашим властям промеж глаз здорово; и что влетит же ему теперь за это; и что, молодец, поддал Жень Саныч пару всем, кто еще надеется освоить всякие там нечерноземные программы,— из одних только этих не слишком внятных реплик можно было понять, что «Аврора» допустила какой-то идеологический промах, по сравнению с которым и скандальная выставка — так, мальчишеская шалость.

Впрочем, прежде чем объяснить, что за публикацию позволила себе редакция журнала, возглавляемого писателем Г. А. Горышиным, совершенно необходимо ближе ознакомиться с городом Иваново по зиме 1978/79 года, чтобы у читателя не сложилось ощущения ивановской провинциальности, забитости и непросвещенности. Ей-богу, это было бы несправедливо по отношению к городу, давшему стране поэта Михаила Дудина, модельера Вячеслава Зайцева и каждый четвертый метр хлопчатобумажной ткани.

Итак, следует сказать, что город Иваново отнюдь не отстал ни в культурной, ни в иных областях. Работали два театра и строился, отмечая пятнадцатилетие строительства, третий, некогда заложенный на месте стертого с лица земли православного собора: под собором, как выяснилось впоследствии, протекала подземная речка, в которую опускался плотинообразно мастодонтистый театр по мере своей постройки. Несмотря на такую сложность, строительные организации приобретали мало-помалу гидротехнический опыт, периодически приостанавливая театральное падение и опускание. Решалась успешно жилищная проблема, было возведено несколько двенадцатиэтажных домов, и в районе улицы Станционной предполагалась закладка шестнадцатиэтажного. Любопытно отметить, что еще до начала всех работ место постройки первого ивановского небоскреба было увековечено открытием памятника Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу — это, конечно, было почином, нашедшим в стране самый горячий отклик. Памятник представлял собой дымчато-мраморное сооружение, напоминающее одновременно развернутое знамя и раскрытую книгу, левую страницу которой занимал выполненный маслом портрет Л. И. Брежнева, а правую — его цитата бронзового литья. По мысли отцов города, шестнадцатиэтажная махина должна была произрастать прямо из этого иллюстрированного издания, как бы молчаливо намекая на то, что каждому делу предшествует партийное слово.

Правда, не обошлось без рецидивов несознательности: отдельные граждане не только прозвали в силу топографической привязки памятник вождю «станционным смотрителем», но и несколько раз пытались изничтожить иллюстрированную часть.

Тогда возле памятника появилась будка с телефоном без диска, а возле будки день и ночь стали прогуливаться все те же граждане в маренговых пальто и с кокардами, что в Иванове обозначает фирменную

одежду маленького, но чрезвычайно действенного общества охраны памятников...

Замечу еще, что проблема снабжения продовольствием, то есть отсутствия снабжения, Иваново затронула меньше других городов: конечно, ни масла, ни колбасы, ни мяса ивановцы в магазинах не видели, поскольку вкусные и полезные продукты исчезли, а карточки на них не появились; плохо, кроме того, было с молоком и сметаной, но зато всегда в продаже были пельмени и куры. Это выгодно выделяло Иваново в ряду других областных центров, как выделялся в свое время крестьянин-середняк на фоне крестьян-безлошадников. Во всяком случае, если ивановские автобусы можно было заметить у московских универсамов, то возле ивановских продмагов можно было заметить автобусы костромские и ярославские.

Это, конечно, самый общий абрис ивановской жизни, этак можно продолжать и продолжать, но приходится себя ограничивать, чтобы возвратиться к поэту Евгению Александровичу Евтушенко и его искусству, потребовавшему от ивановцев самых взаправдашних жертв.

Итак, в декабрьской «Авроре» было помещено стихотворение «Москва — Иваново», где поэт описывал поездку в город славных текстильных традиций в «нескором поезде», вагоны которого битком набиты людьми, которых «зажали, как в тиски, апельсины микропористые — фрукты матушки Москвы», а также «порошок стиральный импортный, и кримплен, и колбаса». Сам Евтушенко едет в купе, с ним трое попутчиков, которые дремлют, но продолжают и во сне охранять с боем раздобытое в Москве добро:

Прижимала к сердцу бабушка
ценный сверток, где была
с растворимым кофе баночка.
Чутко бабушка спала.

Прижимал командированный,
истерзав свою постель,
важный мусор, замурованный
в замордованный портфель.

И камвольщица грудастая,
носом тоненько свистя,
прижимала государственно
свое личное дитя.

Поскольку сам Евтушенко был поэтом, то без с собой нечто нематериальное: он

...Россию серединную
прижимал к своей груди,—

в чем можно видеть лирический перегиб, но можно — и весьма важное отличие провинциала, занятого проблемой поиска хлеба насущного, от москвича, решившего проблему личного снабжения всерьез и надолго.

Ох уж этот нескорый поезд № 662! Я изучил его, пока был студентом, вдоль и поперек, и навеки запомнил, какое тяжкое зрелище он представляет даже в купейном варианте, не говоря уж про общие вагоны, где с третьих полок капает на вторые оттаявшее в поезде мясо, где люди сидят голова на голове и две соседки ночь напролет спорят, сколько зарабатывает Эдуард Хиль и стухнет колбаса «Останкинская» до Иванова или же обождет...

Так что мне весьма понятны чувства Евтушенко, вопрошающего:

Мы за столько горьких лет
заслужили жизнь хорошую?
Заслужили или нет? —

как понятны и чувства ивановцев при чтении этих стихов: это была еще не вся правда, поскольку ответ на вопрос «заслужили или нет?» давался слишком расплывчатый: «Что исполнится, то вспомнится кем-нибудь когда-нибудь»,— но уже ее попытка. А так как именно конкретизации ивановцы жаждали, то они прочитали всю стихотворную авроровскую подборку и вслед за «Москвой — Иваново», через типографский знак, называющийся типографскими рабочими неопределенно-любовно «бубочкой», прочли еще одно стихотворение из шестнадцати строк, которое мне хочется привести полностью. В силу неопределенности постановки одиночной бубочки было совершенно непонятно, следует считать шестнадцать строк отдельным стихотворением или как бы прицепным, дополнительным вагоном, также прибывшим в Иваново, и ивановцы решили, что прицепным:

Достойно, главное, достойно
любые встретить времена,
когда эпоха то застойна,
то взбаламучена до дна.

Достойно, главное, достойно,
чтоб раздаватели щедрот
не довели тебя до стойла
и не заткнули сеном рот.

Страх перед временем —
паденье.
На трусость душу не потрать,
но приготовь себя к потере
всего, что страшно потерять.

Но если все переломалось,
как невозможно предрешить,
скажи себе такую малость:
«И это можно пережить...»

Эти шестнадцать строк были, таким образом, все-таки некоторой программой социального поведения, и я, право, удивляюсь, как они могли быть напечатаны в 1978 году — мне почему-то кажется, что вне контекста их трудно было бы напечатать и сейчас...

Соединение поэтического и политического должно было вследствие превышения критической массы вызвать в Иванове взрыв и вызвало.

Первый ответный залп по «Авроре» сделал работавший в то время первым секретарем Ивановского обкома КПСС В. Г. Клюев. На информационной встрече идеологического актива области 17 января 1979 года он, по позднейшему сообщению печати, вынес приговор, суть которого сводилась к фразе: «Осмысливать настоящие жизненные явления и измышлять их во сне — вещи разные». И, видимо, чтобы в мозгу ивановцев не возникало вредной путаницы между сном и явью, «Аврора» была изъята изо всех библиотек, а ивановское радио получило команду: никаких песен на стихи Евтушенко, за исключением «Хотят ли русские войны», в эфир не пущать.

Можно только пожалеть идеологических активистов, которые по своей наивности сразу же после закрытия встречи кинулись раздобывать «Аврору» в бибсети, но и порадоваться их настойчивости, ибо вскоре стихи Евтушенко переписывались от руки, заучивались наизусть, перепечатывались на машинке, ксерокопировались, ротапринтировались, перефотографировались... Пусть будущий ивановский историк пометит это время как начало ивановского самиздата, когда к 169 000 центрального тиража «Авроры» прибавилось несколько тысяч или по крайней мере сотен тиража местного.

Но это был не единственный вид творчества масс, который пробудила литературоведческая речь первого секретаря.

Спустя некоторый срок одним из ответных творений стало выступление в собственной газете редактора Кулагина, занявшее половину полосы 95-го номера и потеснившее даже традиционное обсуждение бестселлера тех лет «Целина» — подобно тому, как Глазунов вытеснил в художественном музее мумию. Если В. Клюев давал стихотворению общую оценку, то В. Кулагин шел дальше. Евтушенко был дан бой по всем пунктам: объявлялось, например, что в своей давней поэме «Ивановские ситцы» «святое для всей России слово «Иваново» он рифмует со словами «пьяново», «рваново», «надуваново», по существу ставит между ними знак равенства, что картина быта и нравов поезда № 662 «нетипична»; что «область и страна хорошо знают и любят дорогих камвольщиц»; что бабушка с баночкой кофе «карикатурна»; что командированный вез никакой не «мусор», а «планы обновления наших полей в свете постановлений партии и правительства» — отлуп, как говаривал дед Щукарь, был полнейший.

Единственным неоспоренным тезисом Евтушенко остался, кажется, лишь тезис о грудастости ивановских камвольщиц: подозреваю, что В. Кулагин, конечно, видел за этим непристойный намек на нездоровую манчестерскую распущенность, но все же не решился впрямую выставить антитезу об антигрудастости — как не соответствующую истинно народному типу телосложения. Спорить с Евтушенко в этом вопросе было щекотливо...

Другим откликом было стихотворение анонимного автора, начавшее бурное хождение по рукам горожан и известное под названием «Ответ Евгению Евтушенко», уже своим заголовком как бы намекающее на возможность в наше суровое время продолжения стихотворно-эпистолярного жанра (ивановский стихотворец — московскому метру) или даже провоцирующее Евтушенко на очередной полемический выпад.

Заранее прошу прощения за обильное цитирование «Ответа», но оно совершенно необходимо: достать ныне «Ответ» гораздо сложнее, чем подшивку «Авроры» или «Рабочего края».

Композиционно «Ответ Евтушенко» делился на две части, констатирующую и полемизирующую, причем основная, констатирующая, была написана слегка хромающим пятистопным ямбом, который нередко использовали (хотя и без хромоты) русские поэты для создания шедевров лирики, например, «Я вас любил: любовь еще, быть может...». Вначале неизвестный до сих пор литератор констатировал расклад сил:

Смотрю на строки, что с таким
гореньем
Евгений Евтушенко написал,
которые с не меньшим вдохновеньем
на партактиве Клюев изругал.
За что ругал — мне не совсем
понятно:
что здесь пасквильного и кто
из них не прав?

Пасквильного, по мысли автора «Ответа», и впрямь не было, ибо когда голодает страна — это трагедия, а не пасквиль, в доказательство чего анонимный правдолюбец в следующих четырех строфах давал развернутое описание ивановской жизни, нищей и сирой, но завершал его на контрапункте, оптимистично и в мажоре:

Вот в Ярославле, говорят,
в соседнем
за молоком — так в пять утра
встают...
Да что и говорить, неплохо
мы живем...—

и за этим «мы» стояли не переводящиеся в Иванове куры и пельмени, а также укор мастеру: уж если ивановцы способны в своей жизни видеть светлые стороны, то не Евгению Александровичу жаловаться на них.

И аноним переходил от скрытой иронии к менее скрытой:

Зачем же патриотом притворяться,
шуметь, кричать, в грудь кулаком
стучать,
змеей шипеть и по углам
шептаться?
Достал — и съел. И много
не болтать,—

после чего пятистопный неспешный ямб заменялся четырехстопным, употреблявшимся в отечественной лирике для жанра посланий, например, «Во глубине сибирских руд...», а неизвестный стихотворец указывал на беды, которые могут последовать от разговоров во весь голос, и приводил в пример «тридцать седьмой, тридцать восьмой», и приходил к выводу о полной бессмысленности открытой борьбы:

Так как «достойно»? Где решенье?
Давно народ в набат не бил?
«Храните гордое терпенье»?..
Об этом Пушкин говорил...

А завершался «Ответ» опять-таки ироническим советом Евгению Евтушенко подобных стихов не писать, поскольку столичная безопасность не чета ивановской:

Поэтому не трогай душу,
ведь ты поэт: как не понять,
что я совсем почти не трушу —
свободу жалко потерять,—

чуть забегая вперед, скажу, что как в воду глядел безымянный автор!..

Но пока все было спокойно, и только листки с «Ответом» носились туда-сюда по Иванову, размножаясь со скоростью мушки дрозофилы. Эти чуждые генетические штучки должны были непременно аукнуться, но тогда все только перекликивались, и я сам в один прекрасный день раздобыл разом три списка «Ответа»: один — в комитете комсомола школы, второй — в Доме печати (там его тиражировало в пять закладок все машбюро), а третий принес из института отец, заметивший, что есть во всех этих самодельных ответах что-то непрофессиональное, но пушкинское... лермонтовское... что-то от зари нашей когда-то бесцензурной литературы.

Два листка я пустил в множительный оборот, а третий зачитывал кому ни попадя, одноклассникам и старшим приятелям, давал, кажется, кому-то из учителей и чувствовал себя, скажем так, «частицей общего дела», какого именно — ей-богу, тогда бы я не ответил.

Все прекратилось в один день (забавно, что неофициальная информация доходит до всех единовременно, будто копится-копится за плотиной, а потом прорывает: в один день стал популярен в Иванове Глазунов, в один день стал он скандален, в один день все узнали про Клюева, про «Аврору» и т. д.), точнее, в один вечер, я запомнил его особенно хорошо. Отец пришел с работы позже обычного и вошел ко мне в комнату странной для него, какой-то военной походкой.

— Где Евтушенко и этот...— он попытался щелкнуть пальцами, но не получилось, так что отец поморщился,— ответ?

Я пожал плечами, и тогда отец развернул меня лицом к себе и, крепко взяв за плечи, очень медленно произнес глаза в глаза каким-то подчеркнуто безразличным голосом:

— Ты кому-нибудь... давал это читать?

Подобное обращение было странно в нашей семье, так вели себя только герои «мужских» сцен очень плохих фильмов, ежедневно показываемых по второй программе, и от этой неестественности я почувствовал холод где-то слева и, пытаясь скрыть внезапный страх, соврал:

— Не-е-ет... Ты что?

Дальше в моей памяти следует десятиминутный провал, я могу вспомнить лишь отдельные фразы:

— Ты никому... может всякое быть... и на работе... партком... И. И. Ч-кая (следовала фамилия женщины, коллеги отца)... машинистка... в «серый дом»... аресты... пойми...

И я, вмиг познав непрочность домашних стен, дрожащими руками от-

дал несчастные стихотворения, которые к тому времени заучил наизусть, и отец взял листки и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь, а через десять минут вернулся и нормальным уже голосом повторил, что я большой и должен понимать некоторые вещи, что в институте только что окончилось закрытое заседание парткома, где после предварительного объяснения райкома «Ответ Евтушенко» был назван диссидентскими стишками, что И. И. Ч-кой, заведующей кафедрой иностранных языков, за чтение ее преподавателями «Ответа» уже влеплен выговор, и это несмотря на слезы Ч-кой, и объяснения, что она в день читки в институте не была; ну и, похоже, что какую-то машинистку, обвинив в распространении антисоветской литературы, доставили в «серый дом», а может, и не ее одну, так что времена теперь могут быть всякими и нужно быть готовыми... «Всегда готов!» — так, вероятно, полагалось отвечать отцу, но я уже пионером не был...

Думаю, это и есть кульминация истории ивановского самиздата: не повсеместные экстренные партсобрания, не упорные разговоры о заведенных делах по статье 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда», а разговор в комнате двухкомнатной кооперативной квартиры с невыплаченным паем, после которого мой отец, кандидат наук и доцент, только что вернувшийся из-за границы, где заведовал кафедрой крупного института, написавший, прочитавший и издавший на французском языке несколько курсов лекций, поклонник Тулуз-Лотрека и Дега, идет в кухню уничтожать стихи... Не жег же он их, как Штирлиц, в тигельной лабораторной чашечке? Наверное, просто порвал и выкинул в мусорное ведро.

Теперь это не важно. Зимой 1979 года я видел отца в особую минуту и больше таким уже не увижу никогда. С первым теплом все Иваново опять как-то вдруг разом заговорило о том, что весть об ивановских карательных акциях докатилась до Москвы, «первого» вызывали на ковер и дали нагоняй за «перегибы», все репрессированные прощены, а дела замяты.

Трудно сказать точно, как там было на самом деле.

ЭПИЛОГ

Осталось рассказать только о дальнейших судьбах людей, так или иначе оказавшихся причастными к истории ивановского самиздата.

С Ильей Сергеевичем Глазуновым я встретился позднее, в Москве, когда, учась на журфаке, брал одно из первых в своей жизни интервью. Ставя визу, Глазунов вдруг неожиданно пригласил меня позировать для его картины под названием «Похороны», которая огромными своими размерами занимала половину его немаленькой мастерской, не вмещаясь в нее, как не вмещалось «Утро стрелецкой казни» в мастерскую Сурикова. На прописанном заднем плане низкое небо давило серые серийные дома, сжатые еще и черной лентой московской окружной автодороги, а на переднем лежала в гробу возле вырытой могилы на старом, с мраморными ангелами кладбище старушка — ее осенял крестом священник, а рядом скорбели родственники и прощающиеся: рабочие, интеллигенты, военные, дети, служащие... Поскольку с меня предполагалось писать фигуру наглухо заджинсованного фотографа, запечатлевающего этот апокалипсис, я спросил, что символизирует старушка. Аристократическим голосом, в который вкрадывалась мешающая, дребезжащая нотка, как будто это был не голос, а чашечка гарднеровского фарфора, давшая трещину от небрежного хранения, Глазунов ответил:

— Кого хоронят, кого хоронят... Россию, бабушку, Советскую власть хоронят,— и, поскольку стояли времена позднего застоя, я, подумав, позировать согласился, хотя мой вид на картине — в три четверти со спины.

С художником Глазуновым я с тех пор не встречался, он в Иваново больше не приезжал, музей по его проекту в Палехе не построили, а мумию на прежнее место не вернули — она оказалась не древнеегипетской, а поддельной, фальшивой. По сообщениям газет знаю, что Илья Глазунов по-прежнему пишет, как, впрочем, и Евгений Евтушенко, только один — картины, а другой — стихи.

Редактор «Рабочего края» В. Кулагин, призывавший в свое время кары на головы как Евтушенко, так и руководства «Авроры», вынужден был уйти на пенсию где-то при Андропове, и мне бы не хотелось тревожить всуе его пенсионный покой.

Впрочем, кара журнал «Аврора» все-таки постигла: ровно через три года после публикации стихов Евтушенко вышел декабрьский номер журнала за 1981 год, вторую страницу которого украшала картина живописца Д. А. Налбандяна, называвшаяся «Выступление Л. И. Брежнева на конференции в Хельсинки. К семидесятипятилетию Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума...». Но постигла, конечно, не за тиражирование более чем посредственной картины, а за публикацию в том же номере рассказа ленинградского писателя Виктора Голявкина. Сам по себе рассказ был безобиден, он высмеивал абстрактного литературного начштаба, но, во-первых, назывался «Юбилейная речь», а во-вторых, занимал ровно семьдесят пятую страницу журнала. Рассказ начинался так: «Трудно представить себе, что этот чудесный писатель жив. Не верится...» — и заканчивался опровержением слуха о смерти писателя: «Радость была преждевременна. Но я думаю, что долго нам не придется ждать. Он нас не разочарует. Мы все верим в него. Мы пожелаем ему закончить труды, которые он еще не закончил, и поскорее обрадовать нас. (Аплодисменты.)».

Увы, действительно, одним из нравственных последствий царения Брежнева было превращение его смерти в фарс еще при жизни. Ведь он «умирал» не единожды, и помню, что, когда 11 ноября 1982 года я пришел на лекции и услышал, что «Брежнев умер», то машинально спросил: «Как, опять?» К тому же особое косоглазие тех времен учило читать между строк и там, где ничего не написано,— стоит ли удивляться, что очень многие не могли устоять перед соблазном сохранить для себя 75-ю страницу и вновь ксерокопировали, переснимали... Это была вторая, уже всесоюзная волна журнального самиздата, которая, прокатившись по стране, имела то последствие, что слизнула из списка редколлегии «Авроры» фамилии главного редактора и ответственного секретаря.

Разгромленная под сурдинку «Аврора» почти потонула, уменьшив тираж до минимального в 105 800 экземпляров, но потом, к счастью, выравнялась и сейчас идет нюх в нюх со «Знаменем»: полмиллиона. Жизнь в потемках портит зрение, и я долго сомневался, была история с публикацией «Юбилейной речи» фигой в кармане или же это мы, всем миром, хотя и с разными целями, усиленно пытались отыскать фиги, сиречь инжир, на хвойном древе отечественной публицистики. Это теперь я точно знаю, что никто никаких шпилек не подкладывал, но теперь я сам работаю в «Авроре» и Иваново уже давно покинул...

После смерти Брежнева (некролог в «Авроре» был поставлен ровно через год после «Юбилейной речи», опять-таки в декабре) и вышедшего наружу дела министра внутренних дел Щелокова в Ивановском управлении внутренних дел сочли, что содержать круглосуточно общество охраны памятников будет слишком накладно, и людей с портупеями убрали от «станционного смотрителя», вместе с будочкой. Одновременно пришлось заняться и перестройкой: портрет экс-генсека заменили гербом СССР, а бронзовую цитату — бронзовым куплетом гимна. Ивановцы могут гордиться, что в их городе установлен уникальный памятник на стихи С. Михалкова и Г. Эль-Регистана, как, впрочем, могут гордиться и завершением двадцатилетней реконструкции гигантского театра: театр этот перестал уходить под воду и, пережив всего-навсего один пожар после завершения постройки, теперь принимает в своем гигантском чреве зрителей, массовости которых добиваются по-прежнему активные ивановские профсоюзы.

По перестройке «станционного смотрителя» Владимир Григорьевич Клюев оставил пост первого секретаря Ивановского обкома и стал министром легкой промышленности страны. Мне приходилось слышать, что это именно он способствовал изданию на русском языке журнала «Бурда», и если это действительно так, то это мирит с ним не только ивановских женщин, но и меня.

И. И. Ч-кая по-прежнему работает в Ивановском химико-технологическом институте, выговор с нее был снят через полгода после вынесения, она пользуется уважением и любовью, хотя и вспоминать об истории со стихами не любит, как не любят вспоминать некоторые ивановцы, знакомые мне.

Остальные косвенные участники самиздата, к которым я отношу фотокора Александра Дворжеца и поэта Сергея Михалкова, чувствуют себя тоже хорошо, за исключением моего отца.

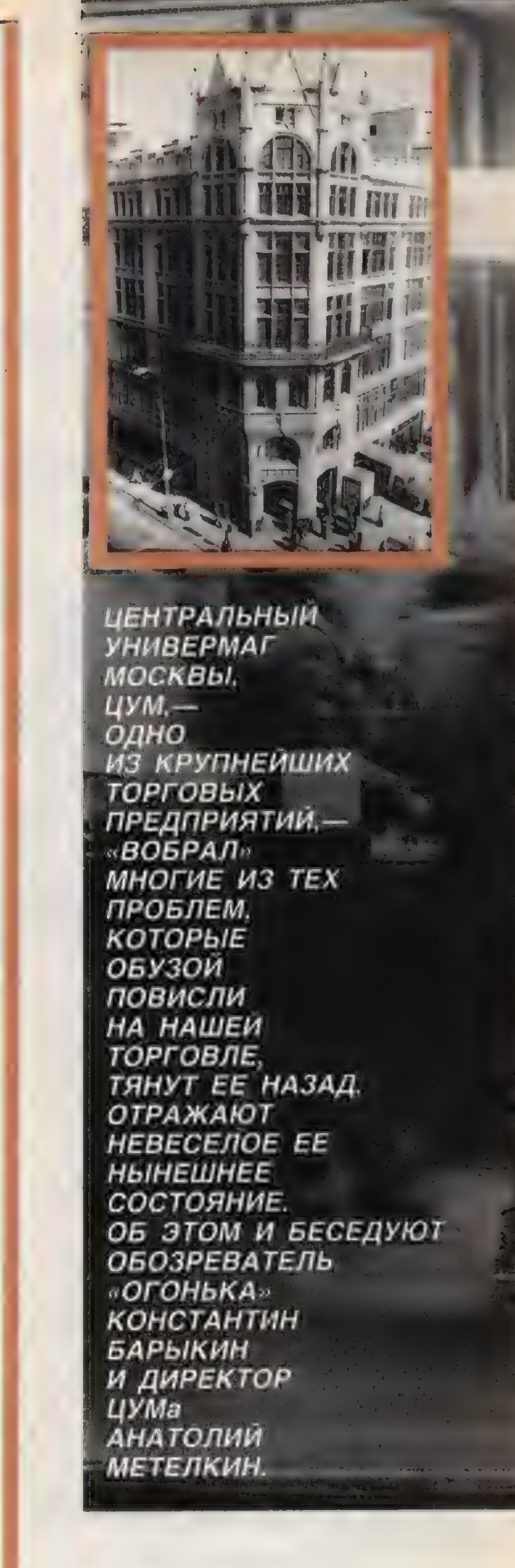
В августе 1980 года мой отец вышел на прогулку перед сном и был убит шестнадцатилетним мальчишкой, позарившимся на его американские джинсы. Мы остались вчетвером: мама, я, маленькие сестра и брат. Произошло это на центральной улице города, между Домом быта и универмагом. Хорошие джинсы тогда в городе продавались по 300 рублей, со спекулянтами велась борьба. Впрочем, по некоторым сведениям, это был не один мальчишка, а несколько,— ивановская милиция так и не смогла раскрыть всех обстоятельств дела, и мама писала жалобу министру внутренних дел Щелокову, она не знала, как это было наивно.

А может быть, и знала, но что оставалось делать?..

Я продолжу, но с абзаца.

Ничего мне не известно о судьбе той женщины-машинистки (или опять-таки нескольких женщин), что решились перепечатать понравившийся им «Ответ Евтушенко». Порой мне кажется, что все разговоры о приводах и допросах — плод общественного воображения, но некоторый опыт времени да рассказы лиц, наотрез отказавшихся от появления в печати их фамилий, убеждают, что это не так. И тогда я думаю: что должна была чувствовать эта машинистка, доставленная в Комитет государственной безопасности, что говорить и от чего отрекаться,— как думаю и о том, что должен был чувствовать мой отец, когда велел немедленно уничтожить мой самиздатовский список? Право, мой тогдашний детский страх не идет в сравнение со страхом этих людей, и от этого мне становится еще печальнее.

Хотя совсем в миноре завершать бы не хотелось. Многие отрадные моменты можно отыскать в жизни того же Иванова сегодня. Например, масло по карточкам получают уже все без исключения несовершеннолетние граждане города. А пельмени до сих пор продаются без карточек, и их завались в любом продовольственном магазине. Если купить пельмени и завернуть их в десяток целлофановых пакетов, то они великолепно перенесут ночь в поезде до Москвы, где пельмени пока в недостатке,— и, право, мне очень странно, почему приезжающие в командировку москвичи так не делают.

■

— Анатолий Иванович, ЦУМ знают все. Он не нуждается в представлении. И все же...

— Центральный универмаг Москвы был открыт в 1922 году. От имевшего европейскую известность торгового дома «Мюр и Мерилиз» он унаследовал здания, оборудование, мебель. А также некоторые привычки и манеры, ведь в ЦУМ пришли люди, ранее работавшие у «Мюра», как тогда говорили. Место, где стоит универмаг, наши прадеды считали лучшим местом для торговли.

Сейчас ЦУМ — 4600 человек, одиннадцать магазинов в разных концах города. Каждый день к нам приходят почти 150 тысяч покупателей.

— Покупателей или посетителей?

— За день делается свыше 100 тысяч покупок. Каждый третий уходит с пустыми руками. Но не исключено, что соотношение еще менее благоприятное,— подсчет покупательских потоков ведется весьма приблизительно. Восемьдесят процентов покупок приходится на иногородних. Дневная выручка — более двух миллионов рублей. ЦУМ — море людей, море товаров, море проблем.

— О проблемах — чуть позже. А пока — сколько товаров одновременно предлагает ЦУМ, какую долю составляют новые изделия?

ЦУМ КАК ТАКОВОЙ

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ТОВАР — ПРИЛАВОК — ПОКУПАТЕЛЬ

— Наш ассортимент — товары почти восьми тысяч наименований. Вместе с покупателями мы заинтересованы не столько в новых, сколько в ходовых изделиях. Новое — далеко не обязательно популярно среди посетителей магазина. Вот, например, получили фены. И около сорока процентов из них не прошли предторговой проверки. Много бракованных телевизоров. Мне иногда кажется, что по надежности они уступают поступавшим ранее. Довольно много обуви, была и с индексом «Н» (новинка). Однако качество зачастую такое, что покупатель смотрит на эти туфли и ботинки с тоской и отрицанием.

— Спросил о новинках потому, что «Огонек» ведет рубрику «Товар — прилавок — покупатель». Одна из задач: выявить хорошие изделия культурно-бытового и хозяйственного назначения, помочь появлению их в магазинах...

— Слежу за публикациями. Но не вижу системы в их появлении на журнальных страницах. Отвели бы им определенное место — читатель знал бы, где искать интересующую рубрику.

А в том, что такие публикации затрагивают интересы многих, я недавно получил подтверждение. К нам обратились покупатели, спрашивали: когда будут в продаже часы с дисплеем, когда можно купить домашний «огород»? И ссылались на то, что читали об этом в «Огоньке». А мы о нем сами только из публикаций и знаем... Кстати, многое из того, за что борется журнал,— и двухкассетник «Протон», и всякая хозяйственная «мелочевка», и лучшие модели Первого часового завода — охотно бы приобрели для ЦУМа. Есть поэтому предложение: учредить «Приз покупательских предпочтений» для самого популярного товара года. Тогда рассмотрели бы в нашем коллективе и вопрос о премии ЦУМа (именно так — премия магазина!) руководителю или конструктору завода, поставившего в этом году самый интересный товар, изделие, которого рынок прежде не знал и которое пришлось, как говорится, ко двору.

— Предложение принимается. Остается узнать, как отнесутся к нему читатели журнала.

— А об этом вы у них и спросите.

— Будем считать, что сделали это. Теперь, проблемы. Их всегда было много, но сейчас пора бы назвать хотя бы некоторые, а значит, начать и избавляться от них. Думается, застойное положение, в котором оказалась торговля, не изменится до той поры, пока отрасль не вскроет, не обнажит ту сложную ситуацию, в которой она оказалась. А как это сделать без полной и абсолютной откровенности? Но вот к ней-то, как представляется, торговля и не готова. В частности, потому, что нет у вас (я говорю не о ЦУМе, о торговле вообще) таких лидеров, таких смелых и инициативных людей, которых можно было бы поставить вровень с офтальмологом Федоровым, станкостроителем Кабаидзе, «архангельским мужиком» Сивковым... Отрасли нужны авторитеты, люди коммерчески мыслящие, предприимчивые, не пасующие перед трудностями.

— Еще с тридцатых годов торговлю направляли в тупик. Ей предназначалось только то, что выкроят от «более важных задач». Мы испытали все «прелести» остаточного принципа. Положение, из которого теперь быстро не выбраться, складывалось постепенно. К тому же возникла путаница в умах и понятиях. Слово «коммерсант» стало бранным, оказалось рядышком с такими, как «фирмач», «делец». А коммерсант — это становой хребет торгового дела. Без энергичного, рискового, знающего специалиста — торговля не торговля... И такие люди были. Но одновременно с ними в торговле обосновались и жулики. И когда выкорчевывали вторых, досталось и первым. Немало было сделано, чтобы отбить инициативу, лишить коммерческой хватки.

— Коммерческий риск. Как эта экономическая категория работает на развитие торговли? И работает ли?

— Коммерческий риск на долгие годы вычеркнули из торгового дела. Он был просто-напросто запрещен. Есть планы, есть нормативы — и чтобы никаких «вольностей». Я как-то просмотрел старые приказы и распоряжения. Знаете, какое слово чаще всего повторяется? «Запретить!!!» А надо бы — «разрешить!» Потому что частокол запретов давит инициативу, пестует не творца. И вырождалась профессия. Сейчас я не вижу на московском торговом горизонте коммерческих талантов. Но уверен, в целом в отрасли есть еще потенциал таких людей. Малышенко из Винницы, Сидой в Челябинске, директор комбината питания на ВЭФ в Риге Козловская... Но даже им не всегда хватало сил, чтобы разорвать путы инструкций, запретов. Хотя то, что они уже сделали, заслуживает уважения. Вот бы газетам и журналам взяться дружно за руки! Но этого нет. Телевидение их показывает реже, чем инициаторов и новаторов других отраслей.

— Разве так? Сидой, например, в бытность свою директором магазина, даже книжки издавал о челябинской торговле, публиковались статьи, очерки, интервью. Но вот оставил свое директорское кресло Сидой, стал начальником управления торговли. А дело особого развития не получило, насколько я знаю...

— И все же подчеркну: от общественного мнения подчас зависит успех

или неуспех дела. Конечно, проще найти антигероев, подать «негатив» — смачно, звонко. Почему вы так остерегаетесь рекламировать хорошее в торговле? Просто хорошую работу! Никаких «жареных» фактов. Или побаиваетесь: и о нем напишу, а он оступится? Низок престиж работников торговли...

— Престижность, по наблюдениям психологов, формируется прежде всего теми, кто представляет ту или иную профессию. Другими словами, работа настолько престижна, насколько этого хотят — и добиваются — ее представители. Нелегко уважать продавца, когда он предельно, а то и запредельно невнимателен к покупателю. «Излечися сам», как говорится...

— Да, профессионализм, в том числе профессиональные правила поведения, профессиональные манеры, пока не стали нормой. Мы испытываем хронический недобор продавцов и кассиров. Неохотно идут к нам... Причина? Все та же непрестижность профессии, плохие условия работы.

Уровень обслуживания зависит и от количества проданных товаров. Чем больше реализация, чем напряженнее планы при одних и тех же штатах, тем ниже культура. Мы же все время словно бежим за призраком: хотим все продавать с очередями и при этом показать культуру. Это самообман. Я не оправдываю наши срывы, говорю лишь об условиях, в которые мы поставлены.

— Но и обычное, повседневное поведение торговых работников не включишь в перечень «хороших манер». Придешь в магазин, встанешь в очередь и видишь, как, минуя ее, прямо к прилавку подходят девушки в фирменных халатах. Они из соседнего магазина, их, стало быть, надо «отоварить» быстро. Такое и теперь в порядке вещей... Кому это понравится? Есть и другие причины некоторого противостояния в схеме: торговля — покупатели. В большом городе социологи проводили исследование уровня жизни населения. В одну из девяти групп попали работники торговли. Цитирую: «Характерная черта этой группы — сравнительно невысокие доходы и очень высокий уровень имущественного обеспечения». Как это объяснить?

— Один мудрец назвал жизнь дорогой соблазнов. А торговля в этом смысле — сконцентрированное отображение жизни. Товар, связи — все рядом, под рукой... Давайте пометчаем. Исчез дефицит, в магазинах все есть. Зашлакатилась только по старым фельетонам известная формула: «ты — мне, я — тебе». У торгового работника исчезает спесь, появляются и хорошие манеры, и профессионализм, по-другому смотрит он на мир, и в знакомстве с ним никто не заинтересован. И каждый понимает: кроме каждодневного труда, нет других путей, чтобы добиться уважения и удовлетворения от работы. Вот на какой платформе можно ждать повышения уровня культуры обслуживания, появления крупных торговых лидеров.

— Спиваков, Кабаидзе, Федоров, Сивков начинали не в тепличных условиях. Они вели — и ведут! — бескомпромиссную, часто жесткую борьбу с рутиной и рутинерами, с бюрократией. И не сразу начали побеждать...

— В торговой отрасли для развития таланта нужны условия. Их пока нет. Сфера торговли слишком заметно отличается по своей специфике от областей, в которых творят названные вами лидеры.

— Однако пора поговорить о товаре.

— Он не в наших руках. Мы не всегда знаем, что получим завтра, будут ли выполнены договоры, по которым должна прийти с заводов или объединений та или иная продукция. В этом году, как и в прошлом, сокращаются поставки импортных товаров. Но на замену им не пришли равноценные, а тем более превосходящие отечественные изделия. Такова ситуация. Большие надежды мы возлагаем на коренные качественные изменения в легкой промышленности, но тотчас этого не произойдет, это дело времени.

У нас прямые связи в основном с московскими поставщиками — всем известными «Большевичкой», «Салютом», «Вымпелом», с другими. Но вопросы ассортимента и качества пока не решены.

— Нет в достатке товаров? А почему бы не заключить договоры с кооператорами, с индивидуалами? Да выделить им лучший этаж в магазине, пусть торгуют!

— Ну, этаж — это вы через край. Мы присматриваемся к деятельности кооператоров, здесь много неясного. В одном из филиалов принимаем на комиссию изделия, сделанные в порядке индивидуальной трудовой деятельности, торгуют два кооператива. Что бьет больнее всего? Самые ходовые товары выпускаются в малом количестве. Мы настойчиво работаем с поставщиками. Попытки вырваться из состояния товарного голода делаем вроде бы решительные. Но до победы нам далеко. Мы переоценивали торговое воздействие на промышленность. Все было на уровне «эмоций и соглашений». Сейчас будут перемены. Штраф с поставщиков за нарушение хозяйственного договора — в нашем бюджете; а это 600 тысяч рублей за 1987 год. Недостаток товаров не имеет положительной стороны, но не дает уснуть товароведам, воспитывает в них предприимчивость, крепость ног и нервов.

Пора бы ввести в действие механизм: производитель получает деньги лишь за товар, который продан. Не поставщиком — магазину, а покупателю, для кого он и делался. Промышленность должна платить хозрасчетной торговле и за сверхнормативное хранение товара. Ведь дольше нужного лежит только неходовая вещь. Штраф, второй, третий — задумаешься, надо ли делать такой «ширпотреб»? Нам говорят: вы, мол, ставите нереальные условия, нечем будет платить зарплату рабочим. Делайте хорошие изделия, вмиг продадим, и будут вам деньги. Сейчас, «не обижая» рабочих, выпустивших брак, мы наказываем покупателей, среди которых и те самые рабочие...

И еще одно. На нас все время давит план «с ростом». Например, в этом году ЦУМ должен продать товаров на 763 миллиона рублей, что превышает реальные фонды на 57 миллионов.

— Вот и появляется одно из объяснений факту: в магазине народу много, а купить нечего...

— Вы не правы. На два с половиной миллиона в день продаем. Разве это нечего? К сожалению, мы не получаем достаточно хорошего товара. Заявка универмага на 1987 год была удовлетворена только на 90 процентов. По ряду наименований фонды сегодня меньше, чем в прошлом году. В той же цепочке — зарплата продавца, которая резко падает, когда план не выполнен. Мечемся, ищем товар, в спешке везем его в магазин, набиваем им торговые залы. Лишь бы продать, лишь бы выполнить план...

И выполняем! Но как...

— К слову, о товарообороте. Я подсчитал: если бы ЦУМ торговал по воскресеньям, то за год было бы сделано на сто миллионов рублей «дополнительных» покупок. Закрытые на замок в воскресенье магазины вовсе не улучшили торговлю...

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ЗАБОТЫ: ОЧЕРЕДЬ, ПРИЛАВОК, А ТЕПЕРЬ ЕЩЕ И САУНА...

— Сегодня работа в воскресенье — это проблема. Трудно бывает убедить коллектив. На мой взгляд, если и оставлять работающими по выходным, то лишь несколько крупных универмагов поочередно. И с выплатой зарплаты в двойном размере. За рубежом мне не приходилось видеть магазины, работающие в воскресенье...

— В большинстве стран надобность в воскресной торговле отпадает потому, что в субботу можно купить все, что нужно, — без суток и очередей. Так в Берлине, в Праге, в Будапеште...

— Может быть. Но все же перевод всех магазинов на воскресную торговлю считаю невозможным. Тогда еще труднее будет с кадрами.

— А сколько человек стоит в ЦУМе за прилавком, непосредственно выходит на покупателя?

— 1850 продавцов, 300 кассиров.

— Немного...

— Конечно. Вот был я в Чехословакии, там сравнимый с нашим универмаг, при общем пятитысячном составе, в управленческом аппарате имеет около 300 человек.

— Не мешало бы послать группу цумовцев на стажировку, скажем, в универмаги Праги и Будапешта, а оттуда пригласить продавцов к нам.

— Мы будем это делать, обязательно будем! Скажу больше: уже прорабатываем в деталях один из вариантов...

— Когда приедут к вам коллеги из Венгрии или Чехословакии и станут за прилавок, дайте нам знать — подготовим репортаж для читателей «Огонька».

— Непременно сообщу...

Дефицит продавцов и кассиров при изобилии управленческого аппарата — картина обычная. «Затоваривание» управленцами было свойственно всем отраслям. Кто позволил бы торговле быть в этом отношении оригинальней?! У ЦУМа большой управленческий аппарат. Пришло время серьезной реорганизации. Совет трудового коллектива, партком приняли решение о его сокращении. Приступили. Испытываем немало трудностей. Насиженные кресла не хотят оставлять «без боя». Но работа идет. Главное — доказать человеку, что универмаг обойдется без его управленческих усилий, что его микроучастие возьмет на себя другой как должное. Но я был бы наивным человеком, если бы предположил, что сокращенные вольются в отряд продавцов и кассиров. Будут искать управленческую же работу в другом месте. Но тенденция уже обозначилась: в непроизводственную сферу придут миллионы людей. Уверен, число работающих за прилавком увеличится, в том числе и за счет управленческих кресел. Ведь проблему надо решать без проволочек...

Многолетняя практика подсказывает мне: забота о покупателе начинается с заботы о продавце. Недавно построили свою сауну. Но странное дело: работники универмага так привыкли к отсутствию даже душевой, что не «замечают» и сауну. Никак не могут принять новое, но естественное звено технологической и, пожалуй, психологической цепочки торгового дела. День на ногах, в общении, часто нервном, тут банька в самый раз.

— Так и не ходят?

— Привыкнут. И к новой столовой — тоже. Словом, социальные вопросы сейчас встали во весь свой привлекающий и пугающий рост.

Нужно бы остановиться, подумать, поанализировать. А у нас все та же гонка за сумасшедшими цифрами плана, она не дает времени на поиски. Я за такую модель: никаких планов-приказов. Единственная основа — хозрасчет. Мы сами себе устанавливаем план, исходя из своих коммерческих и кадровых возможностей. От выручки зависит и зарплата, так что будем стараться. Должен действовать прямой мост: промышленность — универмаг — покупатель. Вот тогда в полную силу заработает самоуправление, как раз то, чего не хватает для настоящего хозрасчета.

При хозрасчете все увидишь как в лучах рентгена: кто работает, кто ворон считает. Перестройка — это прежде всего труд. Отраслевая газета, порой и радио говорят о перестройке в торговле, мы тоже об этом говорим в своем универмаге. Но это пока отголосок старого, кампанейского мышления. Как же, мол, не говорить о перестройке, если об этом все говорят? Я часто задаю вопрос: что нового в нашей отрасли, каков он, признак перестройки? Не нахожу его. Стали сами себя финансировать? Ну и что из этого? Покупателям от этого ни жарко, ни холодно. Культура обслуживания, может быть, стала лучше? Ничего подобного. Овладели экономическим методом управления? Пока сказать этого не могу...

— Когда прохожу мимо «Пассажа», меня, коренного москвича, удручает и оскорбляет неприветливая унылость его замкнутых, давно не мытых дверей.

— Эта унылость еще и расточительна. С той поры, когда был «Пассаж» закрыт на капитальный ремонт, мы лишились огромной суммы. Годовой товарооборот этого предприятия составлял 120 миллионов рублей. Закрыли магазин в 1984 году. Простой подсчет: на сегодняшний день неторгующий «Пассаж» вынул из цумовского кармана около 600 миллионов рублей.

— Так подгоните ремонтные работы...

— Если бы это от нас зависело. Вот посмотрите (директор показывает мне пухлую папку бумаг) — это переписка, утряска, согласование сроков. И их многократные перенесения... Действует все тот же остаточный принцип. Хотя сейчас дело вроде бы сдвинулось с места.

— Перед основным зданием ЦУМа большая и хорошая, но практически для торговли не используемая площадка. Почему?

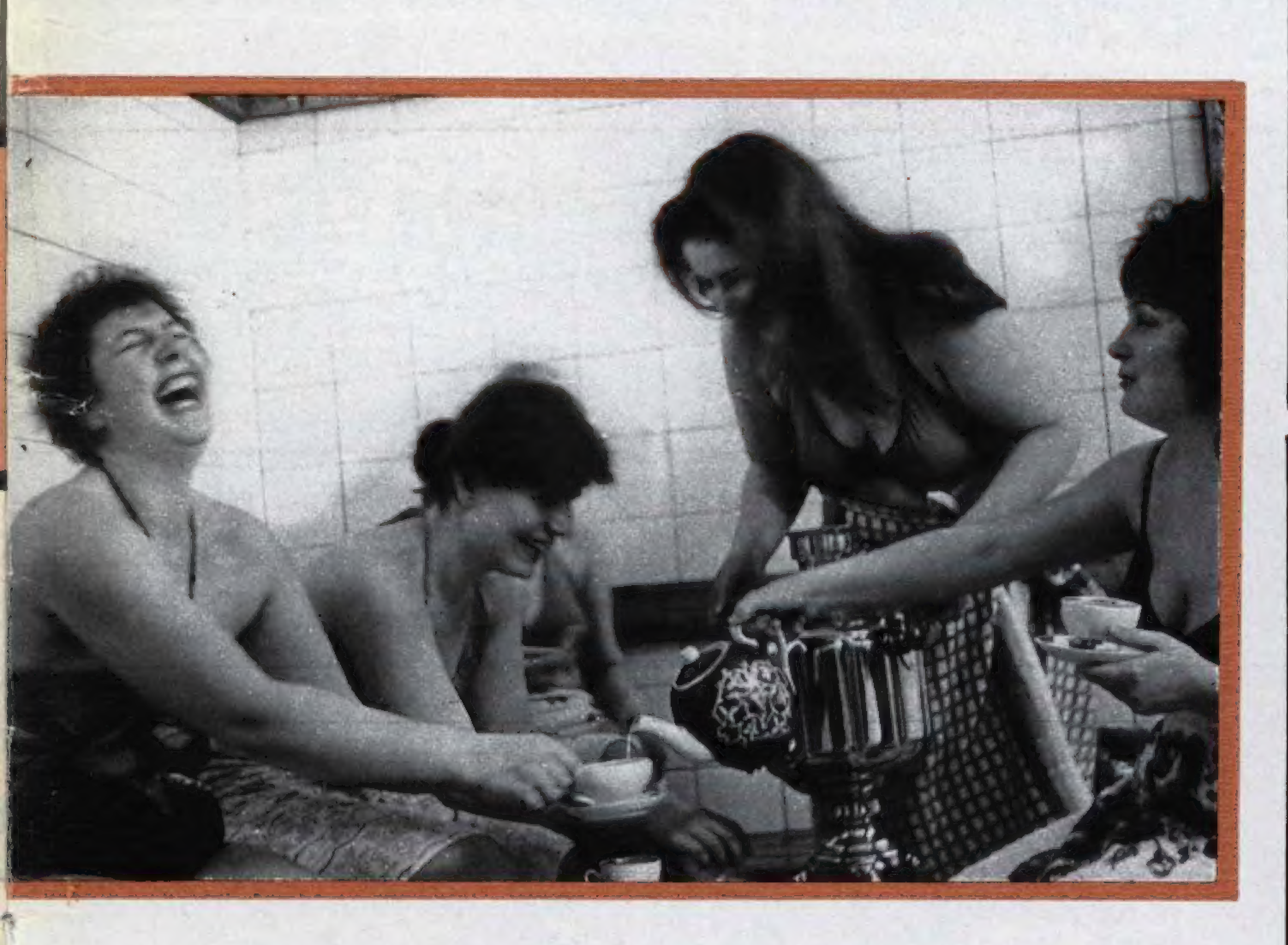
— Мы уже думали над этим. Полагаем, что летом этого года все будет сделано, организуем торговлю на хорошем уровне.

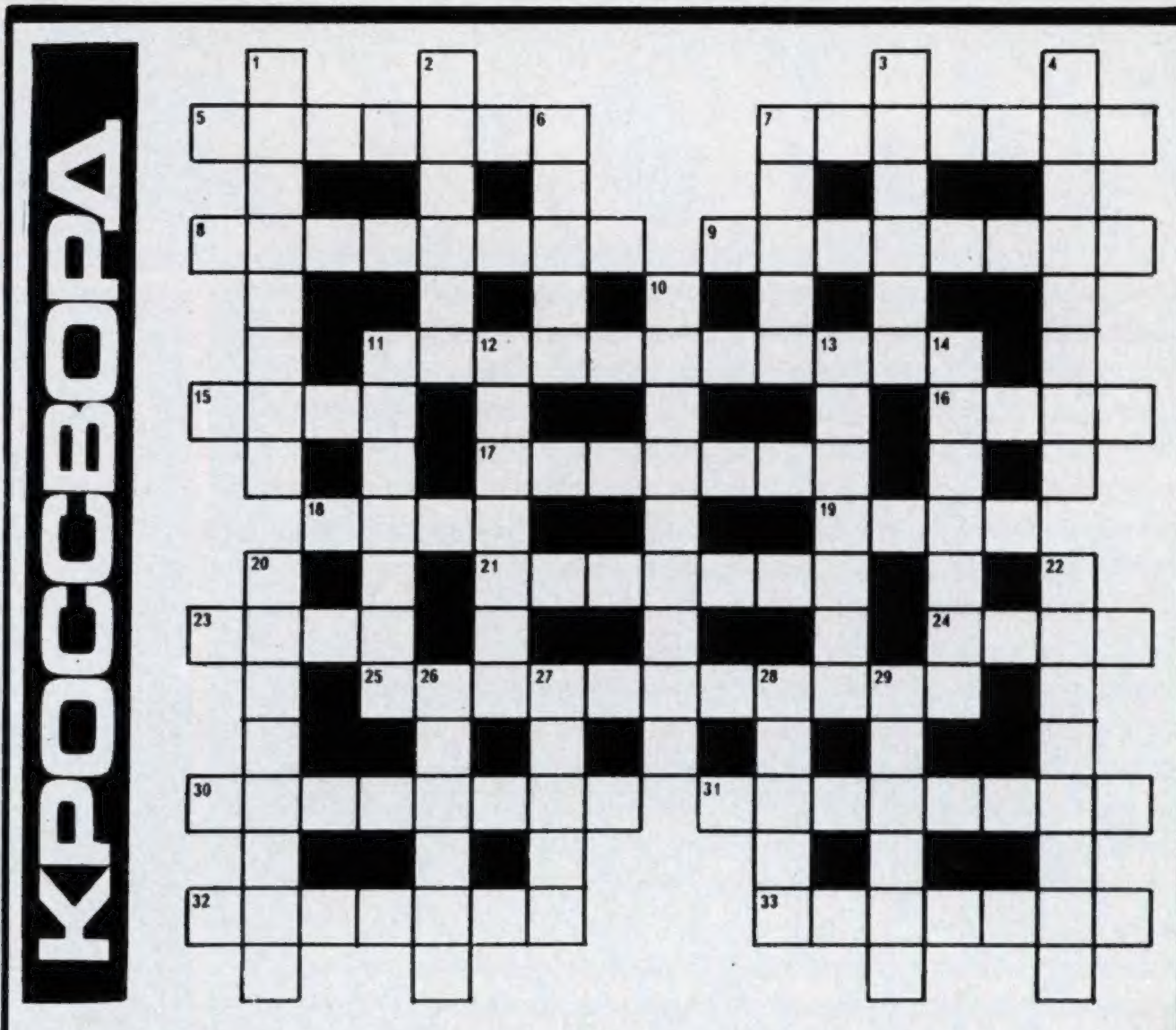
— Летний филиал ЦУМа? Насколько я знаю, есть и такие, что открыты круглый год. Они разбросаны по всей Москве. Может, сосредоточить все предприятия фирмы около основного здания?

— Отдали бы нам некоторые соседние помещения! Вокруг ЦУМа множество контор и конторок. Посматриваем на них и надеемся — может, передадут? Открыли бы там магазинчики, «фирменные» цумовские кафе... Развернулись бы как следует. Около нашего магазина «Светлана» есть роскошный дом, но он занят учреждением. Абсурд: здание, типично торговое здание, и не магазин! Так что резервы есть. Потенциальные, труднореализуемые. Очень сильна бюрократия.

— И все же?

— И все же я оптимист.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Специалист, дающий заключение по определенному вопросу. 7. Комсомольская песня первых лет революции. 8. Командир подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». 9. Физико-химик, академик, Герой Социалистического Труда. 11. Независимость государства. 15. Современный бальный танец. 16. Партия в опере для одного голоса. 17. Аппарат для размножения рукописного текста. 18. Аппарат для размола в производстве бумаги. 19. Быстрота движения, интенсивность развития. 21. Главный дирижер Большого театра в XIX—XX веках. 23. Роман Р. Тагора. 24. Устройство для автоматической коммутации электрических цепей. 25. Анализ недостатков собственной работы. 30. Развитие, переход к более совершенному. 31. Качество, которому должна соответствовать продукция. 32. Материал на основе полимеров. 33. Руда.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Устройство для очистки газов. 2. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 3. Командующий армией, фронтами в гражданскую войну. 4. Публицистическое произведение в форме письма. 6. Действующее лицо в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 7. Картина Н. К. Рериха. 10. Проверка и исправление текста. 11. Город в Литве. 12. Персонаж трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 13. Итальянский скрипач, композитор, музыкальный теоретик XVIII века. 14. Река в Восточной Сибири. 20. Проверка, наблюдение с этой целью. 22. Химический элемент, легкий металл. 26. Река в Колумбии. 27. Пространство внутри корпуса судна, ограниченное непроницаемыми переборками. 28. Курорт в Болгарии. 29. Свод законов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Орошение. 8. Архипова. 9. Водоизмещение. 13. Шнур. 14. Амфитеатр. 17. Часы. 18. Азамат. 19. Байкал. 20. Рубрика. 21. Укаяли. 23. Флакон. 25. Цикл. 26. Самарканд. 28. Стаж. 29. Геоморфология. 32. Ярошенко. 33. Топорков.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Поговорка. 2. Лебедка. 3. Девиз. 4. Данте. 5. Цилиндр. 6. Корнейчук. 10. Метеорограф. 11. Андалузит. 12. Вселенная. 15. Матрица. 16. Тубафон. 22. Аллигатор. 24. Костяника. 26. Спондей. 27. Договор. 30. «Рожок». 31. Осетр.

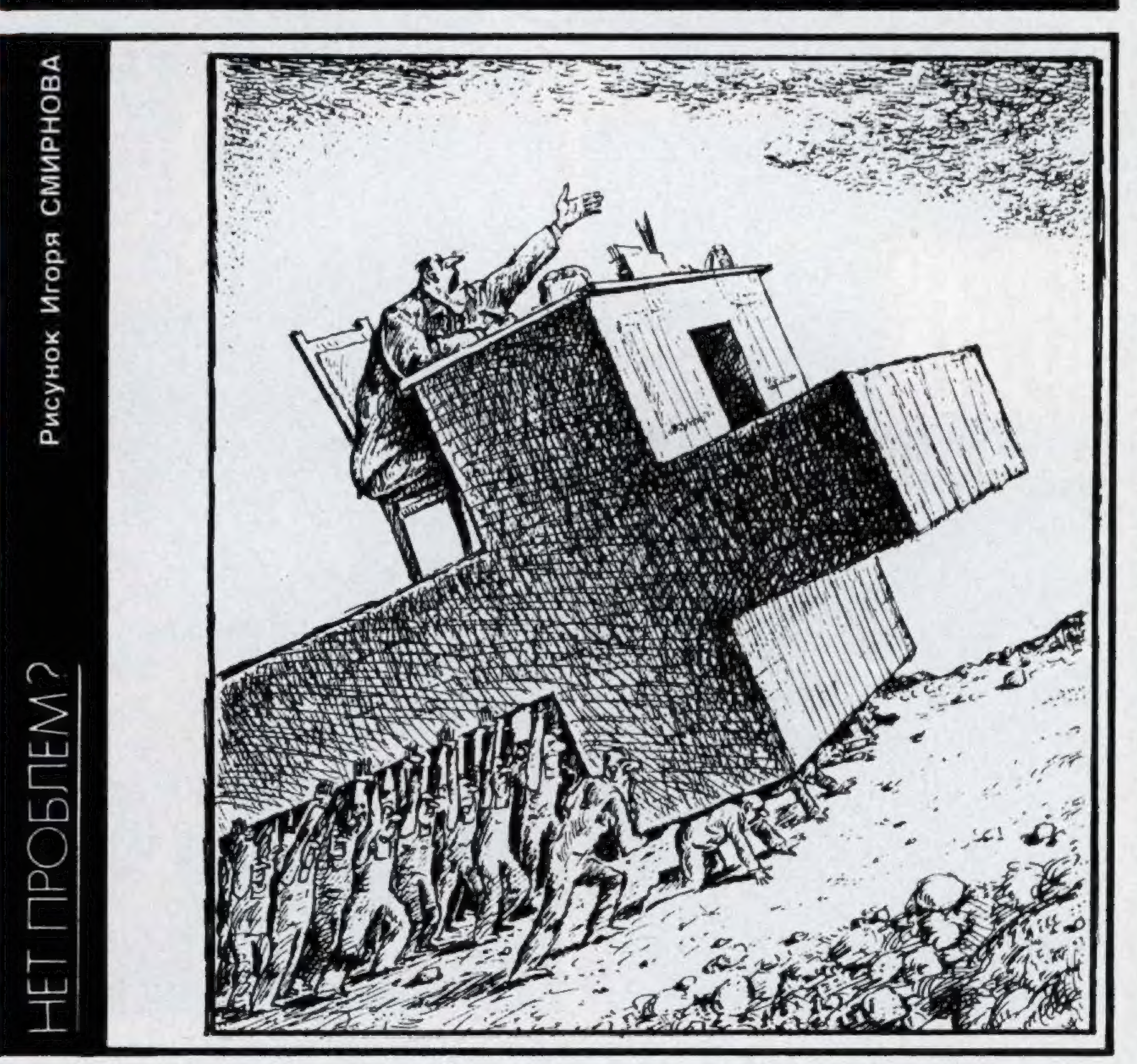

Рисунок Игоря СМИРНОВА

ТОМСКИЕ УЗОРЫ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

Этот город с другим не спутаешь. Стоит только свернуть с грохочущей главной улицы в переулок, как окружит тебя патриархальная тишина и обступят деревянные дома, покрытые такой затейливой резьбой, что голова пойдет кругом от восторга. Ах, эти деревянные кружева Томска! Таких не увидишь больше нигде. Здесь не найдешь двух одинаковых домов, и целые кварталы словно бы в музей просятся. Дома, как правило, двухэтажные, стоят тесно один к одному. Их карнизы, наличники, филенки дверей, балконы, пилястры, столбы ворот щедро украшены резьбой.

Я бродил по деревянному Томску целыми днями, размышляя о том, что время, к сожалению, не щадит дерева, которое не столь долговечно, как камень. Впрочем, деревянным кружевам Томска, видимо, суждена долгая и счастливая жизнь, поскольку мастерская «Томскреставрация» не только следит за сохранностью резьбы, но и прилежно восстанавливает с дотошной тщательностью поврежденную...

ОГОНЁК

Фото и текст Юрия ЛУШИНА